Вл. 32911 с

<3660586429001 7

<3660586429001 7

Bayer. Staatsbibliothek

ЛОГТ
ДЕТГИЗ
Ц. 2. р. 50 к.

Біогр. 3291 с

Л К Т
Магазин № 64
ц. 12 р.
кв. №

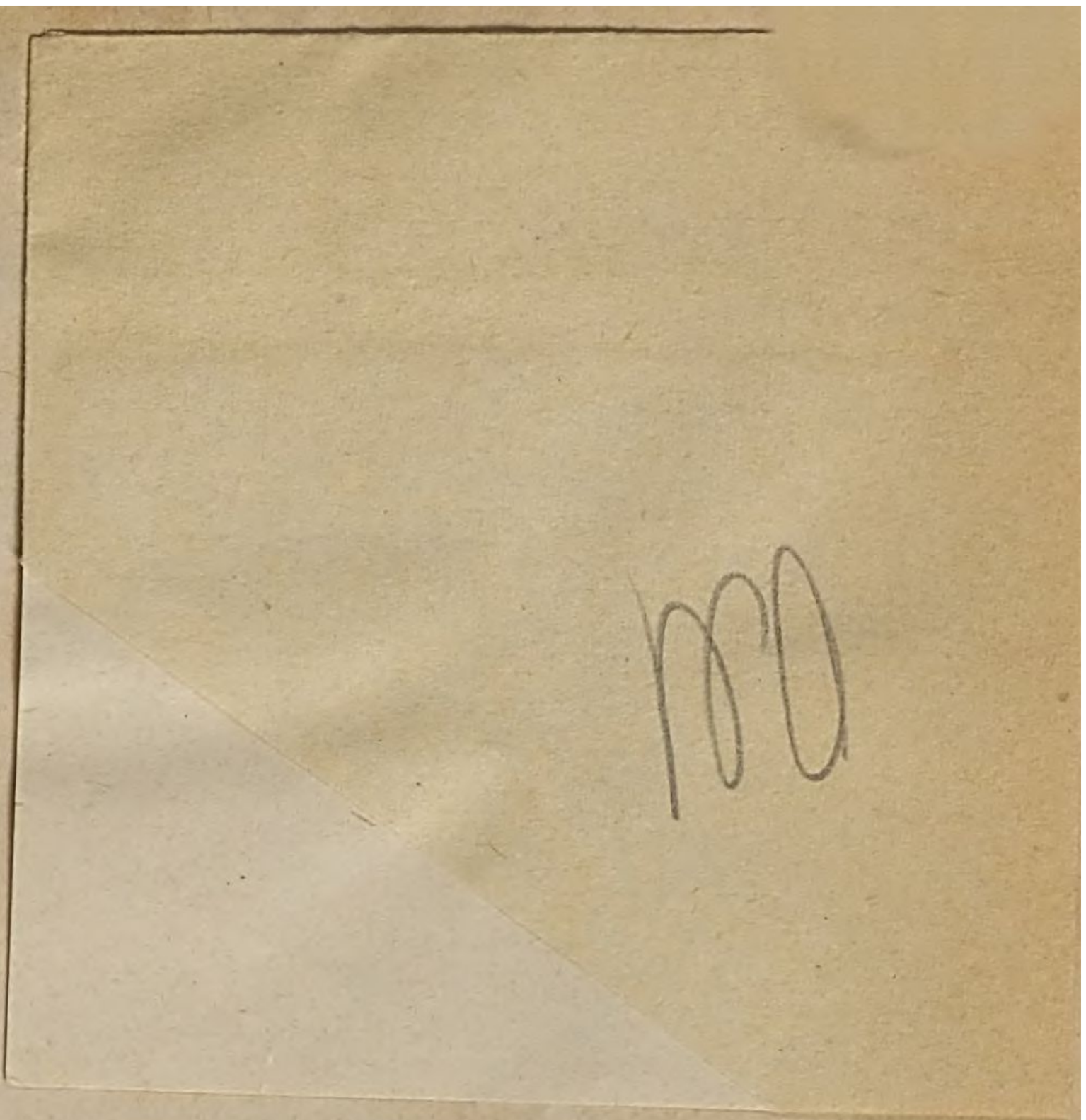
8825

Sologub

ВОСПОМИНАНІЯ

ГРАФА В. А. СОЛОГУБА

FgT/76/6487



ГРАФЪ В. А. СОЛЛОГУБЪ.

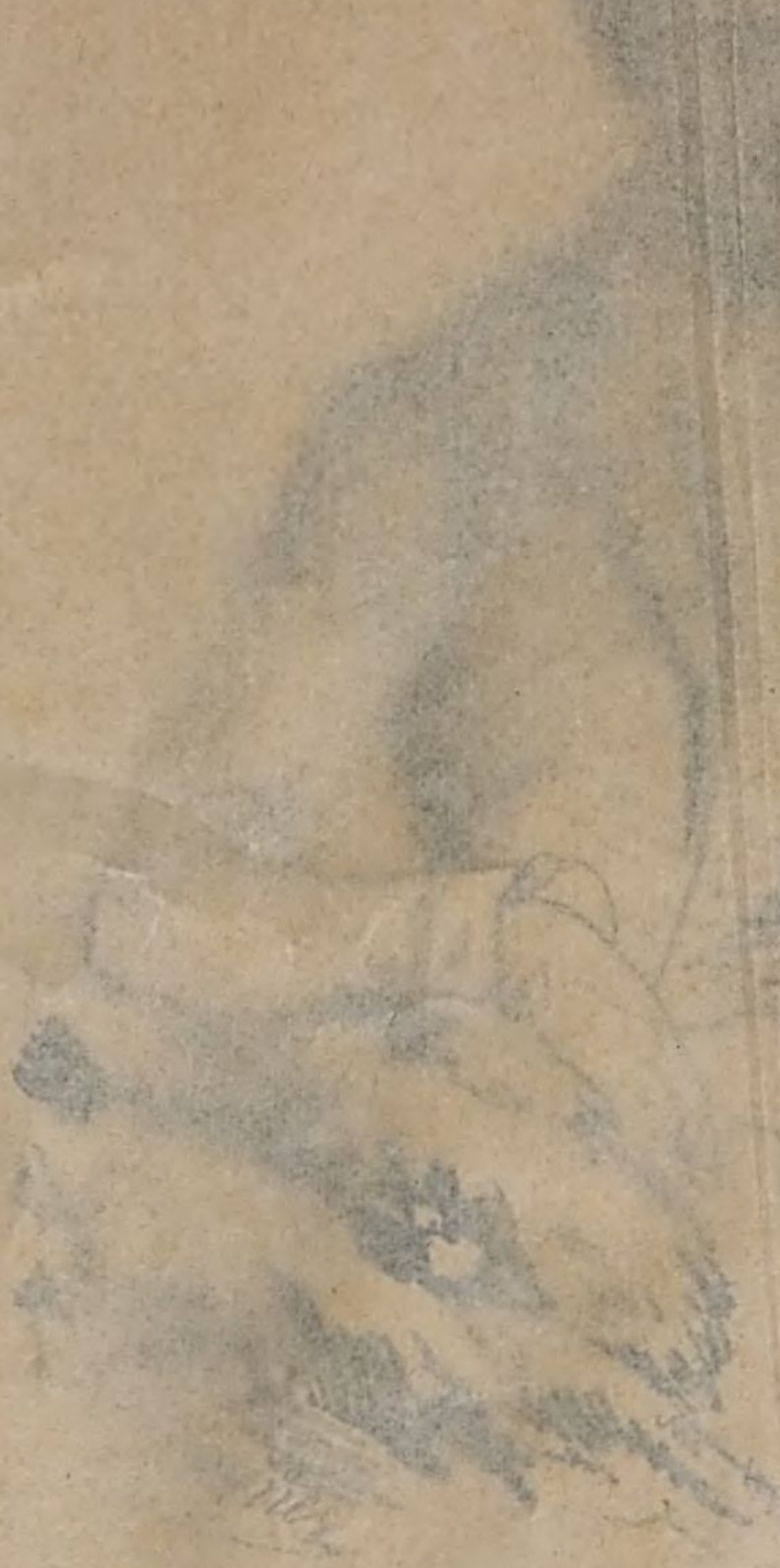
Съ литографіи Мюллера въ Карлсруэ, 1843 года.

дозв. ценз. спб., 30 іюля 1887 г.

[illegible]

COMEDIA

[illegible]



ГРАФЪ Р

Въ литографіи

ВОСПОМИНАНІЯ

ГРАФА

ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

СОЛОГУБА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

Библіотека
Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества
МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ. СТРАН.

I. Родители и родственники.—Оригинальная система воспитанія.—Печальная исторія Вани Посникова.—Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.—Анекдотъ о Гнѣдичѣ.—Семейство Архаровыхъ.—Характеристика отца и матери.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Мое рожденіе, мнимая смерть и необычайное оживленіе.—Поѣздка за границу.—Жизнь въ Парижѣ.—Убійство герцога Беррійскаго.—Людовикъ XVIII.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Князь А. И. Барятинскій.—Воспитаніе въ домѣ родителей.—Протоіерей Кочетовъ.—П. А. Плетневъ.—Нарышкинская дача въ Павловскѣ.—Посѣщеніе императоромъ Александромъ I моей матушки.—Царскія прогулки.—Князь И. В. Васильчиковъ.—Разсказъ его о заговорѣ декабристовъ.—Высшее общество въ концѣ царствованія Александра I.—Д. М. Кологривовъ и его выходки.—Силачъ Лукинъ.—Князь А. Н. Голицынъ.—Оберъ-гофмаршалъ К. А. Нарышкинъ.—Оберъ-егермейстеръ Д. Л. Нарышкинъ.—Софья Нарышкина.—Народные маскарады во дворцѣ.—Придворный праздникъ въ честь великой княгини Маріи Павловны.—Наводненіе 7-го ноября 1824 года.—Кончина императора Александра I. 1

II. Павловскъ.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Бабушка Архарова, ея образъ жизни и выѣздъ ко двору и въ гости.—Просперъ Сологубъ.—Семейство Голицыныхъ.—Семейство Шарьеръ.—Евгеній Штеричъ.—Первое знакомство съ М. Н. Глинкой.—Иванъ Петровичъ Архаровъ.—Николай Петровичъ Архаровъ.—Архаровскій полкъ.—Празднованіе именинъ бабушки.—Посѣщеніе императрицы.—Великій князь Александръ Николаевичъ.—Поѣздка въ Симбирское имѣніе.—Наше дорожное общество.—Н. А. Щепотьевъ.—Переправа черезъ Волгу.—Новыя ощущенія.—Пріѣздъ въ Никольское.—Встрѣча. 45

ГЛАВЫ. СТРАН.

III. Никольское. — Горнозаводчикъ Твердышевъ. — Н. И. Дурасовъ. — В. И. Григоровичъ. — Декабристъ Ивашевъ и Камилла Ledentu. — Докторъ Кельцъ. — Исторія семейства Кротковыхъ. — Праздникъ въ Никольскомъ. — Перемѣна въ образѣ жизни отца. — А. Л. Нарышкинъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — С. А. Еропкина. — П. С. Яковлевъ. — Дядя графъ Л. И. Сологубъ и его семья. — Князь А. М. Горчаковъ. — Князь Г. С. Голицынъ. — Семейство Шуазель-Гуффье. — Князь Сергѣй (Өирсъ) Голицынъ и его чудачества. — 14 декабря 1825 года. — Императоръ Николай Павловичъ. — Мое поступленіе въ Дерптскій университетъ. — Образъ жизни русскихъ студентовъ. — Семейство Золотаревыхъ. — Знакомство съ Гоголемъ и Пушкинымъ. — Окончаніе курса въ Дерптскомъ университетѣ и возвращеніе въ Петербургъ. — Прискорбное недоразумѣніе съ М. Е. Салтыковымъ (Щедринымъ). 78

IV. Высшее петербургское общество сороковыхъ годовъ. — Н. Д. Кологривова и ея пріемы. — Случай съ графомъ Чернышевымъ. — Графиня А. К. Воронцова-Дашкова и ея балы. — Князь Юсуповъ. — Графъ М. Ю. Віельгорскій и его жена, рожденная герцогиня Биронъ. — Великая княжна Ольга Николаевна. — Моя женитьба на С. М. Віельгорской. — Эксцентрическая выходка тещи. — Характеристика М. Ю. Віельгорскаго. — Его разсѣянность. — Е. М. Хитрово, рожденная Кутузова. — Забавный анекдотъ. — Эпиграмма Пушкина. — Мужъ и жена Панаевы. — Некрасовъ. — Графиня Е. Ө. Тизенгаузенъ. — Герценъ. — Мое стихотвореніе, переведенное на французскій языкъ Лермонтовымъ. — Пріемы Карамзиныхъ. — Князь П. А. Вяземскій. — Анекдотъ о князѣ А. Ө. Орловѣ. — Князь В. Ө. Одоевскій. — Его химическіе обѣды. — Странный разсказъ Гоголя. — А. К. Демидова и ея сестра. — Забавный случай съ Демидовой. — Маленькое происшествіе въ Гельсингфорсѣ. — Великая княгиня Елена Павловна. — Выходка великаго князя Михаила Павловича. — Графъ Ланжеронъ. — Анекдоты о немъ. — Нравы того времени. — Дуэль двухъ пріятелей. — Еще разсказъ о графѣ Ланжеронѣ. — Оригинальный генералъ-амфитріонъ. — Мое поступленіе на службу. — Прикомандированіе меня къ тверскому губернатору графу Толстому. — Знакомство съ Бакунинымъ. — Щекотливое порученіе. — Гоголевскій городничій. — Несчастный калмыкъ. — Таинственный домъ. — Хлыстовскій обрядъ. — Арестъ хлыстовскаго сборища. — Слѣдствіе. — Мое волокитство и непріятная мистификація. — Забавный случай на водахъ. 123

V. Мое возвращеніе въ Петербургъ. — Отношенія къ Пушкину. — Ложное положеніе Пушкина въ петербургскомъ обществѣ. — Дантесъ. —

ГЛАВЫ. СТРАН.

Подметныя письма.—Я предлагаю себя Пушкину въ секунданты.—Порученіе Пушкина мнѣ условиться относительно дуэли съ д'Аршіакомъ. — Мое объясненіе съ д'Аршіакомъ. — Отказъ Пушкина отъ дуэли, вслѣдствіе рѣшенія Дантеса жениться на его свояченицѣ.—Мой отъѣздъ въ Харьковъ.—Кончина Пушкина.—Встрѣча съ Дантесомъ.—Лермонтовъ.—Гоголь и мои отношенія къ нему.—Послѣднее свиданіе съ нимъ въ 1850 году.—Параллель между Пушкинымъ и Гоголемъ.—Моя служба въ Харьковѣ. — Графъ А. Г. Строгановъ.—Григорій Строгановъ.—Легендарная попойка.—Характеристика графа А. Г. Строганова.—Княгиня Кочубей.—Образъ ея жизни въ Диканькѣ.—Комическая сцена въ церкви.—Графъ Головкинъ.—Его волокитство.—Анекдоты о Потемкинѣ . . 175

VI. Мое назначеніе камеръ-юнкеромъ.— Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.— Великая княгиня Марія Николаевна.—Царскіе вечера въ Аничковомъ дворцѣ.— Оригинальная игра въ карты.—Царская семья.—Шалость великаго князя Константина Николаевича.—Придворные балы.—Балъ у графа Воронцова-Дашкова. — Лермонтовъ.—Его ссылка на Кавказъ.—Нѣкоторыя подробности для его характеристики.—Тесть и теща мои.—Образъ ихъ жизни.—Моя первая жена.—Успѣхъ моего „Тарантаса“.—Совѣты Гоголя.—Первое представленіе моей пьесы „Петербургское цвѣтобѣсіе“.—Неудовольствіе цесаревича Александра Николаевича.—Мнѣніе императора Николая Павловича о моемъ „Тарантасѣ“.—Мои вечеринки.—Графъ Д. Н. Блудовъ.—Ѳ. И. Тютчевъ.—Знакомство съ Ѳ. М. Достоевскимъ. — Интересъ, возбуждающійся въ высшемъ обществѣ моими вечеринками.— Графъ Фредро. — Піанистъ Леви.— Вечеръ въ Мраморномъ дворцѣ, въ честь королевы Нидерландской.— Моя пьеса „à propos“ и ея успѣхъ.— Праздники въ Петергофѣ. 202

VII. Князь М. С. Воронцовъ.—Его утренніе служебные пріемы.—Анекдотъ о немъ.—Его характеристика.—Докторъ Андреевскій.—Князь Эристовъ.—Личная храбрость Воронцова и его обращеніе съ солдатами.— Княгиня Е. К. Воронцова. — Марья Васильевна Столыпина. — Женитьба молодого Воронцова. — Тифлисъ пятидесятыхъ годовъ.—Н. А. Ханыковъ.—Разсказъ И. С. Тургенева объ его обѣдѣ съ Жемчужниковымъ въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ.— Приближенные князя Воронцова.—Тогдашнее тифлисское общество.—Празднество въ Кутаисѣ по случаю пріѣзда императора Александра Николаевича.— Стихи, написанные мною по этому случаю, и произведенный ими эффектъ.—Дружескіе проводы при моемъ отъѣздѣ съ Кавказа.—Воспоминаніе о крымской кампаніи. 226

VIII. Воцареніе императора Александра Николаевича.— Коронація.— Гер-

ГЛАВЫ. СТРАН.

цогъ де-Морни.— Поѣздка моя за границу для осмотра иностранныхъ театровъ по порученію министра двора.— Знакомство съ Россини.— Завтракъ у него.— Г-жа Ѳедоръ Минвіель.— Необычайный концертъ.— Свиданіе съ Александромъ Дюма-отцомъ.—Его обѣды и собиравшееся на нихъ общество.— Александръ Дюма-сынъ и его отношенія къ отцу.— Вечера русской княгини.— Жоржъ-Зандъ.— Ея связь съ Жюлемъ Сандо.— Фредерикъ Леметръ.— Генрихъ Мюржеръ.— Парижская гризетка того времени — Jardin Bullier.— Эдмондъ Абу.— Принцесса Матильда.— Г-жа Калерджи.— Баденскіе сезоны.— Мейерберъ.— Анекдотъ про Вольтера и Пирона.— Знакомство съ Скрибомъ.— Оберъ.— Анекдоты про него. 246

IX. Мое переселеніе въ Дерптъ.— Дерптское общество.— Моя вторичная поѣздка на Кавказъ. — Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. — Его предложеніе мнѣ.— Наше путешествіе.— Мое разочарованіе.— Разладъ съ Барятинскимъ и мой отъѣздъ изъ Тифлиса.— Анекдотъ о канцлерѣ князѣ А. М. Горчаковѣ.— Баронесса Ю. П. Вревская. — Ея кончина. — Пророчество о болгарахъ. — Моя поѣздка въ Парижъ. — Русскій посолъ во Франціи графъ Киселевъ. — Балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ.— Представленіе императору Наполеону и императрицѣ Евгеніи.— Грубость камеръ-лакеевъ. — Приключеніе съ Лазаревымъ. — Знакомство съ Галеви. — Изобрѣтатель метода хоральнаго пѣнія Шеве.— Его неудачная поѣздка въ Петербургъ.— Моя брошюра „Les musiciens contre la musique“.— Мое возвращеніе въ Россію 275

I.

Родители и родственники.—Оригинальная система воспитанія.—Печальная исторія Вани Посникова.—Θ. Θ. Кокошкинъ.—Анекдотъ о Гнѣдичѣ.—Семейство Архаровыхъ.—Характеристика отца и матери.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Мое рожденіе, мнимая смерть и необычайное оживленіе.—Поѣздка за границу.—Жизнь въ Парижѣ.—Убійство герцога Беррійскаго.—Людовикъ XVIII.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Князь А. И. Барятинскій.—Воспитаніе въ домѣ родителей.—Протоіерей Кочетовъ.—П. А. Плетневъ.—Нарышкинская дача въ Павловскѣ.—Посѣщеніе императоромъ Александромъ I моей матушки.—Царскія прогулки.—Князь И. В. Васильчиковъ.—Разсказъ его о заговорѣ декабристовъ.—Высшее общество въ концѣ царствованія Александра I.—Д. М. Кологривовъ и его выходки.—Силачъ Лукинъ.—Князь А. Н. Голицынъ.—Оберъ-гофмаршалъ К. А. Нарышкинъ.—Оберъ-егермейстеръ Д. Л. Нарышкиннъ.—Софья Нарышкина.—Народные маскарады во дворцѣ.—Придворный праздникъ въ честь великой княгини Маріи Павловны.—Наводненіе 7-го ноября 1824 года.—Кончина императора Александра I.

Восьмаго августа 1813 года, случилось въ Петербургѣ, у Симеоновскаго моста на Фонтанкѣ, происшествіе, надѣлавшее мнѣ впослѣдствіи много хлопотъ. Домъ Мижуева, понынѣ, кажется, существующій, былъ свидѣтелемъ моего рожденія и крещенія въ православную вѣру.

Скажу сперва нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ Сологубъ, происходилъ отъ знатнаго литовскаго рода, обладавшаго огромными помѣстьями въ Литвѣ и въ Польшѣ. Въ запискахъ принца де-Линя (de-Ligne) упоминается о пріѣздѣ

ко двору императрицы Екатерины II трехъ польскихъ магнатовъ: Любомірскаго, Сапѣги и Сологуба. Послѣдній, графъ Иванъ Антоновичъ, женился на дочери извѣстнаго Льва Александровича Нарышкина, фрейлинѣ Натальѣ Львовнѣ. Но бракъ ихъ, какъ кажется, не былъ счастливъ. При старости они жили врознь. Иванъ Антоновичъ скончался въ Дрезденѣ, гдѣ я не могъ отыскать его могилы. Наталья Львовна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ. Отъ ихъ брака осталось трое дѣтей. Полковникъ графъ Левъ Ивановичъ, женившійся на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ знаменитаго канцлера, и раззорившійся отъ неудачныхъ спекуляцій; отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ, и дочь Наталья Ивановна, вышедшая за князя Григорія Сергѣевича Голицына, родоначальница цѣлаго поколѣнія Голицыныхъ. Отецъ мой женился на Софьѣ Ивановнѣ Архаровой, дочери московскаго военнаго губернатора Ивана Петровича Архарова, шефа полка своего имени. Иванъ Петровичъ былъ женатъ два раза; сперва—на Щепотьевой, отъ которой прижилъ двухъ дочерей: Марью, бывшую замужемъ за сенаторомъ Захаромъ Николаевичемъ Посниковымъ, и Варвару, вышедшую замужъ за Кокошкина, директора московскаго театра и классическаго переводчика Мольеровскаго «Мизантропа», впрочемъ, имъ весьма тяжело переведеннаго. И Посниковъ, и Кокошкинъ были большіе оригиналы. Я ихъ живо помню. Первый былъ тучный, плохо выбритый, съ отвислой губой, чиновникъ, кажется, изъ малороссіянъ, слылъ законникомъ и докой, но въ обращеніи былъ циникъ и грубоватъ, такъ что за обѣдомъ снималъ иногда съ головы накладку и въ видѣ шутки кидалъ ее на полъ. Жена его, Марья Ивановна, отличалась необыкновенно плоскимъ и широкимъ

лицомъ, большою живостью и классическою начитанностью. Разговоръ свой она обыкновенно перемѣшивала цитатами изъ Корнеля, Расина и Вольтера. Жизнь свою она посвятила воспитанію и обожанію своего единственнаго сына, Ивана Захаровича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Вани. Ваня былъ роста исполинскаго, а лицомъ и добросердіемъ похожъ на мать. Къ образованію его придумывались разныя диковинныя средства. Между прочимъ въ большой залѣ ихъ московскаго, на Смоленскомъ рынкѣ, дома стоялъ театръ маріонетокъ, изображавшихъ для нагляднаго обученія важнѣйшія миѳологическія и историческія событія. Помню, что однажды во время нашего проѣзда черезъ Москву, гдѣ мы всегда останавливались у тетки, состоялся великолѣпнѣйшій спектакль «Гибель Трои». Въ вечеръ представленія все началось благополучно. Видъ Трои, историческій конь, извергавшій воиновъ, безпощадное сраженіе—все приводило зрителей въ восторгъ; но, когда злополучный городъ долженствовалъ запылать со всѣхъ концовъ для завершенія сценическаго эффекта, никакого пожара не воспослѣдовало. Въ этотъ вечеръ Троя не погибла. Оказалось, что мастеровой Зуровъ, соединявшій въ себѣ должности декоратора, машиниста и режиссера, имѣлъ еще спеціальность горькаго пьяницы и лежалъ безъ чувствъ, выпивъ до послѣдней капли приготовленный для пламени спиртъ. Вечеръ кончился безъ гомерической катастрофы. Это мнѣ служило указаніемъ, до какой степени доходитъ въ Россіи слабость къ крѣпкимъ напиткамъ. Отъ этой слабости не уберегся впослѣдствіи и самъ Ваня. Впрочемъ, онъ пользовался и другими наставленіями. Къ нему даже былъ приставленъ молодой преподаватель, впослѣдствіи призванный къ широкой дѣятельности на полѣ русской журналистики, а именно Андрей Александровичъ Краев-

скій. Когда Ваня подросъ и принялъ видъ гигантскій, Посниковы переѣхали въ Петербургъ, и Ваня поступилъ въ университетъ. Въ Петербургѣ Краевскій ихъ оставилъ и началъ готовиться къ занятіямъ, составившимъ его карьеру. Бѣдный Ваня скоро остался одинъ. Отецъ и мать его скончались. Самъ онъ былъ подготовленъ къ жизни маріонетками и слѣпымъ обожаніемъ матери, не чающей въ немъ души. Бываютъ случаи, впрочемъ, рѣдкіе, что женщины, нрава твердаго и разсудка зрѣлаго, успѣваютъ справиться съ воспитаніемъ сыновей своихъ и подготовленіемъ ихъ къ жизненной борьбѣ. Но, большею частью, такіе опыты не удаются. Материнская нѣжность заурядъ увлекается снисходительностью, безсознательно потворствуетъ природнымъ порокамъ сынковъ и губитъ ихъ будущность, оставляя ихъ безъ защиты противъ искушеній. Бѣдный Иванъ Захаровичъ служилъ тому примѣромъ. Сложеніемъ — колоссъ, душою и голосомъ — ребенокъ, не то юродивый, не то человѣкъ образованный, безъ воли и цѣли печально надъ собою подшучивающій, ни къ чему не примкнувшій, ни къ чему не стремившійся, онъ стоялъ въ жизни какъ растерянный; нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ Одессѣ, гдѣ прозябалъ робко, безъ самодостоинства, и служилъ, увы! потѣхою для одесскихъ богатыхъ кутилъ. Извѣстный графъ Самойловъ забавлялся имъ какъ шутомъ, хотя между ними было нѣкоторое сходство. Одинъ доходилъ до безобразія отъ избытка силы, другой отъ крайняго безсилія. Оба могли бы быть превосходными типами для романа. Подъ конецъ я имѣлъ случай пристыдить Посникова. Онъ образумился, пріобрѣлъ друзей истинныхъ, привлеченныхъ его безконечнымъ добродушіемъ. Онъ даже имѣлъ счастье найдти заботливую жену, радѣвшую сердечно о немъ, и сдѣлался хорошимъ аквare-

листомъ. Среда, цѣль, занятія, спокойствіе, самосознаніе были найдены... Но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Болѣзнь скрутила могучую природу. Иванъ Захаровичъ умеръ въ Москвѣ. Миръ его праху. Добрый, тихій, даровитый и жалкій былъ онъ человѣкъ.

Отъ перваго брака дѣда моего, Ивана Петровича, родилась еще другая дочь, Варвара. По портретамъ видно, что она была красива собою. Она скончалась въ молодости, чуть ли не послѣ родовъ, оставивъ мужу своему Кокошкину единственную дочь Марью (впослѣдствіи Козлову). Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина я отлично помню, такъ какъ фигура его отличалась необыкновенною оригинальностью. Онъ былъ малаго роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большой головой и нарумяненными щеками. Носилъ онъ длинные чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а никогда розоваго, цвѣта. Онъ кичился олицетвореніемъ важности, паѳоса и самодовольствія. Переводъ «Мизантропа» предоставлялъ ему видное мѣсто въ русской драматической литературѣ, и ему-то онъ былъ обязанъ своимъ званіемъ директора императорскаго театра. Онъ, впрочемъ, заботился добросовѣстно своею должностью. Имъ поощрены были дебюты Мочалова, М. С. Щепкина и В. И. Живокини, которые всегда относились къ нему съ благодарностью. При немъ процвѣтала актриса Сандунова. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ пьесъ переводныхъ, трагедій Озерова, оперетокъ князя Шаховского и драмъ Полевого. Большія надежды возлагались на молодого Писарева, слишкомъ рано похищеннаго смертью.

Писаревъ ѣздилъ къ теткѣ Посниковой, большой охотницѣ до литературы. Онъ былъ человѣкъ ловкій и пріятной наружности. Я глядѣлъ на него съ благоговѣніемъ.

По величавости рѣчи и пріемовъ, Кокошкинъ напоми-

налъ Н. И. Гнѣдича, который, кажется, и думалъ гекзаметрами и относился ко всему съ вершины Геликона. Приведу къ слову случай довольно характеристическій. Когда Гнѣдичъ получилъ мѣсто библіотекаря при императорской публичной библіотекѣ, онъ переѣхалъ на казенную квартиру. Къ нему явился Гоголь поздравить съ новосельемъ.

— Ахъ, какая славная у васъ квартира,— воскликнулъ онъ съ свойственной ему ужимкою.

— Да, отвѣчалъ высокомѣрно Гнѣдичъ:—посмотри на стѣнахъ краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубецъ!

Подивившись чудной краскѣ, Гоголь отправился къ Пушкину и разсказалъ ему о великолѣпіи голубца. Пушкинъ разсмѣялся своимъ дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ, и съ того времени, когда хвалилъ какую нибудь вещь, нерѣдко приговаривалъ:—«Да, эта вещь не простая, чистый голубецъ».

Вообще, наши писатели двадцатыхъ годовъ, большею частью, держали себя слишкомъ надменно, какъ священнослужители или сановники. И самъ Пушкинъ не былъ чуждъ этой слабости: не смѣшивался съ презрѣнною толпой, давая ей чувствовать, что онъ личность исключительная, сосудъ вдохновенія небеснаго.

По кончинѣ первой своей жены, Иванъ Петровичъ Архаровъ женился на Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, дѣвушкѣ не молодой, не образованной, ускользнувшей отъ вліянія Екатерининскаго двора, но чрезвычайно замѣчательной по своему добросердечію, твердости характера и коренной русской типичности. Къ ней относятся преимущественно воспоминанія моего дѣтства. Отъ нея родились двѣ дочери: старшая Софья, вышедшая за графа А. И. Сологуба, моя мать, и вторая — Александра, вышедшая за А. В. Васильчикова.

Иванъ Петровичъ занималъ, какъ выше сказано, важную должность въ царствованіе императора Павла I, но, тѣмъ не менѣе, впалъ въ немилость. Онъ былъ сосланъ на жительство въ Тулу, куда немедленно отправился со всѣмъ своимъ семействомъ. Любопытнымъ эпизодомъ этого событія было то, что вся Москва ихъ провожала за заставу. Благодарные горожане выражали смѣло свое сочувствіе, кто какъ могъ. Иной привезъ конфекты, другой пироги на трудную и дальнюю поѣздку. Одинъ молодой литераторъ привезъ даже цѣлую кипу учебныхъ книгъ для дѣтей. Этотъ литераторъ былъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Разсказы объ этихъ проводахъ я часто слышалъ въ семейномъ кругу и къ нимъ всегда обращались охотно, какъ къ свидѣтельству о почетѣ и общественномъ уваженіи, которыми пользовались Архаровы въ первопрестольной столицѣ. Въ Тулѣ они оставались, впрочемъ, недолго. Какой-то непрошенный гость явился вдругъ къ бабушкѣ и объявилъ ей шепотомъ, что государь скончался. Бабушка тотчасъ приказала выгнать его вонъ и запереть ворота на запоръ. Но извѣстіе подтвердилось. Опала миновала, и Архаровы возвратились въ Москву. Тутъ возобновилась жизнь радушная, привѣтливая, полная широкой ласки и неугомоннаго хлѣбосольства. То не была жизнь магнатовъ-вельможъ Потемкиныхъ, Орловыхъ, Нарышкиныхъ, ослѣплявшая блескомъ и давящая роскошью. По дошедшимъ до меня преданіямъ, это была жизнь просторная, русская, барски-помѣщичья, напоминавшая времена допетровскія. Столъ всѣмъ знакомымъ открытый безъ зова, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Вечеромъ съѣздъ разъ навсегда. Молодежь танцуетъ или рѣзвится, старики играютъ въ карты. Такъ проходила зима. Лѣтомъ Архаровы переѣзжали въ подмосковную, Звенигородскаго уѣзда, село

Ислáвское, куда съѣзжались сосѣди и москвичи погостить. Игры и смѣхи не прекращались. Я видѣлъ впослѣдствіи его пространные сады, развалины деревни, флигеля для пріѣзжавшихъ и самый помѣщичій домъ, сохранившій легендарное значеніе. Ислáвское наслѣдовалъ Иванъ Захаровичъ. Теперь оно перешло въ родъ Васильчиковыхъ. Отличительною чертою Екатерины Александровны была семейственность. Съ дочерьми своими она не разставалась до самой смерти. Отношенія свои къ родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ, она поддерживала какъ святыню и считала себя родственницею не только рода Римскихъ-Корсаковыхъ и Архаровыхъ, но и Щепотьевыхъ, потому что Иванъ Петровичъ сперва женатъ былъ на Щепотьевой, а что Иванъ Петровичъ, что она — не все ли это было равно. Между тѣмъ, дочери отъ второго брака подростали. Первой вышла замужъ Софья Ивановна.

Отецъ мой принадлежалъ не къ стихіи старо-московской, такъ сказать, Архаровской, а къ стихіи ново-петербургской, такъ сказать, Нарышкинской. Внукъ извѣстнаго царедворца Льва Александровича, считавшагося въ родствѣ съ императорскимъ домомъ по Натальѣ Кирилловнѣ, родительницѣ Петра Великаго, племянникъ еще болѣе извѣстнаго остряка Александра Львовича и Дмитрія Львовича, мужа знаменитой красавицы Марьи Антоновны, — отецъ мой, хотя крещенный въ католическомъ вѣроисповѣданіи и говорившій немного по-польски, вскорѣ совершенно обрусѣлъ. На воспитаніе онъ былъ отданъ въ пансіонъ аббата Николя, основанный іезуитами, очевидно, для католической пропаганды въ средѣ петербургской аристократической молодежи. Само собой разумѣется, что о русскомъ элементѣ тутъ и рѣчи не было, такъ что бѣдный отецъ мой отъ одного берега отсталъ, а къ другому не

присталъ. Чуждый надеждамъ, скорбямъ, недостаткамъ и доблестямъ новой своей родины, не связанный ни съ почвою, ни съ преданіями, создающими гражданство, онъ невольно увлекся жизнью поверхностною, свѣтскою, безцѣльною. Онъ съ молодыхъ лѣтъ славился необыкновеннымъ, образцовымъ щегольствомъ, какъ Бруммель въ Лондонѣ, пѣлъ пріятно въ салонахъ и такъ превосходно танцовалъ мазурку, что зрители сбѣгались имъ любоваться. Между тѣмъ онъ далеко не былъ пустымъ человѣкомъ; онъ родился, чтобъ быть меценатомъ, а не труженикомъ. Тому способствовали и близость къ Нарышкинымъ, и сологубовское богатство. Я слышалъ, что у дѣда моего было до 80,000 душъ. На сколько это справедливо,—не знаю. Чванства въ отцѣ моемъ не проявлялось никакого. Онъ былъ со всѣми обходителенъ и простъ, веселъ и любезенъ, щедръ и благотворителенъ, добрый товарищъ, пріятный собесѣдникъ, отличный разсказчикъ, всегда готовый на доброе дѣло и рѣзкій, остроумный отвѣтъ. Такъ, напримѣръ, прогуливаясь однажды въ Лѣтнемъ саду съ своей племянницей, дѣвушкой красоты поразительной, онъ повстрѣчался съ однимъ знакомымъ, весьма самоувѣреннымъ и необыкновенно глупымъ.

— Скажи, пожалуйста, — воскликнулъ этотъ знакомый:—какъ это случилось? Ты никогда красавцемъ не былъ, а дочь у тебя какая красавица!

— Это бываетъ,—отвѣчалъ немедленно отецъ.—Попробуй-ка, женись! У тебя, можетъ быть, будутъ очень умныя дѣти.

Любопытствующій остался очень доволенъ отвѣтомъ и продолжалъ путь, охорашиваясь.

Серьезными качествами отца моего были: глубокая религіозность, такъ что до смерти своей онъ проводилъ

часть утра въ душеспасительныхъ чтеніяхъ, и неистощимое добросердіе, всегда готовое помочь ближнему. Онъ находился въ Москвѣ во время вторженія французовъ. Домъ его сгорѣлъ. Онъ лишился богатой движимости, утвари, цѣнной библіотеки. Въ карманѣ у него осталось только двѣсти рублей съ небольшимъ; но, встрѣтивъ пріятеля, бѣдствующаго безъ копѣйки, онъ тотчасъ отдалъ ему половину своихъ денегъ. Но главное его достоинство, достоинство, образующее вѣнецъ христіанской добродѣтели, было смиреніе, для него тяжелое и долго ему непривычное. Баловень роскоши и свѣтскихъ успѣховъ, онъ вдругъ понялъ, что своимъ образомъ жизни доведетъ насъ до совершенной нищеты. Тогда онъ вдругъ образумился, отказался отъ своего состоянія, ограничился скудными издержками и до самой смерти приносилъ себя постоянно въ жертву, не смотря на то, что терпѣлъ тяжкія для его самолюбія лишенія. Благодаря ему, я понялъ, сколько надо энергіи, чтобъ принудить себя къ смиренію, и не разъ память о немъ приходила мнѣ на умъ, когда духъ мой начиналъ роптать и возмущаться. Не знаю, по какому поводу отецъ мой пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ очарованъ радушіемъ и простотой архаровскаго гостепріимства. Сердечность семейной жизни послѣ искусственности петербургскихъ модныхъ нравовъ приковала его окончательно къ русской національности. Въ то же время онъ оцѣнилъ великія достоинства и замѣчательный умъ старшей дочери Екатерины Александровны, Софьи, и просилъ ея руки. Онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ, что въ тѣ времена составляло рѣдкое отличіе, тѣмъ болѣе, что онъ женился двадцати одного года.

Матушка моя была дѣйствительно ума необыкновеннаго. Родись она мужчиной, она была бы человѣкомъ го-

сударственнымъ. Никто лучше ея не проницалъ и не опредѣлялъ истины, какъ бы она ни запутывалась. Всегда находила она мѣткое выраженіе, то блестящее остроуміемъ, то поражающее глубиною. Твердость ея характера согласовалась съ твердостью ея разсудка. Природа ея была сосредоточенная, логическая, неумолимо-послѣдовательная. Сердце ея было сознательно-горячее; но пріемы ея были холодные. Женской приторности, увлекающихъ нѣжничаній, мгновенныхъ энтузіазмовъ, она не вѣдала. Дѣтьми своими она не восторгалась и никогда не ласкала ихъ, но безпристрастно и вѣрно цѣнила ихъ хорошія и дурныя стороны, какъ и вообще во всемъ въ жизни. Говоря нынѣшнимъ слогомъ, можно сказать, что натура ея была субъективная, между тѣмъ какъ натура отца моего была объективная. Отъ ихъ смѣшенія опредѣлилась впослѣдствіи и моя природа. Отъ отца моего я наслѣдовалъ впечатлительность, причинившую мнѣ много горя, отъ матери—чутье истины, создавшее мнѣ много враговъ. Отъ того въ моей литературной карьерѣ всегда перепутывались двѣ несовмѣстимыя стихіи. Иначе я могъ бы сдѣлаться или хорошимъ поэтомъ, или хорошимъ юмористическимъ писателемъ. Родители мои предполагали основаться въ Москвѣ и, какъ выше сказано, пріобрѣли домъ. Отецъ умѣлъ устроивать изящно и уютно свои мѣстопребыванія, былъ докой въ организаціи праздниковъ, домашнихъ спектаклей, концертовъ, обѣдовъ и разныхъ увеселеній. Эту способность я наслѣдовалъ, и она сдѣлалась едва ли не главною чертою моей художественности. Я слышалъ, что московскій домъ моихъ родителей былъ игрушкой. Но эта игрушка вскорѣ погибла отъ страшной игры Наполеонскаго честолюбія. 18-го мая 1812 года, родился мой

старшій братъ Левъ *). Годъ былъ страшный, тревожный, годъ нашествія двунадесяти языковъ. Безсчетные обозы потянулись изъ Москвы къ востоку, спасая кое-какіе пожитки. Архаровы и матушка съ новорожденнымъ переѣхали въ Ярославль. Отецъ остался въ Москвѣ, поступилъ въ милицію и находился даже нѣкоторое время на ординарцахъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Ростопчинѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти Верещагина, растерзаннаго народомъ на дворѣ генералъ-губернаторскаго дома. Онъ видѣлъ всѣ ужасы московскаго пожара, этой до сего времени неразрѣшенной загадки, кто сжегъ Москву. Но возвращаться на черное пепелище не было возможности. Архаровы и мои родители переѣхали на жительство въ Петербургъ, гдѣ на слѣдующій годъ я узрѣлъ свѣтъ Божій. Первымъ эпизодомъ моей жизни было, что я умеръ. Со мной приключилась какая-то жестокая дѣтская болѣзнь, кажется, крупъ. Послѣ сильныхъ конвульсій, я вдругъ успокоился, вытянулся и окоченѣлъ. Родители меня оплакали. Затѣмъ меня, какъ слѣдуетъ обмыли, одѣли, скрестили мнѣ руки и покрыли съ головы до ногъ простыней. Я лежалъ холодный, неподвижный. Въ комнатѣ оставалась проживавшая у бабушки старушка, полковница Александра Николаевна Шлейнъ, женщина умная, тучная, въ очкахъ, всегда вязавшая чулокъ. Вдругъ ей пришла въ голову мысль посреди вязанія попытаться, не живъ ли я еще, можетъ быть. Затѣмъ она сбросила съ меня простыньку и стала растирать мое оледенѣвшее тѣло. Мало-по-малу тѣло начало согрѣваться, и я ожилъ. Отъ этого необычайнаго событія мнѣ часто было и досадно, и совѣстно. Сколько хлопотъ, разочарованій и тре-

---

*) Прежде его родилась еще сестра.

волненій могъ бы я избѣгнуть и затѣмъ, если бы изъ меня вышелъ человѣкъ необыкновенный, то вторичное мое появленіе на жизненное поприще могло бы быть знаменательнымъ, а то случай изъ ряда вонъ исключительный вовсе не оправдывалъ его послѣдствій. Первое мое воспоминаніе обрисовываетъ мнѣ угловую лавку, гдѣ продавались пряники и лакомства. Подлѣ лавки были ворота съ въѣздомъ на пространный дворъ. Между дворомъ и садомъ, какъ строились всегда барскія палаты, стоялъ каменный домъ, впрочемъ, небольшой, въ одинъ этажъ. Этотъ домъ принадлежалъ бабушкѣ, графинѣ Натальѣ Львовнѣ. Живо помню, какъ насъ привезли однажды къ ней. Она была небольшая, весьма дородная и немолодая женщина, одѣта въ чемъ-то красномъ, кажется, что въ шали. Эта лавка была лавка Смурова, называвшаяся тогда Сологубовской, она существуетъ понынѣ на углу Большой Морской и Гороховой. Только садъ, дворъ и домъ на дворѣ давнымъ-давно исчезли. Почему я именно помню это и ничего другого отъ этого времени не помню, почему обстоятельство ничтожное фотографировалось въ дѣтской памяти, тогда какъ случаи болѣе важные не оставили никакого слѣда...—это относится къ психологическому необъяснимому капризу памяти, вызывающему отдѣльныя блестящія точки въ общемъ туманѣ прошедшаго. Привозили насъ къ Натальѣ Львовнѣ прощаться, такъ какъ мы уѣзжали за границу. Въ Парижѣ отецъ получилъ извѣстіе, что она скончалась. Мнѣ было 5 лѣтъ. Съ этого времени я уже начинаю находить связь въ событіяхъ. Мы ѣхали въ грузныхъ экипажахъ, останавливались на ночлеги и по нѣсколько дней въ городахъ значительныхъ. Не только о желѣзныхъ дорогахъ, но и о шоссейныхъ путяхъ тогда и помины не было. Сперва проѣхали мы

черезъ Дерптъ, который долженъ былъ играть впослѣдствіи важную роль въ моей жизни. Тогда онъ былъ ничтожный городишко. Въ Ригѣ я заболѣлъ и задержалъ шествіе. Въ Брюсселѣ я заболѣлъ опять и очень опасно скарлатиной, чувствовалъ даже, что умираю, но смерть снова отказалась отъ меня. Наконецъ, мы доѣхали до Парижа, гдѣ заняли весь первый этажъ гостинницы «Hôtel des ils Britanniques», на улицѣ «Мира». Роскошныхъ гостинницъ въ то время не знали, но, тѣмъ не менѣе, обстановка наша была относительно великолѣпная. У отца было тогда много денегъ. Онъ любилъ жить роскошно и открыто. Не бывъ художникомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, страстно любилъ живопись и музыку. Въ Парижѣ онъ пріобрѣлъ много цѣнныхъ картинъ. Часть этихъ картинъ уцѣлѣла. Матушка пожаловала эту картинную галлерею моему старшему брату. Теперь она составляетъ собственность моего племянника. Въ музыкѣ, особенно въ пѣніи отецъ мой былъ хорошимъ диллетантомъ. Онъ бралъ уроки у сестры извѣстнаго композитора Bertin. По вечерамъ составлялись у насъ нерѣдко концерты, причемъ особенно отличался знаменитый въ то время пѣвецъ Savat. Я ко всему этому прислушивался и сталъ припѣвать дискантикомъ все, что слышалъ. Но первымъ моимъ профессоромъ въ искусствахъ вокальномъ и декламаціонномъ былъ уличный пѣвецъ, извѣстный тогда всему Парижу, подъ названіемъ Маркиза, le Marquis. Онъ дѣйствительно былъ наряженъ въ кафтанъ временъ Людовика XV. Длинная, сухая его фигура, подъ напудреннымъ парикомъ, была очень типична, и я имъ восторгался. Онъ пѣлъ разные романсы и куплеты, аккомпанируя себѣ на маленькой скрипкѣ съ большими претензіями и уморительными кривляніями. Почти каждый день приходилъ онъ во дворъ,

гдѣ была наша дѣтская, услаждалъ нашъ слухъ и наше зрѣніе, завертывалъ мѣдную монету въ листикъ съ напечатаннымъ нумеромъ его репертуара, мѣтко кидалъ ее въ наше открытое окно. Таковъ его способъ просить милостыню. Любопытно, что наоборотъ Россіи, гдѣ ничто не помнится, въ Парижѣ ничто не забывается. Болѣе 50-ти лѣтъ послѣ моихъ первыхъ артистическихъ восторговъ, я прочиталъ въ одной парижской газетѣ цѣлую статью о моемъ незабвенномъ Маркизѣ. Даже уличный гаеръ удостоился общественной оцѣнки. Какъ бы то ни было, но я, ходившій тогда въ красной рубашенкѣ и въ свѣтло-бѣлокурыхъ вьющихся кудряхъ, сталъ передразнивать Маркиза, какъ говорили, очень забавно. Мнѣ подарили дѣтскую скрипку, и послѣ обѣда я давалъ представленія на половинѣ моихъ родителей. Отъ этого возгорѣлось мое самолюбіе, и я сталъ нѣсколько высокомѣренъ. Каждый день насъ, то есть меня и брата моего, который отличался скромностью, водили гулять то въ Тюльерійскій садъ, то по бульварамъ. Намъ сопутствовали: нянька Наталья Ѳедоровна и ливрейный лакей Доминикъ, повѣса большой руки. На бульварахъ нами любовались торговки, особенно торговки игрушками, и меня даже прозвали le joli petit Jesus de cire. Это окончательно развило мою гордость и, внявъ коварнымъ совѣтамъ Доминика, я сталъ забирать игрушки въ долгъ, приказывалъ приносить ихъ ко мнѣ въ гостинницу и сообщалъ свой адресъ. Но скоро херувимчикъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ не изъ воска: батюшка, узнавъ о моихъ проказахъ, хотѣлъ меня высѣчь, но по добротѣ своей умилостивился, о чемъ я впослѣдствіи часто жалѣлъ. Игрушечная лавка, меня искусившая, существуетъ и понынѣ. Точно также существуетъ уличный парижскій Петрушка, любимый дѣтьми

театръ маріонетокъ, Guingnol, на Елисейскихъ поляхъ. Это едва ли не самое прочное учрежденіе во Франціи. Существуютъ также колясочки, запряженныя козами, и продажа приторнаго кваса, именуемаго коко, который даже пользуется особымъ почетомъ и не только въ ходу на улицахъ, но перешелъ въ самые щегольскіе клубы для утоленія жажды первостатейныхъ франтовъ; наконецъ, какъ въ старину, такъ и теперь въ большомъ употребленіи у дѣтей тонкія, хрупкія, круглыя вафли, по названію plaisirs: Всѣ виды правительства измѣняются во Франціи, политическимъ преступленіямъ и счетъ потерянъ. Вафли непоколебимы. Это я понялъ съ младенчества. Однажды, отецъ мой вернулся изъ большой оперы совершенно смущенный. Онъ былъ свидѣтелемъ убійства герцога Беррійскаго, наслѣдника престола. На другой день на улицахъ суматоха была страшная. Со всѣхъ сторонъ толпился народъ и двигались войска. Живо помню, какъ передъ нашимъ домомъ прошелъ пѣхотный полкъ. Солдаты были въ бѣлыхъ мундирахъ съ красными опушками и длинныхъ черныхъ штиблетахъ. На головахъ торчали круглые, уродливые кивера. Болѣе всѣхъ поразилъ меня какой-то офицеръ, должно быть, капитанъ, важно выступавшій передъ взводомъ, въ очкахъ и съ огромнымъ животомъ. Черезъ нѣсколько часовъ весь Парижъ запрудился реляціями, плачевными брошюрами и печатными пѣснями, въ особенности же литографіями. Одна изображала сѣни большой оперы въ тотъ моментъ, когда врачи осматривали рану злополучнаго герцога, другая — минуту его кончины, третья — портретъ умиравшаго съ надписью: «Pauvre France! Malheureuse patrie!» четвертая—портретъ убійцы Лувеля съ рисункомъ кинжала, послужившаго къ убійству, и т. д. Парижская неугомонная спекуляція взбу-

доражилась. Въ виду наживы она не знаетъ ни совѣсти, ни даже приличія.

Съ впечатлѣніемъ о смерти герцога Беррійскаго слилось въ моей памяти впечатлѣніе совершенно другого рода. Мы бѣгали и играли по обычаю въ Тюльерійскомъ саду. У средняго балкона дворца, нынѣ разрушеннаго, толпилась масса народа, чего-то ожидавшая. Вдругъ дверь на балконъ широко распахнулась и выступилъ передъ народомъ, переваливаясь, человѣкъ слонообразный, о которомъ одинъ только Лабланшъ могъ впослѣдствіи дать понятіе. Бѣлые, какъ кажется, напудренные, его волосы были зачесаны къ затылку. Лицо его было широкое, съ большимъ римскимъ носомъ и бритымъ подбородкомъ. Кругомъ его толпились царедворцы въ мундирахъ. Самъ онъ былъ въ свѣтлосинемъ разстегнутомъ мундирѣ съ отвислыми по плечамъ эполетами. Камзолъ и исподнее платье были бѣлые. При его появленіи народъ разразился громкимъ крикомъ: Vive le roi! — То былъ Людовикъ XVIII. Король поклонился и сталъ шевелить губами. Только недавно узналъ я, что онъ объявлялъ своимъ подданнымъ о рожденіи наслѣдника престола, герцога Бордосскаго, нынѣ графа Шамбора, или Генриха V. Крикъ поднялся оглушающій, и я, увлеченный общимъ энтузіазмомъ, сталъ кричать: Vive le roi!

На обратномъ пути въ Россію я снова осрамился необдуманностью. Около Кенигсберга путь лежалъ у самаго взморья. На бѣду мы ѣхали ночью, и была страшная гроза. Безпрестанныя молніи, раскаты грома, черныя волны съ бѣлой пѣной, подкатывавшіяся, какъ мнѣ казалось, подъ нашу карету, привели меня въ такой ужасъ, что со мной сдѣлались конвульсіи, и я лишился чувствъ, тогда какъ братъ мой сидѣлъ тихо. Различіе характеровъ уже опре-

дѣлялось Очнулся я только въ Кенигсбергѣ послѣ долгаго сна. Наконецъ, мы пріѣхали въ Петербургъ, и насъ тотчасъ повезли къ бабушкѣ Архаровой. Съ этой минуты я ее хорошо помню. Иванъ Петровичъ уже скончался. Бабушка жила на двухъ половинахъ со своею дочерью, Александрою Ивановной, вышедшею замужъ за Алексѣя Васильевича Васильчикова, брата супруги Виктора Павловича Кочубея, впослѣдствіи князя и канцлера. Онѣ занимали на Литейной домъ, принадлежащій нынѣ князю Васильчикову. Бабушка насъ обласкала и была очень довольна. Узнавъ, что я мастеръ передразнивать парижскаго уличнаго Маркиза, она требовала, чтобъ я ей выказалъ свои таланты. Но я сробѣлъ и объявилъ, что безъ скрипки ничего не могу сдѣлать. За скрипкой было послано, но и скрипка не помогла. Я былъ ребенокъ чрезвычайно нервный. На меня нашелъ столбнякъ, и съ того времени до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ я мучился застѣнчивостью, что́, конечно, всегда тщательно скрывалъ, переходя даже нервно отъ внутренняго волненія къ неестественной самоувѣренности. Такая характеристическая черта встрѣчается, впрочемъ, заурядъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, передъ которымъ трепетала вся гвардія, былъ застѣнчивъ; фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, невозмутимый подъ пулями, увлекательный въ бесѣдахъ интимныхъ, конфузился и терялся, когда ему приходилось говорить оффиціально. Когда онъ жилъ въ Деревенькѣ, имѣніи, наслѣдованномъ имъ отъ графа Толстого, я посѣтилъ его, и, по обыкновенію, онъ продержалъ меня до глубокой ночи, читалъ мнѣ свои письма и статьи о государственныхъ дѣлахъ. Все его интересовало. Обо всемъ онъ имѣлъ твердое мнѣніе.—«Позвольте спросить,—замѣтилъ я:—отчего же вы не живете въ Петербургѣ и не присутствуете въ го-

сударственномъ совѣтѣ?» — Оттого, — отвѣчалъ печально князь: — что я застѣнчивъ, не могу говорить, — и говоря это, онъ запнулся, какъ будто видя себя въ засѣданіи. Застѣнчивые люди встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ гораздо чаще, чѣмъ вообще предполагается.

На углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка находится понынѣ небольшой домъ, примыкающій къ дворцу великаго князя Михаила Николаевича. Я не могъ до сихъ поръ проѣхать мимо этого дома безъ сердечнаго содроганія. Мнѣ все кажется, что онъ мнѣ улыбается и подмигиваетъ, какъ будто упрекаетъ, что я ему не кланяюсь, и шепчетъ: «А вѣдь, кажется, родня, кажется, дружно жили! Только ты уже устарѣлъ и разрушился... а вотъ я еще все стою молодцомъ, и ничего мнѣ не дѣлается». Въ этомъ домѣ я провелъ годы уже сознательные моего дѣтства. Онъ принадлежалъ моему отцу и былъ отдѣланъ какъ игрушка. Теперь онъ маленькій. Тогда онъ казался большой. Нижній этажъ занимался отцомъ, верхній пріемными и половиною матушки. Далѣе слѣдовали комнаты для дѣтей. Жизнь наша шла отдѣльно отъ жизни родителей. Насъ водили здороваться и прощаться, благодарить за обѣдъ, причемъ мы цѣловали руки родителей, держались почтительно и никогда не смѣли говорить «ты» ни отцу, ни матери. Въ то время любви къ дѣтямъ не пересаливали. Они держались въ духѣ подобострастья, чуть ли не крѣпостного права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для нихъ. Я видѣлъ впослѣдствіи другую систему, при которой дѣти считали себя владыками въ домѣ, а въ родителяхъ своихъ видѣли не только товарищей, но чуть ли не подчиненныхъ, иногда даже и слугъ. Такому сумасбродству послужило поводомъ воспитаніе въ Англіи. Но, такъ какъ русскій размахъ

всегда шагаетъ черезъ край, то и тутъ нужная заботливость перешла къ безпредѣльному баловству.

Не могу не выразить глубокой благодарности памяти моихъ родителей за то, что, не увлекаясь вредными для дѣтей нѣжностями, они положили серьёзную основу нашему воспитанію. Законоучителемъ былъ приглашенъ къ намъ протоіерей Кочетовъ. Съ того времени прошло болѣе 60 лѣтъ, а мнѣ кажется, что я до сего времени слышу его мѣрную рѣчь. Онъ служилъ священникомъ при церкви Смоленскаго кладбища, что̀ мнѣ казалось очень страшнымъ, но въ словахъ его ничего страшнаго не было. Напротивъ, они дышали кротостью, вѣрою и тихимъ краснорѣчіемъ. Близость къ земному тлѣнію не поколебала въ немъ упованія на жизнь загробную, какъ это часто бываетъ у врачей и лицъ духовнаго званія. Онъ не докучалъ намъ вопросами догматическими, но объяснялъ подвиги Спасителя и евангельскія истины. Онъ призывалъ насъ къ молитвѣ и ласково, вкрадчиво, любезно передавалъ намъ не заученныя фразы, а задушевныя свои чувства. Уроковъ Кочетова мы ожидали съ нетерпѣніемъ. Ему я многимъ обязанъ. Другой нашъ преподаватель, и преподаватель тоже весьма симпатичный, былъ нашъ учитель русскаго языка Плетневъ, впослѣдствіи ректоръ Петербургскаго университета и издатель «Современника». Петръ Александровичъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпко сложенный и пріятной наружности. Онъ былъ другомъ Жуковскаго и пріятелемъ Пушкина. Этимъ различіемъ и опредѣляется характеръ Плетнева. Тихая мечтательность творца Свѣтланы была ближе къ его природѣ, чѣмъ страстность величайшаго нашего поэта. Плетневъ говорилъ тихо, какъ будто бы стыдливо. Жуковскій былъ самоувѣреннѣе и по своей тогдашней знаменитости литературной, и по своему

положенію при дворѣ. Но душа Жуковскаго, какъ и душа Плетнева, были, такъ сказать, прозрачныя, хрустальныя. Отъ нихъ какъ будто вѣяло чѣмъ-то дѣвственнымъ, непорочнымъ. Впослѣдствіи я встрѣтилъ такое свойство еще въ третьемъ человѣкѣ, а именно въ Одоевскомъ. Плетневъ не обладалъ большимъ талантомъ, но изъ таланта своего сдѣлалъ все, что могъ. Онъ былъ писатель работящій, но безъ воображенія, знатокъ языка и словесности; труды его были честные, какъ и самъ онъ былъ человѣкъ безукоризненный. Мы его тоже любили, и впослѣдствіи я находился съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, жизнь наша стала вращаться около жизни старушки Архаровой, всегда неизмѣнной въ своихъ привычкахъ. Отъ нихъ она отказалась, какъ выше сказано, только два раза: когда Иванъ Петровичъ былъ сосланъ и когда Наполеонъ занялъ Москву. Оправданія были болѣе чѣмъ удовлетворительныя. Прежде она проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ославскомъ, теперь для зимы былъ назначенъ Петербургъ, для лѣта избранъ Павловскъ. Въ прежніе годы постоянная осѣдлость образовала потребность. У каждаго семейства былъ свой приходъ, свой неизмѣнный кругъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, свои преданія, свой обиходъ, своя завѣтная мебель, свои нажитыя привычки. Желѣзныя дороги все это измѣнили. Теперь никому дома уже не сидится. Жизнь не привинчивается уже болѣе къ почвѣ, а шмыгаетъ, какъ угорѣлая изъ угла въ уголъ. Семейственность раздробляется и кочуетъ по постоялымъ дворамъ. Можетъ быть, это имѣетъ свою хорошую сторону относительно общаго рода просвѣщенія, но мы, старожилы, не можемъ не пожалѣть объ условіяхъ прежняго тѣснаго семейнаго быта. И въ Павловскѣ, какъ

и въ Петербургѣ, Архарова жила со своею дочерью Васильчиковой.

Для зимы у насъ былъ свой домъ, для лѣта нанималась дача въ Павловскѣ, отъ котораго мнѣ осталось много воспоминаній. На первое лѣто послѣ нашего возвращенія изъ Парижа мы заняли Нарышкинскій домикъ подлѣ Константиновскаго дворца. Я уже былъ бойкій мальчикъ, любилъ болтать и лазить по сосѣдямъ черезъ заборы съ дѣтьми князя Гагарина. Въ то время пріѣхалъ однажды рано утромъ на нашу дачу камердинеръ государя, съ объявленіемъ, что его величество посѣтитъ нашу матушку черезъ нѣсколько часовъ. Матушка была женщина болѣзненная, не разъ уже готовилась даже къ смерти, причемъ насъ приводили, плакавшихъ, принять ея предсмертное благословеніе. Болѣзнь ея была преимущественно нервная, и нервную раздражительность я отъ нея наслѣдовалъ. Пользовалъ ее и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ знаменитый въ то время докторъ Реймань. Я уже сказалъ, что матушка была ума необыкновеннаго, соединявшаго оригинальность мысли и выраженія съ мѣткостью неумолимой логики. Государь любилъ съ нею бесѣдовать повсюду, гдѣ ее встрѣчалъ, а иногда писалъ ей письма или навѣщалъ ее лично.

Когда государь пріѣзжалъ въ нашъ домъ, онъ всегда объ этомъ предувѣдомлялъ. Матушка его ожидала, и мы, дѣти, оставались при ней. Отецъ же удалялся. Таковъ былъ заведенный порядокъ. Нарышкинская дача не отличалась ни объемомъ, ни убранствомъ. Въ скромной гостиной висѣла на стѣнѣ большая литографія съ изображеніемъ императора и надписью по-французски: «Alexandre I Autocrate de toutes les Russies».

Когда, въ день, о которомъ я разсказываю, государь прибылъ, матушка сѣла на диванчикъ подъ портретъ, го-

сударь занялъ кресло подлѣ нея, и разговоръ начался. Бесѣда продолжалась долго, и мнѣ стало скучно. Съ одной стороны я обидѣлся, что на меня не обращалось никакого вниманія, съ другой стороны — мнѣ вздумалось блеснуть своею любознательностью: я вдругъ, весьма некстати, вмѣшался въ разговоръ и, указавъ на подпись портрета, спросилъ, что значитъ слово autocrate. Государь, бывшій нѣсколько тугъ на ухо, не разслышалъ, но настоятельно требовалъ, чтобы матушка повторила ему мои слова. Пришлось повторить. Государь улыбнулся и промолвилъ:

— Видно, что онъ пріѣхалъ изъ Парижа. Тамъ этому слову его не научили *).

Въ Павловскѣ мы рѣдко видѣли императора, но въ Петербургѣ встрѣчали его почти каждый день. Въ часъ по полудни, онъ выходилъ изъ Зимняго дворца, слѣдовалъ по Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста поворачивалъ по Фонтанкѣ до Аничковскаго моста, въ то время узкаго, съ гранитными павильонами, какъ мосты Симеоновскій, Чернышевъ и другіе. Затѣмъ, государь возвра-

---

*) Александръ Павловичъ Башуцкій разсказывалъ о подобномъ случаѣ, приключившемся съ нимъ. По званію своему камеръ-пажа, онъ въ дни своей молодости часто дежурилъ въ Зимнемъ дворцѣ. Однажды онъ находился съ товарищами въ огромной Георгіевской залѣ. Молодежь расходилась, начала прыгать и дурачиться. Башуцкій забылся до того, что вбѣжалъ на бархатный амвонъ подъ балдахиномъ и сѣлъ на императорскій тронъ, на которомъ сталъ кривляться и отдавать приказанія. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то беретъ его за ухо и сводитъ съ ступеней престола. Башуцкій обмеръ. Его выпроваживалъ самъ государь, молча и грозно глядѣвшій. Но должно быть, что обезображенное испугомъ лицо молодого человѣка его обезоружило. Когда все пришло въ должный порядокъ, императоръ улыбнулся и промолвилъ: — «Повѣрь мнѣ! совсѣмъ не такъ весело сидѣть тутъ, какъ ты думаешь».

щался къ себѣ Невскимъ проспектомъ. Прогулка повторялась каждый день и называлась le tour impérial. Какая бы ни была погода, государь шелъ въ одномъ сюртукѣ съ серебряными эполетами и въ трехъ-угольной шляпѣ, съ султаномъ, надѣтой на бекрень. Эти шляпы, нынѣ замѣненныя киверами и фуражками, были вполнѣ неудобны и некрасивы. Онѣ въ холодномъ климатѣ не защищали ни ушей, ни затылка, а ихъ слѣдовало наклонять на лѣвый глазъ, иначе онѣ становились безобразны. Государь былъ сутуловатъ и близорукъ. Округляя плечи, онъ постоянно прикладывалъ къ глазу золотой лорнетъ, привѣшенный на правой рукѣ. Въ глазахъ его свѣтлѣло нѣчто чарующее. Высокій, нѣсколько обнаженный лобъ сіялъ величіемъ, тогда какъ въ голубыхъ глазахъ отражалась грусть, задумчивость и покорность волѣ Провидѣнія. Должно быть, его измученной душѣ видъ дѣтей былъ пріятенъ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда мы гуляли съ гувернеромъ и встрѣчались съ нимъ, онъ останавливался съ улыбкой и говорилъ намъ нѣсколько словъ. Иногда спрашивалъ онъ про здоровье матушки, иногда шутилъ со мною, припоминая мой неумѣстный вопросъ о самодержавіи. Мы смотрѣли на него, какъ на полубога, и чрезвычайно любили. Но тайна его печали не могла намъ быть понятна; только послѣ многихъ лѣтъ я уразумѣлъ одну изъ затаенныхъ скорбей.

Я былъ уже юношей и находился у тетки своей Васильчиковой. Въ это время къ ней пріѣхалъ ея родственникъ и соименникъ по мужу, Илларіонъ Васильевичъ, впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. Мужъ чести и правды, бойкій кавалеристъ, гусаръ, витязь битвъ съ Наполеономъ, онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что былъ удостоенъ однимъ изъ высшихъ въ госу-

дарствѣ званій. Вотъ какъ онъ къ этому отнесся. Матушка встрѣтила его у М. А. Нарышкиной и поздравила съ назначеніемъ.

— Вамъ-то хорошо, отвѣчалъ онъ печально:—а мнѣ-то каково. Всю ночь я не могъ заснуть ни минуты. Боже мой! до чего мы дожили, что на такую должность лучше меня никого не нашли.

Во время посѣщенія, о которомъ я упоминаю, разговоръ завязался о царствованіи императора Александра I, и вотъ разсказъ, мною слышанный. Однажды, говорилъ Илларіонъ Васильевичъ,—ко мнѣ явился человѣкъ, не объявившій своего имени. Онъ передалъ мнѣ шепотомъ о существованіи заговора противъ спокойствія государства и жизни государя. Я не люблю анонимныхъ доносовъ и принялъ посѣтителя довольно сухо, тѣмъ не менѣе, сообщеніе было необыкновенной важности, и я потребовалъ доказательствъ. Тогда незнакомый подалъ мнѣ списокъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицамъ. Всѣ эти лица должны были съѣхаться осенью изъ разныхъ концовъ Россіи въ Москву для совѣщанія по своему преступному замыслу. День съѣзда былъ назначенъ. Объ этомъ случаѣ я государю не доложилъ. Но, такъ какъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, женатый на моей сестрѣ, былъ мнѣ и по душѣ близкимъ человѣкомъ, въ которомъ я былъ вполнѣ увѣренъ, я препроводилъ къ нему секретно полученный мною списокъ, съ просьбой провѣрить показанія незнакомца. Черезъ нѣсколько времени Димитрій Владиміровичъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ лица, въ спискѣ поименованныя, дѣйствительно съѣхались въ Москву къ опредѣленному дню. Такимъ образомъ, обвиненіе было вѣрно, и я поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія его величества, но государь зналъ уже

о заговорѣ и не желалъ приступать къ мѣрамъ строгости. Когда гвардія была направлена въ литовскія губерніи, я командовалъ оставшимися въ Петербургѣ войсками и имѣлъ счастье постоянно видѣть государя. Однажды онъ ко мнѣ заѣхалъ и посадилъ въ свои сани. Случай былъ удобный. Я осмѣлился выразить, что зло надо пресѣчь въ основаніи, чтобъ не дать ему развиться и довести до важныхъ, прискорбныхъ послѣдствій. Государь выслушалъ молча и потомъ промолвилъ:

— Если бы я былъ Васильчиковъ, я бы говорилъ точно такъ же; но, по совѣсти, я долженъ сказать, что если всѣ эти мысли такъ распространились, то я первый тому причиной.

Будущій біографъ, призванный по завѣщанію графа Аракчеева къ жизнеописанію великаго монарха, врядъ ли уловитъ всѣ оттѣнки его душевныхъ страданій. И онъ, какъ простой смертный, стремился къ пользѣ общественной, къ самоотверженію, къ подвигамъ благотворительности. Но желая добра, но дѣлая добро, онъ создавалъ для себя разочарованія, для другихъ неблагодарность. Отъ того и черты лица его свѣтились отблескомъ смиреннаго мученичества. Самое его воцареніе, потомъ его союзъ и борьба съ Наполеономъ, были для него тяжелыми испытаніями. Онъ хотѣлъ благоденствія Польши, но слабость русской администраціи и запальчивость польской мечтательности измѣнили его ожиданіямъ. Такъ и для блага собственной родины всякія стремленія смѣшивались съ вынужденными колебаніями. Не доставало почвы и орудій для лучшихъ предначертаній. Проектъ уничтоженія крѣпостного права былъ разработанъ и по неисполнимости отложенъ. Вліяніе энциклопедистовъ на дворъ Екатерины II миновалось, уступивъ мѣсто разнаго рода попыткамъ. Жизнь

обще-русская не имѣла ничего общаго съ жизнью свѣтскою, петербургскою, гдѣ рѣдко кто бывалъ сыномъ своего номинальнаго отца, а нѣкоторыя дамы даже не говорили вовсе по-русски. Я многихъ такихъ видѣлъ. Онѣ чрезвычайно жеманились и подпрыгивали на стульяхъ, шевеля передъ лицемъ указательнымъ пальцемъ. Такова была мода, вмѣстѣ съ ношеніемъ короткихъ талій и огромныхъ тюрбановъ. Но въ то же время возникли идеологи, мыслители, искатели соціальной правды и даже философскаго камня, что̀, впрочемъ, одно и то же.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы цѣлое поколѣніе умовъ отборныхъ могло углубляться не только въ изученіе халдейской премудрости и формулъ умозрительной символистики, но еще серьёзно занималось алхимическими препаратами, основанными на меркуріи и имѣющими создать золото.

Послѣ тестя моего, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, о которомъ мнѣ придется говорить еще немало, осталось нѣсколько тысячъ книгъ герметическаго содержанія. Большая часть этой драгоцѣнной библіотеки поступила въ императорскую публичную библіотеку, гдѣ, разсыпавшись по отдѣленіямъ, утратила свою цѣнность. Нѣкоторую часть я имѣлъ случай отыскать въ амбарѣ Курскаго имѣнія вмѣстѣ съ разными кабалистическими латинскими рукописями и частными письмами массонскаго содержанія. Это собраніе, по возможности, приведенное въ порядокъ, пополняется сочиненіями теологическими и указываетъ на переходъ герметизма къ иллюминизму, къ мистицизму, къ піетизму, а впослѣдствіи довели къ скептицизму, къ либерализму, къ гегелизму, къ коммунизму и къ нигилизму, уже мечтающему о терроризмѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ каждый новый токъ мышленія

возбуждалъ восторгъ и казался послѣднимъ словомъ отвлеченной мудрости. Нельзя тоже не замѣтить, что всѣ эти теоріи относились только до умственныхъ дѣяній нѣкоторыхъ партій, или кастъ, но никогда не касались общей народной жизни, свято дорожащей своими преданіями и совершенно равнодушной къ очереднымъ модным толкамъ. Нельзя не обратить тоже вниманія на тотъ фактъ, что либеральныя мѣропріятія, имѣвшіяся въ виду русской верховной власти, часто тормозились отъ запальчивости самихъ либераловъ, забывавшихъ, что просвѣщеніе воспитывается, а не импровизируется. Такъ, напримѣръ, заговоръ, отравившій послѣдніе годы царствованія царя Благословеннаго, отбросилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ великій историческій подвигъ освобожденія крестьянъ. Императоръ Александръ I покровительствовалъ сперва католическимъ священникамъ, какъ хорошимъ педагогамъ, и масонскимъ обществамъ, распространявшимъ начала нравственности, а, между тѣмъ, былъ вынужденъ изгнать іезуитовъ и закрыть всѣ русскія массонскія ложи.

Вліяніе Аракчеева замѣнило надежды на общее благоденствіе, на дары священнаго союза. Дворъ былъ суровъ. Главную роль игралъ при дворѣ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія, предсѣдатель императорскаго тюремнаго общества и главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ былъ человѣкомъ набожнымъ и мистикомъ, и ловко подлаживался подъ общее придворное уныніе. Но подлѣ него звенѣла нота безумно веселая въ его родномъ братѣ отъ другого отца, Димитріи Михайловичѣ Кологривовѣ. Кологривовъ, хотя дослужился до званія оберъ-церемоніймейстера, дурачился, какъ школьникъ. Ѣдутъ оба брата въ каретѣ. Голицынъ возводитъ очи горѣ и вдохновенно поетъ кантату:

«О Творецъ! о Творецъ!» Кологривовъ слушаетъ и вдругъ затягиваетъ плясовую, припѣвая: «А мы ѣдемъ во дворецъ, во дворецъ».

Однажды, Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, столь извѣстной своею богомольностью и благотворительностью, доложили, что къ ней пришли двѣ монахини просить подаянія на монастырь. Монахини были немедленно впущены. Войдя въ пріемную, онѣ кинулись на полъ, стали творить земные поклоны и вопить, умоляя о подаяніи. Растроганная Татьяна Борисовна пошла въ спальню за деньгами, но, вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса. Монашеньки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой проказникъ.

Я слышалъ еще разсказъ о томъ, что однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ на гатчинской эспланадѣ. Вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршомъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Любезнымъ кавалеромъ оказался Кологривовъ. Объ остальныхъ не припомню. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала. Страсть Кологривова къ уличнымъ маскарадамъ дошла до того, что не смотря на свое званіе, онъ иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мелъ тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыни и, въ случаѣ отказа, бранился по-чухонски и даже грозилъ метлою. Тогда только его узнавали и начинался хо-

хотъ. Онъ дошелъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры. Сварливую чухонку отвели даже разъ на Съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ, и передъ ней же извинились. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, который тѣшился его шалостями и сдѣлался, однажды его жертвою. Отецъ, первый столичный щеголь своего времени, выдумывалъ разные костюмы. Между прочимъ, онъ изобрѣлъ необыкновенный въ то время синій плащъ, съ длинными широкими рукавами. И плащъ, и рукава были подбиты малиновымъ бархатомъ. Въ такомъ плащѣ пріѣхалъ онъ во французскій театръ и сѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Кологривовъ сѣлъ съ нимъ рядомъ и, восхищаясь плащемъ, сталъ незамѣтно всовывать въ широкіе рукава заготовленные мѣдные пятаки. Когда отецъ поднялся въ антрактѣ съ креселъ, пятаки покатились во всѣ стороны, а Кологривовъ началъ ихъ подбирать и подавать съ такими ужимками и прибаутками, что отецъ первый расхохотался. Но не все проходило даромъ. Въ другой разъ, въ этомъ же французскомъ театрѣ, Кологривовъ замѣтилъ изъ ложи какого-то зрителя, который, какъ ему показалось, ничего въ представленіи не понималъ. Жертва была найдена. Кологривовъ спустился въ партеръ и началъ съ ней разговоръ.

— Вы понимаете по-французски?

Незнакомецъ взглянулъ на него и отвѣчалъ отрывисто:

— Нѣтъ.

— Такъ не угодно ли, чтобъ я объяснялъ вамъ, что происходитъ на сценѣ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Кологривовъ началъ объяснять и понесъ галиматью страшную. Сосѣди прислушивались и фыркали. Въ ложахъ

смѣялись. Вдругъ незнающій французскаго языка спросилъ по-французски:

— А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?

Кологривовъ сконфузился.

— Я не думалъ, я не зналъ!

— Вы не знали, что я одной рукой могу васъ поднять за шиворотъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались.

— Извините!

— Знаете вы, кто я?

— Нѣтъ, не знаю!

— Я—Лукинъ.

Кологривовъ обмеръ.

Лукинъ былъ силачъ легендарный. Подвиги его богатырства невѣроятны, и до сего времени идутъ о немъ разсказы въ морскомъ вѣдомствѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Вотъ на кого наткнулся Кологривовъ.

Лукинъ всталъ.

— Встаньте, — сказалъ онъ.

Кологривовъ всталъ.

— Идите за мной!

Кологривовъ пошелъ.

Они отправились къ буфету, Лукинъ заказалъ два стакана пунша. Пуншъ подали. Лукинъ подалъ стаканъ Кологривову:

— Пейте!

— Не могу, не пью.

— Это не мое дѣло. Пейте!

Кологривовъ, захлебываясь, опорожнилъ свой стаканъ. Лукинъ залпомъ опорожнилъ свой и снова скомандовалъ два стакана пунша. Напрасно Кологривовъ отнѣки-

вался и просилъ пощады, оба стакана были выпиты, а потомъ еще и еще. На каждаго пришлось по восьми стакановъ. Только Лукинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на свое кресло, а Кологривова мертво-пьянаго отвезли домой.

Наконецъ, случай, о которомъ я тоже слышалъ въ дѣтствѣ, положилъ, какъ кажется, конецъ мистификаціямъ. Кологривовъ былъ приглашенъ на большой обѣдъ. Въ то время, какъ садились за столъ, изъ-подъ одного дипломата выдернули стулъ. Дипломатъ растянулся, но тотчасъ вскочилъ на ноги и громко провозгласилъ:

— Я надѣюсь, что негодяй, позволившій со мною дерзость, объявитъ свое имя.

На эти слова отвѣта не воспослѣдовало. Впрочемъ, отвѣтъ былъ немыслимъ и по званію обиженнаго, и по непростительному свойству поступка.

Кологривовъ былъ такъ же малъ ростомъ, какъ и братъ его, но другого типа—черноглазый, черноволосый. Его любили не только какъ забавника, но и какъ человѣка. Ума онъ былъ блестящаго и, если бы не страсть къ шутовству, онъ могъ бы сдѣлать завидную карьеру. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобъ между нимъ и его братомъ не было сходства по юмору и веселости. Будучи еще камеръ-пажемъ, Голицынъ держалъ дерзновенное пари, что тронетъ императора Павла I за волосы. Пари онъ выигралъ, и вотъ какимъ образомъ. Подавая императору тарелки за обѣдомъ, онъ слегка дернулъ напудренную косу его величества. Товарищи Голицына обомлѣли.

— Что это? — спросилъ государь.

— Ваше величество, отвѣтилъ камеръ-пажъ: — коса ваша покривилась, я ее поправилъ.

— Спасибо! — промолвилъ императоръ.

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого князя. Не смотря на то, что онъ славился своею суровою, почти монашескою жизнью,—онъ любилъ ѣздить къ дамамъ съ визитами. Онъ пріѣзжалъ въ сѣромъ фракѣ съ орденами и въ гусарскихъ сапожкахъ*) и охотно разсказывалъ о старомъ времени, особенно о дворѣ Екатерины II. Я часто его слушалъ и замѣтилъ, что, когда онъ находился въ присутствіи хозяекъ, крайне строгихъ относительно приличія, сѣрые его глаза искрились шаловливостью, и онъ припоминалъ анекдоты до того скоромные, что слушательницы уже не знали, сердиться ли имъ, или смѣяться.

Кологривовъ скончался въ Петербургѣ, послѣ долгаго пребыванія въ Парижѣ. Онъ умеръ отъ тяжкой болѣзни. Я навѣщалъ его и по его желанію читалъ ему не знаю что, кажется, мои произведенія, бывшія тогда въ модѣ. О прежнихъ шуткахъ и помина уже не было. Онъ сидѣлъ блѣдный, едва дышащій, окутанный въ шелковомъ балахончикѣ, что̀ французы называютъ une douillete. Однажды я пришелъ къ нему. Онъ лежалъ уже на столѣ.

Князь Голицынъ дожилъ до глубокой старости и скончался въ своемъ имѣніи, на крымскомъ берегу. Прахъ его покоится въ Георгіевскомъ монастырѣ. У нихъ была сестра Елизавета Михайловна, немногимъ извѣстная. Ростомъ она была крошечная отъ двухъ горбовъ, но чрезвычайно живая и веселая, всегда звонко смѣявшаяся и какъ-то подпрыгивающая. Она не скорбѣла ни о своемъ тѣлосложеніи, ни о своемъ безбрачіи. Жила она долго при монастыряхъ, въ Кіевѣ, гдѣ мы ее съ матушкой посѣтили. Но когда и по какому случаю, я никакъ не могу сообразить

---

*) Портретъ его, написанный Брюловымъ, поразителенъ по сходству и мастерству кисти.

въ своихъ воспоминаніяхъ. Помню только ея рѣзкій, дѣтскій смѣхъ, помню какую-то большую площадь съ низкими домишками, помню открытыя гробницы угодниковъ, въ темныхъ проходахъ подземелья. Какъ мы туда попали,—не знаю. Въ памяти иногда встрѣчаются безсвязныя, самостоятельныя точки.

Отецъ мой былъ церемоніймейстеръ и приводился двоюроднымъ братомъ оберъ-гофмаршалу Кириллу Александровичу Нарышкину, вельможѣ большой руки, наружности барской, по уму и остроумію замѣчательному, но вспыльчивому до крайности. Жена его Марья Яковлевна, рожденная княжна Лобанова-Ростовская, была женщина болѣзненная, но весьма симпатичная и всѣми уважаемая. Они жили въ Зимнемъ дворцѣ на существующей понынѣ оберъ-гофмаршальской квартирѣ. Такъ какъ въ это время родственныя связи были связями, насъ возили часто къ Нарышкинымъ, и тутъ я имѣлъ случай видѣть и слушать всѣхъ вліятельныхъ людей той эпохи. Лѣтомъ Кириллъ Александровичъ жилъ за Ораніенбаумомъ на своей дачѣ Сергіевскомъ, впослѣдствіи загородномъ пребываніи великой княгини Марьи Николаевны. Тутъ стояли помѣщичій домъ среди разныхъ деревянныхъ павильончиковъ, гдѣ проживали лѣтніе гости. О придворной жизни не было рѣчи. Въ Сергіевскомъ, Нарышкинъ былъ самъ большой, имѣлъ свой собственный дворикъ. Жили у него постоянно піита Ераковъ, писатель поэмъ во вкусѣ Тредьяковскаго, послѣдній остатокъ исчезавшей литературы; толстый и лысый драматическій писатель князь Шаховской, творецъ цѣлаго репертуара, нынѣ забытаго, армянинъ Мансуредзи и разные другіе нахлѣбники. Въ Сергіевскѣ доживали остатки барства. Ими Нарышкинъ тѣшился. У себя былъ гостепріименъ и веселъ, впрочемъ, жилъ нероскошно, но въ свое

удовольствіе и любилъ разсказывать анекдоты о старинѣ. Не такъ жилъ его дѣдъ, Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, андреевскій кавалеръ и мужъ знаменитой красавицы Марьи Антоновны. Дмитрій Львовичъ былъ уже старикъ, но наружности величавой, хотя лицо его поминутно дергалось нервными судорогами. До глубокой старости онъ оставался поклонникомъ прекраснаго пола, что̀ чуть ли не относилось къ обязательствамъ аристократизма... Я слышалъ, что, когда князь Куракинъ собирался въ Парижъ посломъ, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую онъ, кажется, никогда не видалъ, хотя карета посла обязывалась стоять у ея крыльца по два часа въ день. Дмитрій Львовичъ казался герцогомъ вѣка Людовика XV. Напудренный, высоко державшій голову, какъ бы ни подпрыгивали черты его лица, сановито-привѣтливый, онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ типовъ исчезавшаго барства.

Лѣтомъ онъ жилъ на Крестовскомъ островѣ, и насъ иногда возили къ нему, какъ къ дѣдушкѣ и моему крестному отцу... За столомъ служили цѣлыя толпы раззолоченныхъ арапovъ, блестящихъ егерей и разныхъ оффиціантовъ. Въ саду играла знаменитая роговая музыка, оркестръ звучности очаровательной, но мыслимый только при крѣпостномъ правѣ. Онъ состоялъ изъ 40 мѣдныхъ инструментовъ разныхъ объемовъ. Каждый инструментъ издавалъ только одинъ звукъ. Сорокъ звуковъ разнородныхъ по трехъ-октавной лѣстницѣ съ полутонами, какъ фортепіанныя клавиши, допускали модуляціи во всѣхъ тонахъ и духовыя, какъ бы воздушныя гармоніи. Такая живая шарманка съ ея эоловыми дуновеніями внушала восторгъ. Но какова же была участь музыканта, имѣвшаго по разсчету свистѣть въ неизмѣнную дырку неизмѣнную

нотку. Разсказываютъ, что два члена этого диковиннаго оркестра попались въ полицію. На вопросъ, кто они такіе, одинъ отвѣчалъ: «я нарышкинскій Ц.»; другой отвѣчалъ: «я нарышкинскій Фисъ».

Зимой Дмитрій Львовичъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ выстроилъ на Фонтанкѣ домъ, или, правильнѣе, дворецъ, принадлежащій нынѣ графинѣ Шуваловой. Тутъ я видѣлъ еще сверкавшую красотою Марью Антоновну и ея миловидную дочь, семнадцатилѣтнюю Софью. Ея дѣтское, какъ бы прозрачное личико, большіе, голубые дѣтскіе глаза, свѣтло-бѣлокурыя, вьющіяся кудри придавали ей отблескъ неземной. Она была помолвлена за графа А. П. Шувалова, только что пріѣхавшаго тогда изъ Парижа вмѣстѣ съ своимъ братомъ Григоріемъ. Но свадьба не состоялась. Невѣста была не отъ міра сего. Она скончалась тихо и неожиданно, и смерть ея отозвалась новымъ унынiемъ въ столичной жизни*). Ни императоръ, ни императрица не любили шумныхъ удовольствій. Отъ этого времени я припоминаю только заурядные публичные маскарады въ Зимнемъ дворцѣ.

Народный маскарадъ въ царскихъ чертогахъ повторялся, согласно преданію, каждое 1-е января. Къ опредѣленному часу весь дворецъ освѣщался, всѣ двери отпирались. Милости просимъ, кому угодно! Перваго вошедшаго гостя и послѣдняго вышедшаго записывали на память. Другого церемоніала не было. Посѣтителей всѣхъ видовъ и сословій собиралось болѣе 30,000. О полиціи и помина не было. Народныя массы волновались по сверкавшимъ покоямъ

*) Графъ А. П. Шуваловъ женился на вдовѣ фельдмаршала князя Зубова и долгое время былъ оберъ-гофмаршаломъ высочайшаго двора. Братъ его женился на княжнѣ Салтыковой. Овдовѣвъ, онъ перешелъ въ католическую вѣру и скончался католическимъ монахомъ.

чинно, скромно, благоговѣйно, безъ толкотни и давки. Къ буфетамъ рѣдко кто подходилъ. Праздникъ былъ вообще трогательный, торжественный, семейный, полный глубокаго смысла. Царь и народъ сходились въ общемъ ликованіи. Когда залы переполнялись, раздавалось громовое польское и государь съ дворомъ выступалъ изъ внутреннихъ покоевъ. На мужчинахъ были накинуты сверхъ мундировъ легкія венеціанскія эпанчи. Дамы были въ кокошникахъ и русскихъ платьяхъ. Общее впечатлѣніе было великолѣпно, а видъ придворнаго ужина былъ даже волшебенъ. Польскій шествовалъ сперва по освѣщеннымъ картиннымъ галлереямъ и доходилъ до замыкающаго Эрмитажъ театра. Театръ былъ превращенъ въ сверкавшій брилліантовый шатеръ изъ граненныхъ стеклушекъ, между собою плотно связанныхъ и освѣщенныхъ сзади. Магическій свѣтъ разливался по амфитеатру. Если я не ошибаюсь, эта декорація была придумана при императрицѣ Екатеринѣ II. Во время ужина играла музыка. Насъ водили внутренними лѣстницами изъ половины оберъ-гофмаршала въ зимній садъ Эрмитажа, откуда уже было удобно ходить любоваться красивѣйшими моментами вечера. Вообще, придворные праздники того времени повторялись рѣдко, но отличались художественностью. Праздникъ, устроенный въ честь пріѣзда великой княгини Маріи Павловны, герцогини саксенъ-веймарской, ознаменовался даже изяществомъ невиданнымъ. Нѣкоторыя залы Зимняго дворца обратились въ галлереи живыхъ картинъ. Въ Бѣлой залѣ (нынѣ Золотой), между колоннами, поставлены были золотыя рамы, въ которыхъ первыя великосвѣтскія красавицы изображали произведенія великихъ живописцевъ. Въ другой залѣ сверкала во всю стѣну «Семья Дарія» Лебрена, въ третьей очаровывала прелестная картина Грёза «Швеи». Все это

заимствовано изъ сокровищъ Эрмитажа, такъ что живыя копіи могли соперничать съ безсмертными оригиналами. Мысль дѣйствительно глубоко художественная. Наконецъ, въ одной залѣ былъ поставленъ театръ, на которомъ исполнялись музыкальныя сцены, романсы въ лицахъ и большая шарада. Мы присутствовали на большой репетиціи— живо ее помню. Но еще живѣе помню, что въ этотъ вечеръ я испыталъ первый ударъ моему самолюбію, первое мое разочарованіе, первое внушеніе, что въ жизни надо смиряться. Я долженъ былъ исполнить на сценѣ роль амура, и эту роль у меня отняли. Декорація представляла опочивальню Анакреона. Анакреонъ спалъ. Съ-бока стоялъ трубадуръ и стихами, сочиненными Жуковскимъ, объяснялъ публикѣ:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Анакреонъ къ покою
Сомкнулъ уже глаза.

Тогда входилъ купидонъ, и начиналась сцена. Роль Анакреона исполнялъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, а купидономъ былъ, увы! не я, какъ мнѣ было объявлено, а его сынъ Саша, нынѣ все еще красивый, но уже маститый старецъ, отставной генералъ-лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ-Прозоровскій. Я смутно понялъ, что я сдѣлался жертвою деспотизма и придворныхъ интригъ, хотя такихъ мудреныхъ словъ я еще и не зналъ. Въ особенности меня оскорбляла несправедливость: я обладалъ и голосомъ, и слухомъ, и драматическою смѣтливостью, а Голицынъ и до сего времени не въ состояніи спѣть простого романса. Впрочемъ, я скоро успокоился. Голицынъ былъ замѣчательно красивъ и ловокъ, что̀ для купидона̀— условіе первой важности. Я же по своей нервности могъ

оробѣть, сконфузиться и сдѣлать какую нибудь глупость. Слѣдовательно, все было къ лучшему. Пріязнь моя съ Голицынымъ не нарушилась и, благодаря Бога, продолжается уже около 60 лѣтъ. Отъ праздника осталось печатное описаніе съ литографіями.

Императрица Елисавета Алексѣевна вела жизнь уединенную по нездоровью. Объ ней почти не было слышно. Придворное оживленіе проявлялось только въ Павловскѣ лѣтнемъ мѣстопребываніи вдовствующей императрицы Марьи Ѳедоровны. Государь былъ задумчивъ и мраченъ. Ему суждено было испытать вскорѣ еще новую скорбь отъ тяжкаго бѣдствія, постигшаго его сѣверную столицу. Я уже сказалъ, что мы жили на углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка. Въ нашей жизни Нева играла, слѣдовательно, большую роль, и день нашъ располагался по ея норову. То развернется она бѣлою сахарною степью, и по ней играютъ лучи зимняго солнца. Это обозначало: дѣти, идите гулять. То вдругъ прозрачная лазуревая высь начинаетъ туманиться быстро бѣгающими сизыми валунами, разрывающимися въ лохмотья. Вѣтеръ стучится въ окна и воетъ въ печныя трубы. Бѣлыми бархатными паучками спускается на бѣлую равнину густая разсыпчатая занавѣсь. Вдругъ все завертѣлось, закружилось сверху внизъ, снизу вверхъ. На Невѣ разыгралась метель. Дѣти, сидите дома! За то въ свѣтлыя, какъ день, весеннія ночи какимъ очарованіемъ дышала Нева! Влажное и неподвижное ея зеркало, широко обрамленное дремлющими и въ водѣ отражающимися зданіями, далеко и спокойно тянулось къ заливу, сливаясь съ сонно-безмолвнымъ и гладко-ровнымъ небосклономъ. Много видалъ я впослѣдствіи и рѣкъ, и морей и горъ бѣловершинныхъ, и степей безпредѣльныхъ. Ничто никогда не внушало мнѣ такого привольнаго чув-

ства, какъ затишье Невы въ весеннюю ночь. И теперь не могу глядѣть на него безъ задумчиваго наслажденія.

Недаромъ русскій человѣкъ называетъ рѣку, къ которой онъ приселенъ и матушкой, и кормилицей. Онъ ее любитъ, какъ любитъ свое поле, свой скотъ, свое семейство. Часто приходитъ мнѣ на умъ Нева, дремлющая въ огненныхъ отливахъ солнечнаго заката. Еще чаще вижу я ее сизо-сѣрую какъ сталь, подернутую зыбью подъ сѣрыми тучами, между гранитомъ набережныхъ и суровыхъ стѣнъ Петропавловской крѣпости. И съ ужасомъ припоминаю я, какъ однажды рѣка перестала быть рѣкою и обратилась въ море бѣшеное, разъяренное, смывающее Петербургъ съ лица земли.

Это было 7-го ноября 1824 года.

Не разъ случалось намъ просыпаться ночью отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Намъ объясняли, что когда вода подымается, съ крѣпости даются сигналы для предостереженія жителей. Чѣмъ чаще повторяются выстрѣлы, тѣмъ болѣе и болѣе усиливается опасность. Въ ночь съ 6-го на 7-ое ноября канонада почти не умолкала. Къ утру въ домѣ началась бѣготня. Всѣ подвалы были уже залиты. На дворѣ выступала вода. Мы наскоро одѣлись и побѣжали въ пріемныя, выходившія окнами на набережную. Ничего страшнѣе я никогда не видывалъ. Это былъ какой-то сѣрый хаосъ, за которымъ туманно очерчивалась крѣпость. Дождь косо разносился порывами бѣшено завывающаго вѣтра. Въ гранитную набережную били черные валы, съ брызгами бѣлой пѣны — и все били сильнѣй и сильнѣй, и все вздымались выше и выше. Нельзя было различить, гдѣ была рѣка, гдѣ было небо... И вдругъ въ глазахъ нашихъ набережная исчезла. Отъ крѣпости до нашего дома забурлило, заклокотало одно сплошное судорожное море и

хлынуло потокомъ въ переулокъ. Положеніе наше становилось опаснымъ. Спереди заливъ кидался на насъ приступомъ. Сзади спасеніе тоже не предвидѣлось. Испуганные слуги прибѣжали съ вѣстью, что Мойка выступила изъ береговъ и что Конюшенный мостъ, тогда деревянный, уже изломанъ. Къ счастью, наши родители не смутились духомъ, и мы слушали ихъ разсужденія. Вопросъ заключался въ томъ: будетъ ли продолжаться морской вѣтеръ съ настоящей его силой болѣе 24 часовъ? Случай былъ возможный, хотя невѣроятный. Послѣ сутокъ буря обыкновенно прекращается, и вѣтеръ мѣняетъ направленіе. Надо было ожидать измѣненія погоды; но если погода и не измѣнится, то наводненіе, все болѣе и болѣе распространяемое на окрестности, будетъ разливаться медленно и неглубоко, такъ что мѣры спасенія будутъ придуманы и подплывающія суда станутъ подбирать утопающихъ, перебравшихся на чердаки и крыши. Такимъ образомъ паническаго страха въ домѣ у насъ не было, и мы глядѣли съ тревожнымъ любопытствомъ на все происходившее. Особенно занимало насъ теченіе воды по Мошкову переулку. Оно неслось стремительно, волнообразно, мутно и по немъ плыли самые разнообразные предметы, возбуждавшіе наше дѣтское вниманіе. Дѣти во всемъ найдутъ себѣ игрушку. Плыли ведра, ушаты, бочки, мебель, гробы и простые надгробные кресты, смытые со Смоленскаго кладбища. На другой день разсказывали, что передъ Зимнимъ дворцомъ плыла будка и что въ будкѣ находился часовой. Увидавъ стоящаго у окна государя, часовой сдѣлалъ будто бы нараулъ и былъ спасенъ. На сколько такой разсказъ справедливъ, не знаю, но что государь лично заботился о погибавшихъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и я былъ тому свидѣтелемъ. Кто-то изъ слугъ нашихъ крикнулъ, что на Невѣ

тонутъ суда. Мы бросились къ окнамъ на Неву и увидали страшное зрѣлище. Передъ ожесточеннымъ натискомъ бури неслись въ туманномъ коловоротѣ разваливавшіяся барки съ сѣномъ. Вѣтеръ разметывалъ сѣно во всѣ стороны цѣлыми глыбами, барки разламывались въ куски, и мы ясно видѣли, какъ посреди крушенія какія-то тѣни стояли на колѣняхъ и подымали руки къ небу. И видя это, мы тоже почувствовали ужасъ, и тоже стали на колѣна, и тоже начали молиться. Спасеніе казалось невозможнымъ. Вдругъ слѣва, по направленію отъ дворца къ погибавшимъ, показались два разсѣкавшіе волны, казенные катера. У кормы перваго сидѣлъ окутанный въ сѣрую шинель генералъ *). Спасеніе посылалъ государь. Съ другой стороны, подоспѣвала порожняя барка, на которую царскій гонецъ пересаживалъ ожидавшихъ смерти, въ то время, когда ихъ исковерканныя суда распадались на части.

Между тѣмъ непогода не утихала. Наводненіе подымалось хотя медленно, но все выше и выше. Вода брызгала уже въ уровень нижняго этажа, гдѣ, на отцовской половинѣ, находилось много драгоцѣнностей, особенно картинъ. Кое-какія вещи начали перетаскивать наверхъ, но безъ суеты и торопливости. Отецъ, уже потерявшій хладнокровно домъ на московскомъ пожарѣ, и тутъ равнодушно смотрѣлъ на матеріальный ущербъ. Предположеніе его, впрочемъ, оправдалось. Буря началась наканунѣ въ 4 часа по полудни. Слѣдовало ожидать, чтобъ прошли сутки. Смерклось. Вскорѣ, такъ какъ всѣ фонари были перебиты, наступила кругомъ темнота гробовая. Но четыре часа пробило. Сутки прошли. Вода стала медленно

*) Генералъ-адъютантъ графъ А. Х. Бенкендорфъ.

убывать. Вѣтеръ измѣнился. Петербургъ былъ спасенъ. Существуетъ предсказаніе, что онъ когда нибудь погибнетъ отъ воды, и что море его зальетъ. Лермонтовъ, одаренный большими самородными способностями къ живописи, какъ и къ поэзіи, любилъ чертить перомъ и даже кистью видъ разъяреннаго моря, изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ. Въ такомъ изображеніи отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазія.

Послѣ наводненія 7-го ноября, на Петербургъ легло томящее, свинцовое, все поглощающее уныніе. Другихъ рѣчей, другихъ заботъ не было какъ о кварталахъ приморскихъ, наиболѣе пострадавшихъ. Цѣлыя улицы представляли груды развалинъ и труповъ, надъ которыми раздавались вопли оставшихся безъ пищи и безъ пристанища. Широкая русская благотворительность нашла себѣ занятіе. Частныя подаянія, филантропическіе комитеты, оффиціальныя мѣропріятія усердствовали неусыпно. Инженеры чертили проекты огромныхъ обводныхъ каналовъ и стоковъ для преграды новымъ бѣдствіямъ. Надъ этимъ общимъ порывомъ господствовало верховное сердоболіе все болѣе и болѣе опечаленнаго монарха. Дворъ и столица скорбѣли. Петербургъ былъ мраченъ. Здоровье государя внушало опасеніе. Лѣтомъ онъ выѣхалъ на югъ.

Живо помню, какъ однажды, когда мы пошли утромъ здороваться съ родителями, мы были свидѣтелями трогательной сцены. Отецъ громко рыдалъ. Мать занемогла и лежала въ постели, заливаясь слезами. Получено было извѣстіе, что государь скончался. Мы тоже начали плакать, не вѣря, чтобъ такой свѣтлый, ласковый взглядъ могъ померкнуть, такая привѣтливая улыбка помертвѣть. Въ годы дѣтства смерть кажется и несправедливостью

и невозможностью, да и послѣ дѣтства много нужно передумать надъ ежечасно отверзающимися могилами, чтобъ убѣдиться въ неминуемости исчезновенія жизни. Роковое письмо, полученное императрицею Елисаветой Алексѣевной отъ императрицы Маріи Ѳедоровны, начиналось словами: «Notre ange est au ciel». (Нашъ ангелъ на небесахъ). Эти слова облетѣли мгновенно всю Россію. Они печатались въ некрологахъ, гравировались подъ портретами Благословеннаго и вырѣзывались на траурныхъ кольцахъ и медальонахъ съ изображеніями опочившаго. Прахъ императора слѣдовалъ изъ Таганрога въ Москву, гдѣ оставался нѣсколько дней, и прибылъ въ Чесму, откуда двинулся уже торжественнымъ погребальнымъ шествіемъ въ Петропавловскую крѣпость. Отецъ мой участвовалъ въ распоряженіяхъ погребенія, совершавшагося въ холодный снѣжный день. За нимъ послѣдовало вскорѣ другое погребеніе. Кроткая, почти въ уединеніи жившая, императрица Елисавета Алексѣевна, сраженная горемъ, тихо отошла въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Недолго пережила ихъ и вдовствовавшая императрица Марія Ѳеодоровна.

II.

Павловскъ.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Бабушка Архарова, ея образъ жизни и выѣздъ ко двору и въ гости. — Просперъ Сологубъ.—Семейство Голицыныхъ.—Семейство Шарьеръ.—Евгеній Штеричъ.—Первое знакомство съ М. И. Глинкой.—Иванъ Петровичъ Архаровъ.—Николай Петровичъ Архаровъ.—Архаровскій полкъ.—Празднованіе именинъ бабушки. — Посѣщеніе императрицы. — Великій князь Александръ Николаевичъ. — Поѣздка въ Симбирское имѣніе. — Наше дорожное общество. — Н. А. Щепотьевъ. — Переправа черезъ Волгу.—Новыя ощущенія.—Пріѣздъ въ Никольское. — Встрѣча.

Въ послѣдовательности моихъ разсказовъ я нѣсколько увлекся впередъ по хронологіи событій. Возвращаюсь къ впечатлѣніямъ прежняго времени и останавливаюсь снова на мѣстности, игравшей важную роль въ моемъ дѣтствѣ, а именно на Павловскѣ. Павловскъ, привлекающій и нынѣ публику вокзаломъ, оркестромъ, дачами и прелестнымъ паркомъ, былъ во время оно собственностью и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ имѣлъ видъ роскошнаго и цвѣтистаго оазиса, гдѣ со всѣхъ сторонъ чувствовалось присутствіе царственной владѣтельницы, бывшей у себя и заботливою помѣщицею, и гостепріимною хозяйкою, не уклоняясь, впрочемъ, отъ величія сана. При ея дворѣ соблюдались въ одно время и строгій этикетъ, и сердечное радушіе, такъ что въ Павловскѣ было и легко, и привольно. Собственно для себя императрица отдѣлила только небольшой цвѣтникъ, примыкавшій къ

дворцу, а затѣмъ всѣ сады, всѣ парки, всѣ павильоны, всѣ гулянія, всѣ бесѣдки и шакаты были открыты для посѣтителей. На фермѣ и въ другихъ сельскихъ зданіяхъ стояли накрытые столы со многими яствами и чернымъ хлѣбомъ на случай, если гости проголодаются. Тутъ мы, дѣти, частенько лакомились. У розоваго павильона, густо обсаженнаго розами, стояли деревянныя горы для катанья, качели, гимнастическіе аппараты. И этимъ мы пользовались. Однажды, я даже вздумалъ сбѣжать съ деревянной горы, и въ то время какъ бѣжалъ, на меня налетѣлъ молодой князь Василій Репнинъ въ колясочкѣ. Но я всегда умѣлъ не терять присутствія духа въ минуту опасности. На всемъ бѣгу я угораздился прыгнуть, и вмѣсто того, чтобъ переломить себѣ ноги, отдѣлался ушибомъ въ пятку. Въ самомъ павильонѣ раздавались звуки эоловой арфы, поставлено было фортепіано для любителей музыки, находились разныя книги и даже открытый альбомъ, гдѣ каждому посѣтителю дозволялось записывать свои мысли. Въ немъ и была записана прекрасная басня «Василекъ» И. А. Крылова, имъ написанная въ то время, когда онъ гостилъ въ Павловскѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна любила, чтобъ у нея гостили. Насъ водили къ проживавшимъ у нея лѣтомъ двумъ старушкамъ, изъ коихъ одна престарѣлая и худая была Перекусихина, нѣкогда любимица и наперсница Великой Екатерины, другая дородная и величавая баронесса, впослѣдствіи графиня и княгиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ. Другія двѣ старушки, находившіяся постоянно при императрицѣ, — статсъ-дама Наталья Ѳедотовна Плещеева и камеръ-фрейлина Катерина Ивановна Нелидова, нѣкогда оклеветанная и остававшаяся вѣрнымъ другомъ императрицы, жили на своихъ дачахъ. Наконецъ, пятая ста-

рушка оставалась нѣсколько поодаль, но, тѣмъ не менѣе, пользовалась постоянно милостью ея величества. Нѣсколько разъ, втеченіе лѣта, она приглашалась къ высочайшему столу, что всегда составляло чрезвычайное происшествіе. Я говорю про свою бабушку Архарову. Заблаговременно она въ эти дни наряжалась. Зеленый зонтикъ снимался съ ея глазъ и замѣнялся паричкомъ съ сѣдыми буклями подъ кружевнымъ чепцомъ съ бантиками. Старушка, грѣха таить нечего, немного подрумянивалась, особенно подъ глазами голубыми и весьма пріятными. Носъ ея былъ прямой и совершенно правильный. Лицо ея не перекрещивалось, не бороздилось морщинами, какъ заурядъ бываетъ у людей лѣтъ преклонныхъ. Оно было гладкое и свѣжее. Въ немъ выражалось спокойствіе, непоколебимость воли, совѣсти, ничѣмъ не возмущаемой, и убѣжденій, ничѣмъ не тревожимыхъ. Отъ нея, такъ сказать, сіяло привѣтливостью и добросердечіемъ, и лишь изрѣдка промелькивали по ея ласковымъ чертамъ мгновенныя вспышки, свидѣтельствовавшія, что кровь въ ней еще далеко не застыла и что она принимала дѣйствительное участіе во всемъ, что около нея творилось. Изукрасивъ свой головной уборъ, она облекалась въ шелковый особой доброты халатъ или капотъ, къ которому на лѣвомъ плечѣ пришпиливалась кокарда Екатерининскаго ордена. Черезъ правое плечо перекидывалась старая желтоватая турецкая шаль, чуть ли не наслѣдственная. Затѣмъ ей подавали золотую табакерку, въ видѣ моськи, и костыль. Снарядившись ко двору, она шествовала по открытому корридору къ каретѣ. Провожали ее, ею любуясь, жившія у нея, старая полковница Александра Николаевна, сироты-дворянки Анна Николаевна и Анна Антоновна, старшая горничная Степанида, двѣ младшія гор-

ничныя — Аннушка кривая и Марѳуша рябая. Вѣчно мрачный калмыкъ Тулемъ и крошечный карапузикъ, морщинистый карликъ Василій Тимоѳеичъ, всегда вязавшій чулокъ и, насупившись, ворчавшій на насъ какъ бульдогъ за наши придирки, глядѣли на шествіе нѣсколько самодовольно, какъ будто и на ихъ долю приходилось нѣсколько почета. Впереди, суетился курносый дворецкій, Дмитрій Степановичъ, съ взъерошеннымъ хохломъ, въ бѣломъ жабо, округленномъ вѣеромъ подъ бѣлымъ галстухомъ. У кареты дожидались, въ трехъ-угольныхъ уродливыхъ шляпахъ два ливрейные рослые лакея: бѣлый какъ лунь Ананій, годами старше бабушки и съ дѣтства при ней пребывавшій, и молодой парень Петръ, недавно привезенный изъ деревни. Бабушка садилась въ карету. Но, Боже мой, что за карета! Ее зналъ весь Петербургъ. Если я не ошибаюсь, она спаслась отъ московскаго пожара. Четыре клячи, въ упряжи простоты первобытной, тащили ее съ трудомъ. Форейтеромъ сидѣлъ Ѳедотка... Но Ѳедотка давно уже сдѣлался Ѳедотомъ. Изъ ловкаго мальчика онъ обратился въ исполина и къ тому же любилъ выпить. Но должность его при немъ осталась навсегда, такъ какъ старые люди, вообще, перемѣнъ не любятъ. Кучеръ Абрамъ былъ болѣе приличенъ, хотя весьма худъ. Ливреи и армяки были сшиты на удачу изъ самаго грубаго сукна. На улицахъ, когда показывался бабушкинъ рыдванъ, прохожіе останавливались съ удивленіемъ, или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что ѣдетъ прибывшій изъ провинціи архіерей. Впрочемъ, бабушка этимъ нисколько не смущалась. Какъ ее ни уговаривали, она не соглашалась увеличить ничтожнаго оброка, получаемаго ею съ крестьянъ. «Оброкъ назначенъ, отговаривалась она: — по волѣ покойнаго Ивана

Петровича. Я его не измѣню. Послѣ меня дѣлайте, какъ знаете. Съ меня довольно! А пустыхъ затѣй я заводить не намѣрена».

Вся жизнь незабвенной старушки заключалась въ разумномъ согласованіи ея доходовъ съ природною щедростью. Долговъ у нея не было, напротивъ того, у нея всегда въ запасѣ хранились деньги. Бюджетъ соблюдался строго, согласно званію и чину, но въ обрѣзъ, безъ всякихъ прихотей и непредвидѣнностей. Все, оставшееся, шло на подарки и добрыя дѣла. Порядокъ въ домѣ былъ изумительный, благодаря уму, твердости и разсчетливости хозяйки. Когда она говѣла, мы подслушивали ея исповѣдь. Къ ней пріѣзжалъ престарѣлый о. Григорій, священникъ домовой церкви князя Александра Николаевича Голицына. Оба были глухи и говорили такъ громко, что изъ сосѣдней комнаты все было слышно.

— Грѣшна я, батюшка, — каялась бабушка: — въ томъ, что я покушать люблю...

— И, матушка, ваше высокопревосходительство, — возражалъ духовникъ: — въ наши-то года оно и извинительно.

— Еще каюсь, батюшка, — продолжала грѣшница: — что я иногда сержусь на людей, да и выбраню ихъ порядкомъ.

— Да какъ же и не бранить-то ихъ, — извинялъ снова отецъ Григорій, — они вѣдь неряхи, пьяницы, негодяи... Нельзя же потакать имъ въ самомъ дѣлѣ.

— Въ картишки люблю поиграть, батюшка.

— Лучше, чѣмъ злословить, — довершалъ отецъ Григорій.

Этимъ исповѣдь и кончалась. Другихъ грѣховъ у бабушки не было. Но великая ея добродѣтель была въ

ней та, что она никого не умѣла ненавидѣть и всѣхъ умѣла любить. Когда, какъ я разсказывалъ выше, она ѣздила въ Павловскъ на придворной обѣдъ, весь домъ ожидалъ нетерпѣливо ея возвращенія. Наконецъ, грузный рыдванъ вкатывался на дворъ. Старушка, нѣсколько колыхаясь отъ утомленія, шла, упираясь на костыль. Впереди выступалъ Дмитрій Степановичъ, но уже не суетливо, а важно и благоговѣйно. Въ каждой рукѣ держалъ онъ тарелку, наложенную фруктами, конфектами, пирожками — все съ царскаго стола. Когда во время обѣда обносился дессертъ, старушка не церемонилась и, при помощи сосѣдей, наполняла двѣ тарелки лакомою добычею. Гофъ-фурьеръ зналъ, для чего это дѣлалось, и препровождалъ тарелки въ пресловутый рыдванъ. Возвратившись домой, бабушка разоблачалась, надѣвала на глаза свой привычный зонтикъ, нарядный капотъ замѣнялся другимъ, болѣе поношеннымъ, но всегда шелковымъ, и садилась въ свое широкое кресло, передъ которымъ ставился столъ съ бронзовымъ колокольчикомъ. На этотъ разъ къ колокольчику приставлялись и привезенныя тарелки. Начиналась раздача въ порядкѣ родовомъ и іерархическомъ. Мы получали плоды отборные, персики, абрикосы и фиги, и ѣли почтительно и жадно. И никто въ домѣ не былъ забытъ, такъ что и Аннушка кривая получала конфекту, и Тулемъ удостоивался кисточкою винограда, и даже карликъ Василій Тимоѳеичъ откладывалъ чулокъ и взыскивался сахарнымъ сухарикомъ. Когда я объ этомъ припоминаю, меня разбираетъ смѣхъ, и въ то же время на глаза навертываются слезы. Сколько наивнаго добродушія, сколько трогательной сердечности прошедшаго быта погибло теперь навсегда. Отличительною чертою бабушки была неизмѣнность въ убѣжденіяхъ и при-

вычкахъ. Никакихъ колебаній она не допускала и при всей своей гуманности относилась строго къ людямъ предосудительнаго поведенія. Когда рѣчь касалась человѣка безнравственнаго, она принимала строгій видъ и объявляла рѣзкій приговоръ. «Негодяй, говорила она, — разбратникъ»... а потомъ, наклонившись къ уху собесѣдника или собесѣдницы, присовокупляла шепотомъ «Galant»!... Это было послѣднее слово порицанія. Сама она была, такъ сказать, ковчегомъ патріархальности и въ домѣ не допускала никакого отступленія отъ заведеннаго порядка. Само собою разумѣется, что она соблюдала церковныя правила, постилась по уставу, молилась въ урочное время, ѣздила въ приходскую церковь, пока хватило силъ. Вечернія службы совершались у нея на дому. Даже заутреня передъ Свѣтлымъ праздникомъ заблаговременно торжествовалась въ ея гостиной. Являлся престарѣлый отецъ Григорій съ дьячкомъ. Мы подходили къ его благословенію и спрашивали изъ шалости:

— Неужели Христосъ воскресъ такъ рано?

— Воскресъ, дѣти, — говорилъ старецъ улыбаясь, — воскресъ, во всякое время воскресъ. Затѣмъ онъ облачался и обходилъ всѣ комнаты съ крестомъ. Во время службы не только всѣ члены семейства, но и настоящіе, и мнимые родственники и всѣ слуги обязывались находиться на-лицо. Подлѣ бабушки становился Дмитрій Степановичъ, держа въ рукахъ блюдо съ нагроможденными на немъ красными яйцами. Не были забыты ни калмыкъ, ни карликъ, ни Аннушка косая, ни рослый форейторъ, Ѳедотъ, ни всегда пьяный поваренокъ Ефимъ. При появленіи послѣдняго, и когда онъ лѣзъ цѣловаться съ бабушкой, старушка его останавливала и, взглянувъ на него грозно, говорила:

— А ты все пьянствуешь! Смотри, лобъ забрѣю. Въ солдаты отдамъ. Домъ срамишь. Побойся хоть Бога. Слышишь, что ли?

— Слушаю, мычалъ Ефимка.

— То-то же, добавляла бабушка.—Такъ помни же... Христосъ воскресе.

И она три раза цѣловала лоснящуюся рожу Ефимки и вручала ему яичко... а Ефимка продолжалъ пьянствовать и никогда въ солдаты отданъ не былъ.

Старушка любила, чтобъ ей читали русскіе романы. «Юрій Милославскій» ей очень понравился, но, когда герой подвергался опасности, она останавливала чтеніе съ просьбой: «Если онъ умретъ — вы мнѣ не говорите». Смерти она очень страшилась, а между тѣмъ скончалась съ необыкновенною твердостью. Когда она уже была при послѣднемъ издыханіи, ей доложили, что ее желаетъ видѣть богомолка Елисавета Михайловна Кологривова, сестра князя А. М. Голицына.

— Не надо...—отвѣчала умиравшая. — Она пріѣхала учить меня, какъ надо умирать. Я и безъ нея съумѣю.

И дѣйствительно она опочила какъ праведница и память о себѣ оставила свѣтлую.

И теперь, когда столько лѣтъ уже прошло послѣ ея кончины, мнѣ все еще отрадно припомнить мельчайшія подробности ея глубоко поучительнаго и сердечно-наивнаго существованія.

Для утреннихъ прогулокъ у бабушки была низенькая тѣлежка или таратайка безъ рессоръ и съ сидѣньемъ для кучера. Выкрашенная въ желтую краску, она была похожа на длинное кресло, запрягалась въ одну лошадь изъ вороной инвалидной четверни и, разумѣется, слѣдовала тихимъ шагомъ. Отецъ мой, всегда подшучивавшій надъ

бабушкой, за что́ она, впрочемъ, никогда не сердилась, прозвалъ эту диковинную таратайку «труфиньономъ». Труфиньонъ имѣлъ значеніе легендарное, какъ принадлежность Павловска. И нѣкоторые доживающіе нынѣ мои современники вѣрно вспомнятъ о немъ съ удовольствіемъ. Труфиньонъ употреблялся не для одного катанья... Онъ служилъ и другимъ цѣлямъ. Во-первыхъ онъ направлялся къ рощамъ, окружавшимъ Павловскъ и въ мѣстахъ хорошихъ останавливался. Старушка брала изъ предосторожности возжи въ руки, хотя опасности отъ клячи не предвидѣлось, а кучеръ Абрамъ слѣзалъ съ козелъ и шелъ бродить, нагнувшись, въ чащѣ деревьевъ. Вдругъ раздалось его радостное восклицаніе:

— Березовикъ, ваше высокопревосходительство.

— Смотри еще! — кричала бабушка.

Находка бѣлаго гриба была торжествомъ. Жатва укладывалась въ корзиночку, а, при возвращеніи домой, грибы отсылались на кухню съ приказаніемъ, — изжарить ихъ къ обѣду въ сметанѣ на сковородѣ. За обѣдомъ возникалъ другой эпизодъ. Грибы казались заманчивыми и вкусными. Но какъ только бабушка за нихъ принималась, вокругъ стола подымался семейный протестъ. Затѣмъ она, немного поспоривъ, уступала голосу разсудка и нехотя возвращала искусительную тарелку тоже встревоженному Дмитрію Степановичу. Прогулка въ труфиньонѣ служила тоже и для визитовъ, визитовъ весьма оригинальныхъ, въ виду приглашеній или справокъ. Подъѣдетъ бабушка къ знакомымъ и велитъ Абраму вызвать хозяевъ или, въ случаѣ ихъ отсутствія, слугу.

— Скажи, что старуха Архарова сама заѣзжала спросить, что дескать вы старуху совсѣмъ позабыли, а у нея завтра будутъ: ботвинья съ свѣжей рыбой и жареный гусь

начиненный яблоками. Такъ не пожалуютъ ли откушать!

И труфиньонъ двигался далѣе, заѣзжая къ больнымъ для свѣдѣній о здоровьѣ, къ бѣднымъ для подаянія помощи, къ сиротамъ для узнанія объ ихъ поведеніи. Много слыхалъ я и читалъ впослѣдствіи о гуманности,—но гуманность воплощенную, безъ хитрости и причудъ, я видѣлъ только въ старой женщинѣ, далеко не образованной, но твердо умной и всецѣло преданной любви къ человѣчеству. Ей-то я обязанъ, что до сего времени люблю человѣчество, хотя самые люди все болѣе и болѣе отучивали меня ихъ любить. Теперь мнѣ кажется, что безъ патріархальности не можетъ быть гуманности иначе какъ на словахъ.

Павловскъ представлялъ, впрочемъ, для Архаровой нѣкоторыя неудобства. Во-первыхъ, столовая была слишкомъ мала. Широкому хлѣбосольству ставился по необходимости предѣлъ. Дача была просторная; боковые одно-этажные флигеля, въ видѣ покоя, вмѣщали съ одной стороны покои бабушки, съ другой стороны семейство Александры Ивановны Васильчиковой, нашей тетки. Поперегъ флигелей стояла большая теплица, но ее пришлось измѣнить на общую пріемную, между двухъ комнатъ, и съ настройкою въ видѣ мезонина. Числительность населенія въ домѣ была изумительна. Тутъ копошились штатъ Архаровскій, и штатъ Васильчиковскій, и разные пріѣзжіе, и даже постоянные гости, особенно изъ молодыхъ людей. Я уже говорилъ, что Архарова своей роднѣ и счетъ потеряла. Бывало пріѣдетъ изъ захолустья помѣщикъ и прямо къ ней.

— Я къ вамъ, матушка Катерина Александровна, съ просьбой.

— Чѣмъ, батюшка, могу услужить? Мы съ тобой не

чужіе. Твой дѣдъ былъ внучатымъ моему покойному Ивану Петровичу по первой его женѣ. Стало быть свои. Чѣмъ могу тебѣ угодить?

— А вотъ что, Катерина Александровна. Дѣтки подросли. Воспитаніе въ губерніи вы сами знаете какое. Вотъ я столько наслышался о вашихъ милостяхъ, что дѣтокъ съ собой привезъ, авось, Богъ поможетъ пристроить въ казенное заведеніе.

— На казенной счетъ? — спрашивала бабушка.

— Конечно, хорошо бы. Урожаи стали ужъ очень плохи.

— Родня, точно родня, близкая родня, — шептала между тѣмъ бабушка. — Я и бабку твою помню, когда она была въ дѣвкахъ. Они жили въ Москвѣ. Да скажи на милость, правду ли я слышала, что будто Петрушѣ Толстому пожалована Андреевская лента? А вотъ еще вчера, кажется, онъ ползалъ по полу безъ штанишекъ. Что-жъ, похлопотать можно. А тамъ ты ужъ не безпокойся. Да вотъ что... пріѣзжай-ка завтра откушать. Не побрезгай моей кулебяки... да дѣтокъ съ собой привези. Мы и познакомимся.

И на другой день помѣщикъ пріѣзжалъ съ дѣтками, и черезъ нѣсколько дней дѣтокъ уже называли Сашей, Катей, Дуней и журили ихъ, если они тыкали себѣ пальцы въ носъ, и похваливали ихъ умницами, если они вели себя добропорядочно. Затѣмъ они разсовывались по разнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, и помѣщикъ уѣзжалъ восвояси, благодарный и твердо увѣренный, что Архарова не морочила его пустыми словами и свѣтскими любезностями, и что она дѣйствительно будетъ наблюдать за его дѣтьми. Такъ и было. Мальчики обязывались къ ней являться по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ и въ

вакантныя времена, чтобъ не дать имъ возможности избаловаться на свободѣ. Замѣчательно, что такая обязанность исполнялась аккуратно и многихъ спасла отъ возможныхъ сумасбродствъ. Архарова относилась весьма серьёзно къ своимъ заботамъ добровольнаго попечительства. И въ Павловскѣ онѣ не забывались, но въ Петербургѣ принимали еще бо́льшіе размѣры и сплошь да рядомъ происходили визиты по учебнымъ заведеніямъ. Подъѣдетъ рыдванъ къ кадетскому корпусу, и Ананій отправляется отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама пріѣхала и проситъ пожаловать къ ея каретѣ». Начальникъ тотчасъ же является охотно и почтительно. Бабушка сажала его въ карету и начинала разспросы. Это называла она — дѣлать визиты. Рѣчь шла, разумѣется, о родственникѣ или родственникахъ, объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, объ ихъ поведеніи, объ ихъ здоровьѣ, а затѣмъ призывались и родственники и въ карету, и на домъ. Достойные удостоивались похвалы, виновные наказывались выговоромъ и угрозой написать отцу или матери. Однажды, мой отецъ получилъ письмо изъ Вильны отъ незнакомаго ему однофамильца Сологуба. Въ письмѣ выражалась просьба — оказать покровительство его двумъ сыновьямъ для поступленія на службу. Меньшой Юстинъ опредѣлился въ отдаленный кавалерійскій полкъ и уѣхалъ. Старшій Просперъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и остался въ Петербургѣ. Бабушка разсудила, что онъ однофамилецъ ея зятя, слѣдовательно, не чужой,— и потому Просперъ былъ включенъ въ число молодыхъ родственниковъ и получилъ приказаніе являться по праздникамъ. Человѣкъ тихій, хорошій служака, всѣми уважаемый, Просперъ Сологубъ повиновался такъ же радушно, какъ радушно ему было объявлено предложеніе и, до са-

мой кончины бабушки, онъ, чуть ли уже не въ чинѣ генерала, являлся въ урочные дни къ своей престарѣлой родственницѣ.

Въ Павловскѣ учебныхъ заведеній не было. Но въ Царскомъ Селѣ въ дворцовомъ флигелѣ славился на всю Россію знаменитый лицей, гдѣ воспитывались Пушкинъ, Дельвигъ, князь Горчаковъ и многія другія замѣчательныя личности. Въ Софіи процвѣталъ лицейскій пансіонъ, и въ немъ у бабушки было нѣсколько родственниковъ. Помню, во-первыхъ, долговязаго и оригинальнаго Алексѣя Коверина, родственника московскаго; Александра и Евгенія Самсоновыхъ, родственниковъ ярославскихъ, сердечныхъ товарищей. Всѣ трое жили у бабушки во время лѣтнихъ вакацій, но какъ и гдѣ помѣщались они, объяснить не берусь. Пріѣзжали Костя Булгаковъ, геніальный повѣса, прошутившій блистательныя способности; Розенъ, Стрекаловъ, Алопеусъ и многіе, многіе другіе. Въ Павловскѣ мы скуки не знали. Мы вели знакомство, хотя не интимное, съ дѣтьми Н. М. Карамзина. Имъ были сшиты камлотовые оранжеваго цвѣта кафтанчики, отороченные чернымъ бархатомъ, что̀ казалось мнѣ послѣднимъ выраженіемъ щегольства, даже возбуждало во мнѣ зависть. Встрѣчались мы и съ Лонгиновыми. Но земнымъ раемъ казалась намъ въ Царскомъ Селѣ дача князя Ѳ. С. Голицына. Жизнь шла въ ней богато, раздольно, привѣтливо, раздробляясь въ 3-хъ или 4-хъ домахъ, расположенныхъ около сада, приспособленнаго къ играмъ и удовольствіямъ. Чего тутъ не было: лодочки на пруду, и сѣти, и качели, и гимнастики, и лошади, и лошадки, и всего не припомню. Хозяевами-товарищами были собственно пять молодцовъ, веселыхъ, ловкихъ сыновей отъ велика до мала. Старшій былъ Саша, отбившій у меня роль Амура на придворномъ праздникѣ,

второй Сережа, нечаянно застрѣлившійся на охотѣ, третій Давыдъ, погибшій на переправѣ. Константинъ и Борисъ здравствуютъ *).

Отъ всего этого времени осталось въ моей памяти какое-то тихое, радужное впечатлѣніе. Не помню, учились ли мы въ Павловскѣ. Но должно быть, что учились, потому что къ намъ приставленъ былъ замѣнившій уѣхавшаго по слабости здоровья, симпатичнаго m-r Lalance, другой гувернеръ, тоже французъ, m-r Charrière.

Послѣ Нарышкинской дачи мы занимали дачу князя Волхонскаго, близь крѣпости. Садъ былъ большой и ягодъ было въ немъ много. По сосѣдству мы познакомились съ Евгеніемъ Штеричемъ. Поводомъ къ нашему знакомству послужило слѣдующее обстоятельство. Сестра нашего гувернера m-r Charièrre была замужемъ за гувернеромъ Штерича, m-r Ferry de Pigny. Оба сходились на Фонтанкѣ въ квартирѣ старухи m-me Charrière, вышедшей замужъ за стараго m-r Bradt, и водили къ нимъ своихъ воспитанниковъ. У нихъ мы исполняли отрывки изъ Расиновской трагедіи Athalie, въ костюмахъ.

Штеричъ былъ единственнымъ сыномъ почтенной Серафимы Ивановны, не чаявшей въ немъ души, и оказывалъ большія способности, какъ піанистъ. У него гостилъ въ Павловскѣ молодой человѣкъ, поразившій меня своею оригинальностью. Онъ отличался весьма малымъ ростомъ и своеобразною физіономіею, то далеко не красивою, то увлекательною. Черноволосый, съ короткимъ крупнымъ и прямымъ носомъ, съ выдвинутымъ подбородкомъ, онъ закидывалъ постоянно голову назадъ, носомъ вверхъ, по

---

*) Кромѣ ихъ, были еще двѣ дочери: Юлія, вышедшая замужъ за князя Куракина, и Александра, скончавшаяся въ малыхъ лѣтахъ.

инстинктивному желанію казаться выше. Затѣмъ привычнымъ жестомъ онъ засовывалъ палецъ за скважину жилета подъ мышкой, что́ еще болѣе его выпрямляло. Всего поразительнѣе въ немъ оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то сверкавшіе искрами, то расширявшіеся и глубоко торжественные подъ наитіемъ вдохновенія сверхъестественнаго. Онъ обыкновенно молчалъ или шутилъ довольно рѣдко, на семинарскій ладъ. Часто садился онъ за фортепіано и погружался весь въ свою игру, не видя и не зная, что́ около него творилось. Мы, дѣти, едва переводили дыханіе, и какъ-то изумленно и испуганно его слушали. Тогда онъ начиналъ пѣть. Голосъ его былъ глухой, слабый, непріятный. Сперва онъ шепталъ говоркомъ съ оттѣнками выраженія, которые я, конечно, началъ понимать только послѣ; потомъ, мало-по-малу оживляясь, переходилъ чуть не въ изступленіе и выкрикивалъ высокія ноты съ натугою, съ неистовствомъ, даже съ болью. Потомъ онъ вставалъ съ мѣста, заливался дѣтскимъ смѣхомъ и, засунувъ палецъ за жилетъ и закинувъ голову, началъ ходить пѣтушкомъ по комнатѣ, спрашивая: «А каковъ былъ грудной si bemol»?

Мнѣ кажется, что съ этого времени я началъ глухо понимать, что геніальность и личность составляютъ два понятія совершенно разнородныя, совершенно независимыя другъ отъ друга. Геній можетъ горѣть въ человѣкѣ мимо и даже вопреки его личности. Кто слышалъ Глинку, тотъ понялъ, что можно быть пѣвцомъ потрясающимъ и величественнымъ, не имѣя къ тому никакихъ физическихъ средствъ. Я забылъ сказать, что припоминаю первую свою встрѣчу съ маленькою фигурою и колоссальнымъ талантомъ Михаила Ивановича Глинки. Въ Штеричѣ онъ потерялъ много. Штеричъ былъ для него не только мецена-

томъ, но другомъ и сотрудникомъ въ искусствѣ. Вмѣстѣ ѣздили они въ Италію, и Глинка при немъ началъ совершенствовать свое отличительное превосходство надъ всѣми извѣстными композиторами, умѣнье присвоивать себѣ музыкальную этнографію. Душа его, такъ сказать, впивалась, всасывалась не въ одни пріемы и формулы разнородныхъ стихій, а въ самую духовную суть ихъ источниковъ, въ самые сокровенные тайники ихъ сердечныхъ, мелодическихъ порывовъ. Такъ, напримѣръ, въ музыкѣ польской, онъ явился болѣе полякомъ, чѣмъ поляки, въ итальянской онъ становился дѣйствительнымъ итальянцемъ, въ испанской отъ него такъ и вѣяло Гвадальквивиромъ и обаяніемъ Севильи. Что же сказать о стилѣ русскомъ? До Глинки разработка русскаго стиля походила на лубочную каррикатуру. Глинка первый окунулся въ глубь океана русскаго чувства, и на самомъ днѣ нашелъ тайникъ русской радости, русскаго горя, русской любви, словомъ всей широкой русской жизни. Въ его звукахъ такъ и рисуются и береза, и сосна, и степь безконечная, и изба затворническая, и рѣка многоводная. Въ нихъ Русь живетъ, въ нихъ Русью дышетъ. Глинку недостаточно понять, его надо прочувствовать. Объ этомъ, если я успѣю, мнѣ придется поговорить еще подробнѣе. Скажу только, что у Глинки никогда не было ни няньки по искусству, ни наставника по роду жизни, ни сильнаго покровителя при геніальныхъ его попыткахъ. Что онъ не достигъ вполнѣ своей цѣли... въ томъ не онъ виноватъ. Его скрутила и замучила судьба. Много, повторяю я, потерялъ онъ съ Штеричемъ. Симпатичный юноша страдалъ чахоткою. Вскорѣ онъ умеръ, и Глинка остался одинъ.

Но возвратимся къ Павловску. Хотя мы жили отдѣльно, но находились почти постоянно на Архаровской дачѣ, всегда

оживленной и привѣтливой. Старуха не любила отпускать насъ безъ обѣда. Эти обѣды мнѣ хорошо памятны. За столъ садились въ пять часовъ, по старшинству. Кушанья подавались попреимуществу русскія, нехитрыя и жирныя, но въ изобиліи. Кваса потреблялось много. Вино, изъ рукъ вонъ плохое, ставилось какъ рѣдкость. За столъ никто не садился, не перекрестившись. Блюда подавались отъ бабушки въ перепрыжку, смотря по званію и возрасту. За дессертомъ хозяйка сама наливала нѣсколько рюмочекъ малаги или люнеля и подчивала ими гостей и тѣхъ изъ домашнихъ, которыхъ хотѣла отличить. Затѣмъ Дмитрій Степановичъ подавалъ костыль. Она подымалась, крестилась и кланялась на обѣ стороны, приговаривая неизмѣнно: «Сыто, не сыто... а за обѣдъ почтите. Чѣмъ Богъ послалъ». Не любила она, чтобъ кто нибудь уходилъ тотчасъ послѣ обѣда. «Что это,—замѣчала она, нѣсколько вспыливъ:—только и видѣли. Точно пообѣдалъ въ трактирѣ»... Но потомъ тотчасъ же смягчала свой выговоръ. «Ну, уже Богъ тебя проститъ на сегодня. Да смотри, не забудь въ воскресенье. Потроха будутъ». Послѣ обѣда она иногда каталась въ придворной линейкѣ, предоставленной въ ея распоряженіе, но, большею частью, на линейку сажали молодежь, а сама раскладывала гранпасьянсъ, посадивъ подлѣ себя на кресла злую моську, отличавшуюся висѣвшимъ отъ старости языкомъ.

При этомъ она разсказывала о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, объ ужасахъ бывшей въ Москвѣ чумы, когда замаскированные и въ кожу обернутые люди разъѣзжали по вымершимъ кварталамъ и подбирали трупы. Самъ преосвященный Амвросій пріѣзжалъ къ намъ въ домъ наканунѣ своей лютой смерти. Народъ растерзалъ его за то, что онъ скрылъ чудотворную икону съ цѣлью прекратить стеченіе

богомольцевъ, распространявшихъ заразу. Амвросія она хорошо помнила. Сама она родилась 12-го іюля 1752 года, въ день гибели Лиссабона и рожденія французской королевы Маріи-Антуанетты

О мужѣ своемъ Иванѣ Петровичѣ Архаровѣ она говорила съ глубокимъ чувствомъ. Онъ тоже, какъ кажется, былъ вполнѣ добрымъ, честнымъ, простымъ и откровеннымъ человѣкомъ. О немъ я слышалъ въ семьѣ двѣ забавныя выходки. Встрѣтивъ на старости товарища юности, много десятковъ лѣтъ имъ не видѣннаго, онъ всплеснулъ руками, покачалъ головою и воскликнулъ невольно: «Скажи мнѣ, другъ любезный, такъ ли я тебѣ гадокъ, какъ ты мнѣ?» Онъ имѣлъ слабость притворяться, что хорошо знаетъ французскій языкъ, хотя не зналъ его вовсе. Пріѣзжаетъ къ нему однажды старый пріятель съ двумя рослыми сыновьями, для образованія коихъ денегъ не щадили. «Я, говоритъ онъ, Иванъ Петровичъ, къ тебѣ съ просьбою. Проэкзаменуй-ка моихъ парней во французскомъ языкѣ. Ты вѣдь дока»... Иванъ Петровичъ подумалъ, что молодыхъ людей кстати спросить объ ихъ удовольствіяхъ, и сообразилъ фразу: «Messieurs, comment vous divertissez-vous?» но брякнулъ: «Messieurs, quoique vous averti». Юноши остолбенѣли. Отецъ сталъ бранить ихъ за то, что ничего не знаютъ, даже такой бездѣлицы, что онъ обманутъ и деньги его пропали, но Иванъ Петровичъ утѣшилъ его заявленіемъ, что самъ виноватъ, обратившись къ молодымъ людямъ съ вопросомъ еще слишкомъ мудренымъ для ихъ лѣтъ. Сама бабушка говорила иногда на французскомъ языкѣ собственнаго произведенія. Объ Иванѣ Петровичѣ, какъ я уже замѣтилъ, бабушка всегда говорила съ любовью еще не угасшею, но объ его братѣ, Николаѣ Петровичѣ, она говорила съ гордостью. Николай

Петровичъ считался геніемъ исчезнувшаго рода. И дѣйствительно онъ былъ, какъ кажется, человѣкомъ вполнѣ государственнымъ. Императрица Екатерина II высоко его цѣнила какъ администратора, и нѣсколько собственноручныхъ писемъ государыни къ нему сохранялись у бабушки. Онъ занималъ поочередно должности оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ и въ Петербургѣ и намѣстника въ Твери. Объ немъ осталось слѣдующее преданіе. Въ то время, какъ онъ управлялъ полиціею въ Москвѣ, въ Петербургѣ приключилась значительная покража серебряной утвари. По розысканіямъ возникло подозрѣніе, что похищенныя вещи направлены въ Москву, о чемъ немедленно и былъ увѣдомленъ Архаровъ. Но онъ отвѣчалъ, что серебро не было вовсе привезено въ Москву и находится въ Петербургѣ, въ подвалѣ подлѣ дома оберъ-полиціймейстера. Тамъ оно и найдено.

Бабушка разсказывала тоже иногда про Архаровскій полкъ, но что она разсказывала, къ сожалѣнію, не могу припомнить. Если не ошибаюсь, шефомъ полка былъ Иванъ Петровичъ, а не Николай Петровичъ, и въ строю считалось до 4,000 человѣкъ. Но когда полкъ былъ сформированъ и когда упраздненъ, принадлежалъ ли онъ къ войскамъ регулярнымъ или къ милиціи, отчего онъ былъ Архаровскій, чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность, всѣ эти свѣдѣнія мнѣ неизвѣстны, хотя, можетъ быть, отыщутся безъ труда въ архивахъ. Достовѣрно то, что память объ архаровцахъ долго хранилась въ преданіяхъ Москвы и, быть можетъ, еще не исчезла совсѣмъ въ припоминаніяхъ нѣкоторыхъ старожиловъ.

День бабушкинъ неизмѣнно заключался игрою въ карты. Недаромъ каялась она отцу духовному. Картишки она дѣйствительно любила, и на каждый вечеръ партія была

обезпечена. Только партія лѣтняя отличалась отъ партіи зимней. Зимой избирались бостонъ, вистъ, реверсы, ломберъ, а впослѣдствіи преферансъ. Лѣтомъ игра шла лѣтняя, дачная, легкая: мушка, брелакъ, куда и насъ допускали по пятачку за ставку, что насъ сильно волновало. Въ одиннадцать часовъ вечеръ кончался. Старушка шла въ спальню, долго молилась передъ кіотомъ. Ее раздѣвали, и она засыпала сномъ ребенка. Въ постели она оставалась долго. Утромъ диктовала письма своему секретарю Аннѣ Николаевнѣ и обыкновенно въ нихъ кое-что приписывала подъ титлами своей рукою. Потомъ она принимала доклады, сводила аккуратно счеты, выдавала изъ разныхъ пакетовъ деньги, заказывала обѣдъ и по приведеніи всего въ порядокъ одѣвалась, молилась и выходила въ гостинную и въ садъ любоваться своими розами. И день шелъ, какъ шелъ вчера, какъ долженъ былъ идти завтра. Являлись и труфиньонъ, и грибы, и визиты, и гости, и угощенье, и брелакъ. Въ этой нѣсколько затхлой, старческой атмосферѣ все дышало чѣмъ-то сердечно невозмутимымъ, убѣжденно спокойнымъ. Жизнь казалась доживающимъ отрывкомъ прошедшихъ временъ, прошедшихъ нравовъ, испарявшейся идилліей быта патріархальнаго, исчезавшаго навсегда. Архарова ни въ комъ не заискивала, никого не ослѣпляла, жила, такъ сказать, въ сторонѣ отъ общественной жизни, а между тѣмъ пользовалась общимъ уваженіемъ, общимъ сочувствіемъ. И старый, и малый, и богатый, и бѣдный, и сильный, и темный являлись къ ней, и домъ ея никогда не оставался безъ посѣтителей. Особенно выдавались два дня въ году: зимой въ Петербургѣ, 24-е ноября, въ Екатерининъ день, а лѣтомъ въ Павловскѣ, 12 іюля, въ день рожденія старушки... Тутъ по недостатку помѣщенія въ комнатахъ

гости собирались въ саду и толпились по дорожкамъ, обсаженнымъ розами разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вдругъ въ саду происходило смятеніе. Къ бабушкѣ летѣлъ стрѣлой Дмитрій Степановичъ. Старушка, какъ будто пораженная событіемъ, повторявшимся, впрочемъ, каждый годъ, поспѣшно подзывала къ себѣ все свое семейство и направлялась цѣлою группою къ дверямъ сада, въ то время какъ снаружи приближалась къ ней другая группа. Впереди шествовала императрица Марія Ѳеодоровна, нѣсколько дородная, но высокая, прямая, величественная, въ шляпѣ съ перьями, оттѣнявшими ея круглое и, не смотря на годы, свѣжее, румяное и красивое лицо. Царственная поступью, привѣтливая улыбкою, она, какъ мнѣ казалось, сіяла, хотя я не зналъ, что Россія была ей обязана колоссальными учрежденіями воспитательныхъ домовъ, ломбардовъ и женскихъ институтовъ. Она держала за руку красиваго мальчика въ гусарской курточкѣ, старшаго сына великаго князя Николая Павловича, поздравляла бабушку и ласково разговаривала съ присутствовавшими. Бабушка была тронута до слезъ, благодарила за милость почтительно, даже благоговѣйно, но никогда не доходила до низкопоклонства и до забвенія самодостоинства. Говорила она прямо, открыто, откровенно. Честь была для нея, конечно, великая но совѣсть въ ней была чистая, и бояться ей было нечего. Посѣщеніе продолжалось, разумѣется, недолго. Императрицѣ подносили букетъ наскоро сорванныхъ лучшихъ розъ, и она удалялась сопровождаемая собравшеюся толпою. На другой день, бабушка ѣздила во дворецъ благодарить снова, но долго затѣмъ разсказывала поочередно всѣмъ своимъ гостямъ о чрезвычайномъ отличіи, коего она удостоилась. «Этимъ я обязана, заключала она, памяти моего покойнаго Ивана Петровича».

Молодой великій князь, державшій императрицу за руку, былъ призванъ принять впослѣдствіи многотрудный и многосвѣтлый санъ русскаго императора подъ именемъ Александра II. Онъ тоже гостилъ лѣтомъ у своей бабки вмѣстѣ съ сестрами, великими княжнами. Великія княжны жили въ Александровскомъ деревянномъ дворцѣ, примыкающемъ къ парку со стороны вольеры. Великій князь помѣщался въ кругломъ флигелѣ, нынѣ по ветхости разобранномъ. Товарищами его игръ были сперва Мердеръ, сынъ наставника его высочества, и недолго жившій Фредерици, сынъ павловскаго коменданта Фредерици, дожившаго въ Дерптѣ до глубокой старости. Впослѣдствіи прибавились Паткуль, Александръ Адлербергъ и Іосифъ Віельгорскій, скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ. Тутъ были и сошки, и ружья, и будки, и дѣтскія боевыя потѣхи, но главнымъ удовольствіемъ царственнаго ребенка была прелестная сѣрая въ яблокахъ лошадка. Живо помню, какъ онъ ѣздилъ на ней шагомъ по боковой аллеѣ проложеннаго ко дворцу широкаго пути. Лошадку велъ подъ уздцы конюхъ, а о-бокъ шла заботливая дюжая нянька. Шествіе замыкалось толпою любопытствовавшихъ. Прошло болѣе полвѣка, но покойный государь не забылъ своей лошадки. Въ послѣднюю турецкую кампанію, въ Горномъ Студенѣ, въ то время когда гудѣла плевненская канонада, его величество изволилъ за обѣдомъ въ общемъ шатрѣ ее припомнить и заявить, что она долго бережно сохранялась при Зимнемъ дворцѣ, гдѣ и издохла отъ старости.

Въ Александровскомъ дворцѣ повторялись довольно часто дѣтскіе балы, на которые братъ и я получали приглашенія. На этихъ балахъ я началъ даже отличаться нѣкоторою ловкостью въ мазуркѣ. Къ сожалѣнію, эта ловкость впослѣдствіи исчезла.

Теперь я долженъ оставить на время и Петербургъ, и Павловскъ, чтобъ разсказать объ эпизодѣ, много повліявшемъ на всю мою жизнь.

Въ 1822 году, мы ѣздили въ Симбирскую губернію, гдѣ на имя матушки было куплено значительное имѣніе въ 26,000 десятинъ, село Никольское съ деревнями. О желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ и помина тогда не было. Поѣздка наша была не поѣздка, а экспедиція. Впереди насъ торопилась бричка съ французскимъ поваромъ Tourniaire, кухонною посудою и принадлежностями для ночлега. Главный поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей. При матушкѣ находились компаньонка Марья Ивановна и горничная Александра Семеновна. Къ намъ были приставлены гувернеръ m-r Charrière и дядька нѣмецъ Иванъ Яковлевичъ. При отцѣ состоялъ молодой живописецъ, ученикъ Петербургской академіи, Борисовъ, обладавшій значительнымъ юморомъ и немалымъ талантомъ. Онъ долженъ былъ снимать виды со всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстоположеній, имѣвшихъ встрѣтиться на пути. Нѣкоторые рисунки у меня сохранились. Они изображаютъ станцію Померанье, Валдай, Симоновъ монастырь и пруды въ Москвѣ, Муромъ, ночлегъ въ селѣ нашего каравана, сельскій праздникъ, домашній спектакль, садъ въ Никольскомъ. Контрастомъ Борисову сопутствовалъ намъ старый докторъ Кельцъ, оригиналъ большой руки. Одѣтъ онъ былъ дорогой въ старомъ фракѣ и сѣрыхъ брюкахъ, вдѣтыхъ въ гусарскіе сапожки, чуть ли не по образцу князя Александра Николаевича Голицына. На головѣ онъ носилъ старую круглую шляпу и сосалъ неутомимо нѣмецкую фарфоровую трубку изъ гнутаго флексибля, свойственнаго нѣмецкимъ мастеровымъ и буршамъ. Лицо его было красное, нравъ раздражительный и брюзгливый. Борисовъ трунилъ надъ

нимъ неотвязчиво, что̀ его приводило въ бѣшенство, а насъ очень забавляло. На поляхъ рисунка, изображающаго путевую стоянку, записанъ рукою отца весь путешествовавшій персоналъ. Въ спискѣ я нахожу имена слугъ, мною совершенно позабытыхъ, а именно: Алексѣй (камердинеръ), Евлампій, Петръ, Корнило, Дмитрій (кучеръ), Поликарпъ.

Въ Москвѣ мы останавливались нѣсколько дней у Посниковыхъ, гдѣ въ нашу честь была представлена на театрѣ маріонетокъ блистательная пантомима «Персей и Андромеда». Родители наши занимались болѣе серьёзными предметами, такъ какъ Захаръ Николаевичъ Посниковъ орудовалъ покупкою симбирскаго имѣнія.

Изъ Москвы мы направились тихимъ шагомъ, по не вспаханнымъ пространствамъ, именованнымъ столбовыми дорогами, къ цѣли нашего путешествія. Вечеромъ, мы останавливались на станціяхъ или на постоялыхъ дворахъ, такъ какъ гостинницъ нигдѣ не было. Въ избѣ подавали намъ обѣдъ, уже изготовленный усердіемъ парижанина m-r Tourniaire, и раскладывали наши походныя кровати. Слухъ мой и умъ начали знакомиться съ бытомъ, съ рѣчами, съ движеніями для меня совершенно новыми. На улицахъ подымается отъ нашего прибытія страшная суматоха. Ямщики бѣгаютъ какъ угорѣлые и орутъ во все горло. Андрюха перекликается съ Петрухой, Ванька съ Степкой. Кто кричитъ про шлею, кто про совраску, кто про фонарь, кто зоветъ жребій метать. Каждый хлопочетъ и суетится, какъ будто совершаетъ Богъ знаетъ какое дѣло и, кромѣ его, на свѣтѣ никого нѣтъ. Кузнецъ катитъ на кузницу расшатавшееся колесо. Мальчишки шныряютъ и ссорятся. У крыльца нищенка-сирота проситъ Божьей милостыни. Божій человѣкъ, въ рясѣ странствующій по святымъ мѣстамъ, крестьянинъ-старецъ съ тарелкой и съ

книгой, собирающій на построеніе храма святому угоднику, шепчетъ на славянскомъ языкѣ о милосердомъ подаяніи. Старушки, съ повязанными на головѣ платками, подходятъ къ намъ, дѣтямъ, и, сами не зная почему, просятъ у насъ позволенія поцѣловать ручку, что̀ приводитъ насъ въ испугъ. На скамейкѣ сельскія дѣвушки въ шубейкахъ и сарафанахъ грызутъ арбузныя сѣмячки и ведутъ свой разговоръ. Наконецъ, въ отдаленіи толпится, опираясь на палки, группа сельскихъ стариковъ, шевелитъ бѣлыми бородами и совѣщается о томъ, что̀ обозначаетъ диковинное нашествіе.

Для меня, мальчика баловня, постепенно становилось все болѣе понятно, что, кромѣ придворнаго міра, кромѣ міра свѣтскаго и французскаго, кромѣ даже міра благодушія бабушки, былъ еще міръ другой, міръ коренно-русскій, міръ простонародный и что этому міру имя громада...

Проѣхавъ черезъ Владиміръ, съ золотыми воротами и Дмитріевскимъ соборомъ, изукрашеннымъ іероглифами, до сего времени, кажется, не разгаданными, мы повернули на Клязьму и долго тащились по глубокимъ пескамъ Муромскихъ лѣсовъ. Въ ихъ мрачномъ величіи и безмолвіи на насъ пахнуло уже Русью сказочною, легендарною, разсказами объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Тутъ я узналъ, что независимо отъ Корнелія Непота и Овидія, независимо отъ Расина и Мольера, существуетъ съ временъ незапамятныхъ своя поэзія въ преданіяхъ, источникахъ и пѣсняхъ, къ которымъ я сталъ охотно прислушиваться. Въ Муромѣ мы останавливались нѣсколько дней, потомъ направились на Арзамасъ, гдѣ снова ожидала меня неожиданность. Много видѣлъ я въ Москвѣ церквей, но въ Арзамасѣ, кромѣ церквей, ничего не видалъ. Кое-какіе домишки исчезаютъ тамъ подъ торжественнымъ давленіемъ куполовъ, колоколень и башенъ. Арзамасъ по преимуществу

городъ православія. Передъ нимъ русскому человѣку нельзя не перекреститься. Мы двинулись затѣмъ къ симбирскому Ардатову, но, не доѣзжая до этого невзрачнаго городишка, остановились въ небольшомъ помѣстьѣ старца Николая Алексѣевича Щепотьева. Бабушка считала его, какъ я уже говорилъ, своимъ близкимъ родственникомъ по первой женитьбѣ Ивана Петровича и требовала непремѣнно, чтобъ мы у него остановились. Онъ, кажется, былъ гораздо старше бабушки. Принялъ онъ насъ родственно, радушно, сердечно и баловалъ насъ, сколько могъ. Жили у него сынъ, уже въ отставкѣ, и нѣсколько зрѣлыхъ дочерей. Въ ихъ деревянномъ домикѣ ничего не было излишняго, проглядывала даже нѣкоторая бѣдность, но всего нужнаго было вдоволь. Въ бытѣ старосвѣтскаго помѣщика того времени господствовало спокойствіе библейское. Старикъ, его дѣти, его слуги, его немногіе крестьяне образовали точно одну сплошную семью при разностепенныхъ правахъ. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Отъ Ардатова до Симбирска оставалось ѣхать недолго. Въ богатомъ Потемкинскомъ имѣніи, Промзино, мы переправились черезъ Суру, знаменитую стерлядями, и по гладкой, мягкой дорогѣ скоро прибыли въ приволжскій губернскій городъ. Симбирскъ тогда не отличался и нынѣ не отличается благообразіемъ. Напротивъ того, трудно вообразить себѣ что нибудь грустнѣе и однообразнѣе его прямыхъ, широкихъ, песчаныхъ улицъ, окаймленныхъ низенькими деревянными домиками и досчатыми тротуарами. Городъ замыкается искривленною площадью, гдѣ уже показываются зданія кирпичныя. Эта мѣстность называется «Вѣнецъ», и лучше назвать ее нельзя. Подъ «Вѣнцомъ» обрывается огромный земляной утесъ, упирающійся прямо въ Волгу. Тутъ открывается панорама восхитительная. Вправо и влѣво ши-

роко волнуется рѣка-богатырь. За рѣкой разстилается въ ширь и даль степь безпредѣльная, сливающаяся съ небосклономъ. Собственно о первомъ моемъ пребыванiи въ Симбирскѣ я ничего не помню, гдѣ мы тамъ остановились, что тамъ дѣлали, кого тамъ видѣли,—рѣшительно не могу сказать. За то день переѣзда нашего изъ Симбирска въ Никольское оставилъ въ душѣ моей слѣды неизгладимые, если не по событiямъ, то по впечатлѣнiямъ. Рано утромъ поднялись мы, и насъ разсадили по мѣстнымъ тарантасикамъ, то есть по доскамъ, качавшимся на 4-хъ низкихъ колесахъ. Мы начали осторожно спускаться съ «Вѣнца», по крутымъ поворотамъ длиннаго ухабистаго и размытаго пути, проведеннаго безъ хитрости, на авось. Сзади насъ постепенно подымалась стѣна, на которой разбросанно цѣплялись бѣлыя хаты и зеленые кусты. Спереди мы торчали надъ бездной, подпрыгивая по рытвинамъ. Такъ подвигались мы медленно къ Волгѣ, и чѣмъ ближе къ ней подъѣзжали, тѣмъ шире, тѣмъ огромнѣе, тѣмъ необъятнѣе казалась она во всѣ стороны. Время стояло весеннее. Рѣка была въ разливѣ. Впрочемъ, она была даже не рѣка и не море, видѣнное нами въ Петергофѣ, а какая-то особая стихiя, по которой плыла, волновалась, усердствовала и шумѣла русская трудовая жизнь. Наконецъ, мы добрались до берега. Тутъ на узкой и грязной чертѣ прибрежья бѣсновался хаосъ. Стояли обозы съ бочками и кулями. Обозчики кричали и бранились. Бабы торговки пискливо предлагали свой товаръ. У кабачковъ толпились и раскраснѣвшiеся мужички, и отставные солдаты въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ мутными глазами, въ фуражкахъ на затылкахъ, и нищiе, и изувѣченные, и глазѣвшiе, и ребятишки, и лошади, и волы, и всякая живность. Въ колоритѣ мелькали татары въ бѣлыхъ поярковыхъ шля-

пахъ, мордвины и чуваши въ длинныхъ холщевыхъ рубахахъ, расшитыхъ разноцвѣтными гарусами, взъерошенныя цыганки съ плаксивыми, обиженными лицами. Лодочники неотвязчиво предлагали свои услуги. Толстые подрядчики и вертлявые приказчики торговались безъ устали. Все это я распредѣлилъ въ умѣ, конечно, впослѣдствіи. Тутъ я только знакомился съ общимъ очеркомъ приволжскаго быта, приступалъ къ урокамъ русской практической жизни, что̀ было поучительнѣе лучшихъ трагедій Расина. Я приглядывался и прислушивался. На берегу стоялъ живой, неумолчный стонъ, смѣшанный съ говоромъ, плескомъ и живымъ журчаніемъ рѣчного прибоя. Такъ какъ мы были путники именитые, то наши экипажи были уже доставлены особымъ паромомъ на другой берегъ. Насъ ожидала широкая, простая лодка съ сидѣніемъ, покрытымъ русскимъ крестьянскимъ ковромъ. У руля почтительно стоялъ атаманъ. Въ веслахъ сидѣли бурлаки. Мы сѣли; отецъ приказалъ плыть, но мы еще не трогались. Атаманъ снялъ шляпу, перекрестился и промолвилъ: «Снимай шапки, ребята, призывай Бога на помощь». Обнажились головы, замелькало крестное знаменіе, послышался шопотъ молитвы. Опасности никакой не предвидѣлось. Стало быть, на Руси никакое дѣло безъ молитвы начинаться не должно. «Отваливай, ребята»! — весело кликнулъ атаманъ. Весла ударили. Лодка пошла колыхаться и качаться. Дулъ свѣжій весенній вѣтеръ, но солнце сверкало, играя и отражаясь въ трепещущихъ блесткахъ рѣчныхъ волнъ.

Сзади на гребнѣ «Вѣнца» бѣлѣли церкви и гудѣлъ благовѣстъ къ обѣднѣ. По бокамъ шевелилась зыбь безконечная. Спереди тоже бурлила водяная даль, едва видимо окаймленная очертаніемъ степи. При такой картинѣ душу, особенно душу русскую, охватываетъ чувство ши-

рокости и раздолья. Береговую трескотню замѣнило молчаніе, но молчаніе не мертвое, а напротивъ того, молчаніе неугомонное, жизнью созданное. Недаромъ Волга разсѣкаетъ Русь православную на двѣ половины. Волга трудится, Волга работаетъ, Волга кормитъ. На огромныхъ пространствахъ голосъ не долетаетъ до голоса, но всюду видно движеніе. Тутъ рыбаки закинули неводъ. Тамъ по теченію несутся на парусахъ нагруженныя суда. Посреди рѣки исполинской важно останавливаются какіе-то исполинскіе корабли безъ мачтъ и снастей, но съ какими-то большими деревянными колесами на палубѣ. Впереди ихъ торопятся завозныя лодки съ длинными канатами, имѣющими завертѣться на палубномъ колесѣ. Что-жъ это такое? Это недавно изобрѣтенныя Пуа-де-Баровскія машины. Принявъ точку опоры, онѣ снова тащатся къ сѣверу, буксируя гуськомъ нагруженныя зерномъ и мукою подчалки. Такъ шествуетъ товаръ отъ юга и степи къ Макарьевской ярмаркѣ.

Поперегъ рѣки взадъ и впередъ шныряютъ паромы... Какъ ни былъ я еще молодъ, но меня обуяло какое-то особенное невѣдомое мнѣ вдохновеніе свѣжести, раздолья, жизни. Вдругъ нашъ атаманъ затянулъ протяжную, словно задумавшись, заунывную пѣснь, и въ отвѣтъ ему громко гаркнулъ съ гиканіемъ хоръ гребцовъ, забубенно, разудало, но оканчивая каждое колѣно продолжительнымъ аккордомъ, постоянно замиравшимъ и намекавшимъ уже безъ словъ на что-то дальнее, таинственное, невыразимое. При живительныхъ звукахъ въ глубинѣ моей дѣтской души дрогнула и зазвенѣла вдругъ струна новой сердечной преданности, новой сыновней любви; я понялъ, что я самъ принадлежу къ этой пѣснѣ, этой Волгѣ, этому быту, этой красотѣ, этой береговой неурядицѣ, безобразной, но

родной. Мнѣ стали понятны и грусть, и удаль русскаго чувства. Я угадалъ кровную связь свою и съ почвою, и съ населеніемъ. Счастье любви къ отечеству мнѣ становилось ясно, какъ будто солнце проглядывало изъ тумана.

Умомъ можно не признавать родины, но сердцу она само собою сказывается.

Между тѣмъ, мы приближались къ цѣли плаванія. По берегу бурлаки, навалившись всѣмъ туловищемъ на широкіе кожаные пояса, тяжело кряхтѣли и тащили вверхъ бичевою грузныя барки. На переправѣ снова стояли обозы и бранились обозчики, а поодаль стояли на пескѣ наши уже запряженные экипажи. Посреди ихъ, взгромоздившись на поклажу брички, поваръ Tourniaire съ удивленіемъ смотрѣлъ на предметы, не напоминавшіе ему ни берега Сены, ни берега Луары.

И вотъ мы снова пустились въ путь и мало-по-малу стали словно утопать въ степи. Живая картина дальняго движенія замѣнилась мертвымъ спокойствіемъ пустыни. Разстилается степь ковыльная на всѣ стороны ровно, гладко, широко и негдѣ остановить взора. Не видать ни селеній, ни лѣсовъ, ни кустика, ни одной травки выше другой. По небу ходятъ тучи. На землѣ, точно скованной въ однообразной твердынѣ, все дремлетъ и безмолвствуетъ. Жизни не видать. Шороха не слышно. Развѣ изрѣдка подымается встревоженный пернатый гигантъ, степной орелъ, беркутъ, развернетъ саженныя крылья и поплыветъ съ негодованіемъ по воздуху.

Путемъ мы встрѣтили въ первые часы только одного путника. Недалеко отъ черты, обозначающей дорогу, стояла распряженная кибитка съ холщевымъ кузовомъ. Подлѣ нея паслась лошадка. Поодаль на разостланномъ коврикѣ стоялъ на колѣняхъ татаринъ, въ суконномъ халатѣ и въ

золотой чибитейкѣ. Онъ молился, творя земные поклоны. На нашъ шумный поѣздъ онъ даже и не взглянулъ. Такихъ татаръ шныряетъ по степи немало.. Они, большею частію, приказчики богатыхъ татарскихъ купцовъ и скупаютъ въ деревняхъ шерсть, хлѣбъ, сало, барановъ. Таково занятіе прежнихъ владыкъ Русской земли. Ѣдемъ мы далѣе. Молящійся татаринъ давно уже скрылся въ дали. Снова тянется степь ковыльная, одинокая, однообразная и какъ будто какое-то тяжелое чувство неволи и безнадежности ложится на душу. Но нѣтъ. Душа привыкаетъ. Привыкая, она погружается въ настроеніе смиренное и носится въ мірѣ необыкновенности, какъ бы по твердому морю безъ волнъ и береговъ. Вотъ оно спокойствіе въ силѣ, вотъ она воплощенная необходимость, а тамъ все степи, да степи сплошь до Урала, и вдобавокъ еще за Ураломъ вся Сибирь неразверстная до Камчатки и далѣе.

Проѣхавъ верстъ около тридцати,—ихъ никто еще не мѣрилъ,—мы увидали зелень усадебъ. Вправо находилось имѣніе Бориса Петровича Тургенева. Влѣво тѣсно примыкали другъ къ другу двѣ деревеньки: Колмогоръ Татарскій и Колмогоръ Русскій. Онѣ существовали миролюбиво, не смотря на рѣзкое различіе вѣроисповѣданій. Колмогоръ Русскій былъ выселкомъ села Никольскаго, слѣдовательно, уже принадлежалъ къ пріобрѣтенному имѣнію. Нѣсколько крестьянъ вышло къ намъ навстрѣчу. Нѣсколько избенокъ торчало криво и косо у черноземной, степной нови. Мы поѣхали далѣе. До Никольскаго оставалось, гадательно, верстъ около двадцати пяти. Снова потянулась степь. Но на полъ-дорогѣ видъ мѣстности началъ уже измѣняться. На обѣ стороны запестрѣли пахатныя земли, посѣвы и всходы. Влѣво, все приближаясь, тянулась длинная цѣпь лѣсистыхъ холмовъ. Вдали дорогу

перерѣзывала куща кустовъ, обозначающихъ теченіе рѣки Черемшана, а за ними на небосклонѣ чернѣлъ принадлежавшій помѣщику Кроткову боръ. Дорога шла уже по зеленымъ выгонамъ, поперегъ которыхъ стояла сколоченная изъ плетня околица. Ворота были отворены настежъ. У въѣзда поставленъ былъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, съ завѣтнымъ хлѣбомъ и солью. У стола съ обнаженными бѣлыми лысыми головами стояли на колѣняхъ: бурмистръ, старосты и старики, вышедшіе за двѣ версты для привѣтствія новой помѣщицы.

Тутъ были и Дмитрій Ивановичъ Дегтеревъ, и Петръ Маштаковъ, и Иванъ Котомкинъ, и Разсказовъ, и Быстровъ и многіе другіе, съ которыми я впослѣдствіи познакомился и слышалъ отъ нихъ разсказы о Пугачевѣ *). Меня поразила ихъ сановитость, спокойное выраженіе ихъ лицъ, задушевная простота ихъ пріема. Они скорѣе были похожи на ареопагъ греческихъ мудрецовъ, чѣмъ на мужицкую толпу. Въ рѣчахъ ихъ постоянно повторялась одна фраза: «Вы отцы наши, а мы дѣти ваши»; это говорилось твердымъ голосомъ, и ничего низкопоклоннаго, рабскаго при этомъ не выказывалось. А между тѣмъ, они стояли на колѣняхъ и прогулялись на старыхъ ногахъ болѣе четырехъ верстъ для того, чтобы привѣтствовать новыхъ помѣщиковъ.

Много есть теперь людей, воображающихъ, что во вре-

---

*) Кстати о Пугачевѣ; мнѣ пришлось однажды услыхать проѣздомъ въ Новочеркасскѣ отъ одного казака-старожила слѣдующее весьма курьезное замѣчаніе. Говоря о посѣщеніи государемъ, тогда наслѣдникомъ, въ 1852-мъ году, Донской области и Кавказскаго края, онъ наивно присовокупилъ: «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи, вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы видали царя Петра III-го (Пугачева?), мы больше царей не видали у себя!» Это доказываетъ, какъ еще смутно въ народѣ того края мнѣніе о самозванцѣ.

мена крѣпостного права, когда помѣщики встрѣчались съ своими крестьянами, то они тотчасъ начинали сѣчь крестьянъ и крестьяне издыхали въ мученіяхъ. Конечно, отъ меня далека мысль написать элегію объ утратѣ крѣпостного права,—изображать о немъ идилліи смѣшно и ложно,—но зачѣмъ же не сказать правды, зачѣмъ не вывести изъ видѣннаго, слышаннаго, испытаннаго, что, помимо ужасающихъ злоупотребленій, бывшій порядокъ вещей поддерживалъ между помѣщиками и крестьянами близкую, такъ сказать, родственную связь.

На большой сельской площади у прекрасной каменной церкви дожидалась насъ другая встрѣча: старикъ священникъ въ облаченіи стоялъ съ крестомъ въ рукахъ на паперти. Колокола трезвонили. Густая масса пестраго мѣстнаго населенія, стоя на колѣняхъ, покрывала почти всю площадь. Мужики безъ шапокъ молчали, бабы всхлипывали, дѣти пищали. Вдругъ послышались возгласы: «Въ добрый часъ, архангельскій, мы вашей милостью довольны, добро пожаловать!» Приложившись къ мѣстнымъ образамъ, мы перешли къ близь лежащему господскому дому. За нами толпа повалила на господскій дворъ. Каждый несъ въ рукахъ какое нибудь приношеніе отъ своего усердія. Иной держитъ въ рукахъ индѣйку, или «курушу», по мѣстному выраженію, другой гуся или утку, кто тарелку съ медомъ, кто тарелку съ яйцами; женщины подносили расшитыя полотенцы. Еле живыя старушки подступали ко мнѣ и къ брату, протягивая пряники... «Возьми, касатикъ, возьми, красавчикъ—Господь привелъ взглянуть на васъ!» Изліяніямъ не было бы конца, если бы управляющій Василій Ильичъ Григоровичъ не крикнулъ, что пора намъ дать съ дороги отдохнуть. Толпа медленно разошлась, а мы начали осматривать нашу новую осѣдлость.

III.

Никольское. — Горнозаводчикъ Твердышевъ. — Н. И. Дурасовъ. — В. И. Григоровичъ. — Декабристъ Ивашевъ и Камилла Ledentu. — Докторъ Кельцъ. — Исторія семейства Кротковыхъ. — Праздникъ въ Никольскомъ. — Перемѣна въ образѣ жизни отца. — А. Л. Нарышкинъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — С. А. Еропкина. — П. С. Яковлевъ. — Дядя графъ Л. И. Сологубъ и его семья. — Князь А. М. Горчаковъ. — Князь Г. С. Голицынъ. — Семейство Шуазель-Гуффье. — Князь Сергѣй (Θирсъ) Голицынъ и его чудачества. — 14 декабря 1825 года. — Императоръ Николай Павловичъ. — Мое поступленіе въ Дерптскій университетъ. — Образъ жизни русскихъ студентовъ. — Семейство Золотаревыхъ. — Знакомство съ Гоголемъ и Пушкинымъ. — Окончаніе курса въ Дерптскомъ университетѣ и возвращеніе въ Петербургъ. — Прискорбное недоразумѣніе съ М. Е. Салтыковымъ (Щедринымъ).

Домъ въ Никольскомъ былъ огромный и построенъ на вѣка—изъ кирпича и желѣза. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и четырехъ флигелей по угламъ. Передъ главнымъ фасадомъ, обращеннымъ къ красивой рѣкѣ Черемшану, располагался за желѣзной рѣшеткой цвѣтникъ, безъ цвѣтовъ. Съ другой стороны у противоположнаго фасада устроенъ былъ въѣзжій дворъ съ окружающимъ его каменнымъ заборомъ. За заборомъ тянулся на нѣсколько десятинъ огромный садъ — паркъ, раздѣляющій село на двѣ половины. Въ саду находились значительныя каменныя теплицы, но за то не было ни веселой расти-

тельности, ни зеленыхъ лужаекъ, ни вѣковыхъ деревьевъ, ни живописныхъ видовъ; садъ былъ желтоватый, суровый, скучный, точно всегда отцвѣтающій. Вотъ что было тому причиною. Русло Черемшана песчано до безобразія, на берегахъ его лежатъ большія пространства сыпучаго песку, напоминающія африканскую Сахару; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра песокъ вздымается и носится по воздуху тучами, не допуская ни свѣжести, ни свободы произростанія. Мысль основать тутъ сады при огромной усадьбѣ была практическою нелѣпостью, но она возникла слѣдующимъ образомъ. Никольскимъ долгое время владѣлъ извѣстный въ свое время горнозаводскій промышленникъ милліонеръ Твердышевъ. Отъ него пошли богатства Казицкихъ (княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская и графиня Лаваль), Пашковыхъ, Дурасовыхъ. Твердышевъ владѣлъ и Никольскимъ и окружающими его вотчинами. Въ пунктѣ центральномъ онъ воздвигнулъ цѣнную усадьбу, причемъ вальяжность и обширность имѣлись несравненно болѣе въ виду, чѣмъ уютность и красота. Церковь, хоромы съ флигелями, манежъ и конный заводъ возникли каменные съ желѣзными связями, выписанными изъ уральскихъ собственныхъ заводовъ.

Главная осѣдлость приняла основаніемъ рѣку, не смотря на неудобство ея береговъ. Все приняло размѣры купеческаго широкаго распоряженія. Громадный лѣсъ, чуть не въ 10,000 десятинъ, остался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дома, рига и гумно отбросились версты на полторы. Къ амбарамъ надо было ѣхать на лошадяхъ; то, что въ другихъ имѣніяхъ отдѣляется саженями, тутъ отдѣлялось верстами. Я оттого такъ подробно описываю Никольское, что я имъ отъ матушки наслѣдовалъ, и оно безсмысленнымъ, неудобнымъ расположеніемъ, своею несимпа-

тичностью, много повліяло на мою судьбу. Впрочемъ, самъ Твердышевъ, какъ кажется, никогда не жилъ въ Никольскомъ и врядъ ли даже когда нибудь бывалъ въ немъ. Туда изрѣдка наѣзжалъ его преемникъ, Николай Алексѣевичъ Дурасовъ, человѣкъ тоже весьма богатый и чрезвычайно хлѣбосольный. Въ Москвѣ долго славилась его баснословная стерляжья уха, подаваемая въ честь «голубенькихъ» и «красненькихъ», то есть въ честь Андреевскихъ и Александровскихъ кавалеровъ. Въ Никольскомъ въ то время были еще другія затѣи, свой доморощенный театръ, своя доморощенная музыка. Къ Дурасову съѣзжалось дворянство трехъ губерній, и онъ устраивалъ пиры уже съ черемшанскими стерлядями, давно теперь разбѣжавшимися отъ устройства мельницы. Послѣ Дурасова Никольское перешло въ руки братьевъ Обрѣзковыхъ, отъ которыхъ оно и было пріобрѣтено на имя матушки черезъ посредничество Захара Николаевича Посникова. Нашъ управляющій Василій Ильичъ Григоровичъ былъ, что называется, мастеръ своего дѣла; я поговорю о немъ подробно, потому что онъ родитель Дмитрія Васильевича Григоровича, составившаго себѣ громкую извѣстность и на литературномъ, и на художественномъ поприщѣ. Василій Ильичъ былъ человѣкъ очень типическій, своеобразный.

Онъ былъ не великъ ростомъ, сухопарый, крѣпко сложенный, гладко выбритый и подстриженный; во всей его фигурѣ проглядывалъ отставной кавалеристъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Здоровья онъ былъ изумительнаго и дѣятельности необычайной.

Едва займется заря, ужъ онъ на конѣ скачетъ на работы, приказываетъ, распоряжается, журитъ. Крестьяне его побаивались, но обращались къ нему за совѣтами по своему собственному хозяйству, что̀ для крестьянскаго

упрямаго самолюбія образуетъ высшую степень уваженія. Живо помню, какъ вечеромъ Василій Ильичъ въ сѣромъ застегнутомъ по военному сюртукѣ приходилъ въ кабинетъ отца бесѣдовать о хозяйствѣ. Говорилъ онъ отрывисто и дѣльно. Родомъ онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, долго служилъ въ кавалеріи, дослужился до чина полковника и вышелъ въ отставку по непреодолимой страсти къ сельскому хозяйству; онъ любилъ агрономію, какъ музыкантъ любитъ музыку и живописецъ живопись. Женатъ былъ Василій Ильичъ на Сидоніи Петровнѣ Ledentu, дочери почтенной Madame Ledentu, воспитательницы дочерей богатаго симбирскаго помѣщика генерала Ивашева. Ростомъ Сидонія Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сгорбленно, но лицо имѣла очень пріятное и умное; мы ее, какъ и мужа ея, очень любили. Во время нашего пребыванія въ Никольскомъ, къ Сидоніи Петровнѣ пріѣзжала ея младшая сестра, Камилла Петровна, прелестная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, призванная, увы! къ очень романической и очень печальной судьбѣ. Я сказалъ выше, что г-жа Ledentu воспитывала дочерей генерала Ивашева. Единственный сынъ Ивашевыхъ, служившій въ Петербургѣ, навѣщалъ своихъ родныхъ въ деревнѣ; онъ влюбился въ Камиллу Петровну, но старики на этотъ бракъ не согласились; такъ прошло около года. Вдругъ на Ивашевыхъ обрушился ударъ громовый: молодой человѣкъ оказался участникомъ въ заговорѣ 14-го декабря; судъ приговорилъ его въ ссылку на каторгу. Тогда Камилла Петровна заявила, что она готова за нимъ слѣдовать. Старушка мать отвезла ее въ Сибирь, гдѣ и состоялась ихъ свадьба. Оба умерли въ Сибири, оставивъ трехъ дѣтей, которыя впослѣдствіи возвратились въ Россію.

Въ Никольскомъ, во время управленія Василія Ильича,

царствовало благоустройство, составившее даже эпоху въ исторіи имѣнія, но не было, какъ во многихъ тогда помѣстьяхъ, ни школъ, ни больницъ. Добрѣйшій отецъ мой особенно огорчался этимъ послѣднимъ и рѣшилъ немедленно этому горю помочь. Для больницы былъ очищенъ деревянный удобный домъ, служившій до того времени вотчинной конторой. Контора же перенеслась къ Черемшану, въ одинъ изъ флигелей господскаго дома. Больница распредѣлилась на двѣ половины—мужскую и женскую, по срединѣ возникла аптека съ должными принадлежностями. Изъ Симбирска выписаны были кровати и вся нужная утварь. Устройствомъ больницы орудовалъ нашъ домашній докторъ Кельцъ. Скоро все пришло въ надлежащій порядокъ. Больницу освятили и привезли перваго больного. При этомъ приключилось забавное обстоятельство, характеризующее тогдашніе нравы. Первый больной рѣшительно не понималъ, что̀ хотятъ съ нимъ дѣлать, сталъ чего-то страшиться и тосковать. Когда мой отецъ посѣтилъ его, онъ вскочилъ съ кровати на полъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшка, ваше сіятельство, завопилъ онъ: будьте отцомъ роднымъ, прикажите за себя вѣчно Бога молить! Позвольте меня домой отправить, человѣкъ я женатый, хозяйка моя горюетъ, ребятишки мои плачутъ. А я на свое мѣсто пришлю меньшаго брата, парень онъ еще холостой, здоровый!

Должно предполагать, что этотъ диковинный больной видѣлъ въ больницѣ новый видъ барщины. Другой случай оказался уже не забавный, а отвратительный, и не по невѣжеству мужика, а по безчеловѣчности просвѣщеннаго врача. Привезли еще другого больного съ сильнымъ воспаленіемъ на ногѣ. Осмотрѣвъ его, отецъ спросилъ Кельца:

— Не поставить ли больному піявки?

— Непремѣнно поставить,— отвѣтилъ докторъ.

На другой день отецъ вернулся и съ досадой замѣтилъ, что больному гораздо хуже и что нога его страшно распухла. На вопросъ—ставили ли ему піявки?—онъ отвѣтилъ, «что одна приходила, немного покусала и ушла прочь». Оказалось, что изъ разумной экономіи не піявки были принесены къ больному, а больной былъ посланъ къ піявкамъ, то есть въ рѣку, гдѣ онъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ въ водѣ и піявкамъ не понравился.

Послѣдствіемъ такого дешеваго способа леченія было изгнаніе доктора Кельца изъ Никольскаго. Онъ исчезъ съ своимъ сѣрымъ фракомъ и гусарскими сапожками, и я никогда болѣе о немъ не слыхивалъ; его замѣнилъ при матушкѣ другой врачъ, имени котораго не припомню.

Между тѣмъ знакомство съ ближайшими сосѣдями установилось. Симбирская губернія была въ то время— губернія преимущественно дворянская. Отдаленность отъ Москвы при первобытности путей сообщенія была причиной, что богатые помѣщики лѣтомъ проживали въ своихъ имѣніяхъ, а на зиму переселялись съ семьями въ губернскій городъ, то есть Симбирскъ. Дворянство симбирское считалось образованнымъ, вліятельнымъ и богатымъ. Здѣсь я услыхалъ впервые имена Ивашевыхъ, Тургеневыхъ, Ермоловыхъ, Бестужевыхъ, Столыпиныхъ, Кротковыхъ, Киндяковыхъ, Татариновыхъ, Родіоновыхъ и многихъ другихъ. Между ними были люди замѣчательно просвѣщенные, но и встрѣчались также оригиналы, или, скорѣе, самодуры большой руки.

Сосѣдъ нашъ Дмитрій Степановичъ Кротковъ принадлежалъ ко второму разряду, то есть самодуровъ, и въ домѣ его происходили разныя безобразія. Онъ былъ чело-

вѣкомъ уже преклонныхъ лѣтъ, старшимъ братомъ Степана Степановича и Ивана Степановича, какъ и онъ самъ, богатыхъ симбирскихъ помѣщиковъ. Дмитрій Степановичъ слылъ хорошимъ хозяиномъ и былъ по природѣ человѣкомъ не дурнымъ, семейнымъ, чадолюбивымъ, хлѣбосольнымъ, но оборотная сторона медали была отвратительная. Имѣніе его Городище отстояло отъ Никольскаго всего въ двухъ верстахъ и представляло для помѣщичьей усадьбы несравненно болѣе удобства, чѣмъ наше помѣстье. Домъ, хотя и деревянный, стоялъ весело на холмѣ, его окружала почва растительная, твердая. Вблизи зеленѣла роща съ пчельниками, сзади темнѣлъ боръ; внизу извилисто текла рѣчка Черемшанъ. На дворѣ торчали кривые сѣрые амбары, лаяли гончія собаки, суетились съ бѣльемъ прачки, шлепали истоптанными башмаками комнатныя дѣвушки и въ числѣ ихъ самоварщица, исключительно приставленная къ самовару. Весь обиходъ скорѣе походилъ на цыганскій таборъ, чѣмъ на господскій дворъ. Въ домѣ, направо отъ прихожей, располагалась половина барина. Въ первой комнатѣ, сколько мнѣ помнится безъ мебели, шевелилась на полу какая-то уродливая масса, безобразная, страшная... Это лежала въ убогихъ отрепьяхъ, едва прикрывающихъ ея голыя ноги, старая, грязная, смуглая, широколицая, сумасшедшая калмычка Степка. Подлѣ нея на полу стоялъ ушатъ съ квасомъ. Какъ пойманный хищный звѣрь, она водила вокругъ комнаты озлобленными глазами, что-то бѣшено мурлыкала и поминутно встряхивала нечесанными и еще черными какъ смола волосами, висѣвшими клочьями вокругъ ея огромной головы. Около нея егозила и подпрыгивала другая дура Аришка съ бѣльмомъ на глазу и въ чепчикѣ, украшенномъ вербными цвѣточками. Грязное ея платье отличалось претензіями

на щегольство и моду. Она болтала безъ умолку, перемѣшивая французскія слова съ русскими площадными. Была еще третья дура, имени которой не припомню, и два дурака. Днемъ они служили потѣхою, а ночью несли службу нелегкую. Отъ безпрерывнаго своего возбужденія спиртными напитками баринъ могъ спать только урывками, безпрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидѣли дураки и дуры съ обязанностью говорить, шумѣть, ссориться и даже драться между собою; тутъ же сидѣлъ и кучеръ съ арапникомъ. Какъ только отъ усталости и дремоты шумъ утихалъ, кучеръ долженъ былъ «поощрять» задремавшихъ арапникомъ, — гвалтъ начинался снова, и баринъ опять засыпалъ. Таковы бывали барскія ночи.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Кротковымъ, забѣгу впередъ и передамъ еще о нѣкоторыхъ случаяхъ, приключившихся впослѣдствіи. Дмитрію Степановичу принадлежало еще другое богатое помѣстье «Шигоны», на горной сторонѣ Черемшана; тутъ онъ выстроилъ великолѣпную каменную церковь. Обошлась она весьма дорого. Освященіе церкви воспослѣдовало торжественное, но хозяина, какъ разсказывали, привели подъ руки и на самое короткое время. Затѣмъ онъ въ Городище болѣе не возвращался, а жилъ или въ Шигонахъ, или въ Симбирскѣ, въ собственномъ домѣ. Управленіе Городищемъ онъ передалъ своему старшему сыну, Михаилу, неглупому и даже недурному малому, но, къ сожалѣнію, наслѣдовавшему слабости и привычки отца. Я въ то время, по желанію матушки, часто наѣзжалъ въ Никольское; это было, сколько я припоминаю, въ 1836-мъ году. Онъ затѣялъ съ нами тяжбу и для разрѣшенія оной предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Шигоны въ его экипажѣ. Я согласился, и ничего не видѣлъ возмутительнѣе этой поѣздки.

Ѣхали мы въ тарантасѣ, степью, и, къ счастью, никого не повстрѣчали, а то я бы умеръ со стыда. Съ нами сидѣли казачокъ съ фляжкой и кисетомъ черезъ плечо и нѣмой рослый дуракъ въ длинномъ балахонѣ сѣраго солдатскаго сукна; на капюшонѣ балахона торчали большіе сѣрые же суконные рога, а на спинѣ было грубо вышито краснымъ сукномъ слово «дуракъ». Михаилъ Дмитріевичъ во время пути то и дѣло командовалъ казачку: «въ зубы!» — это обозначало набить и подать ему трубку. Онъ то и дѣло также требовалъ водки, причемъ казачокъ наливалъ и подавалъ серебряную чарку. Михаилъ Дмитріевичъ чарки не выпивалъ до дна и остаткомъ водки брызгалъ дураку въ лицо, и тѣшился потомъ его гримасами. Когда же мы переправлялись черезъ Волгу и уже причаливали къ берегу, гребцамъ онъ отдалъ приказаніе бросить дурака въ воду. Я пришелъ въ негодованіе, — дѣло было въ исходѣ сентября, — но приказаніе, все-таки, было исполнено. Дуракъ барахтался, мычалъ, перепугался до полусмерти; когда его вытащили, онъ совсѣмъ было окоченѣлъ. Михаилъ Дмитріевичъ много этому смѣялся, смѣялись и гребцы.

Съ тѣхъ поръ я Михаила Дмитріевича болѣе не видѣлъ; не по силамъ ему было подражать отцу; онъ занемогъ горловою чахоткою и умеръ въ Симбирскѣ. При этомъ произошелъ случай знаменательный: когда его положили въ гробъ, то старика Кроткова привели проститься къ тѣлу сына; онъ зарыдалъ и громко воскликнулъ: «Миша, Миша, встань, Миша! Пойдемъ, выпьемъ!» Нѣтъ юмористическаго писателя въ мірѣ, который осмѣлился бы придумать подобный драматическій эффектъ.

Кротковская легенда окончилась самымъ трагическимъ образомъ. Шигоны поступили во владѣніе третьяго сына, Дмитрія Степановича. Крестьяне взбунтовались, сожгли

господскую усадьбу и бросили молодого помѣщика въ пламя! Само собою разумѣется, что, по прибытіи моихъ родителей въ Никольское, не могло бы установиться между ними и городищенскимъ помѣщикомъ дружественныхъ отношеній, если бы въ его домѣ не было другого совершенно противорѣчащаго ему элемента. Женская половина его семейства была европейски образованная и, на сколько было возможно, скрывала безобразный образъ жизни главы семейства. Супруга Дмитрія Степановича, Марья Ѳедоровна, не разъ бывала въ Петербургѣ и Москвѣ.

Уже въ лѣтахъ немолодыхъ, она сохранила остатки красоты, выписывала наряды съ Кузнецкаго моста изъ Москвы, выказывала нѣкоторую свѣтскость и любила, чтобы у нея веселились. Хотя и говорили, что при ней состояла тоже собственная дура, но это, видимо, допускалось «келейно», только въ угоду старинѣ, при свидѣтеляхъ же сохранялось тонкое приличіе, и городищенскіе съѣзды отличались радушіемъ, хлѣбосольствомъ и тономъ хорошаго общества. Тому много способствовало присутствіе въ домѣ замѣчательно умной, живой и образованной гувернантки француженки Mademoiselle Jeny, дѣвушки уже немолодой. Ея руководству поручалось воспитаніе трехъ дочерей Кротковыхъ: Александры, Елизаветы и Софіи.

Александрѣ Дмитріевнѣ минулъ въ то время семнадцатый годъ; она восхищала стройностью уже развитаго стана и миловидностью свѣжаго личика; когда впослѣдствіи я ее увидѣлъ снова, я ее ужъ не могъ узнать. Она вышла замужъ за А. В. Бестужева и, послѣ учащенныхъ родовъ, страшно растолстѣла. Вообще, въ то время деревенская халатная жизнь помѣщиковъ чрезвычайно содѣйствовала скорому утучненію прекраснаго пола; дворянки не уступали въ вѣсѣ купчихамъ. Другая сестра, Елиза-

вета Дмитріевна, не отличалась здоровьемъ, и вскорѣ послѣ замужества съ П. С. Мельгуновымъ угасла еще въ очень молодыхъ лѣтахъ. Софья же Дмитріевна, въ дѣтствѣ тщедушная, обратилась въ роскошный типъ русской матроны, вышла замужъ за М. П. Татищева, тоже обзавелась семействомъ немалочисленнымъ и впослѣдствіи долго жила по зимамъ въ Москвѣ. Для брата и меня ничто не могло быть пріятнѣе общества двухъ меньшихъ сестеръ Кротковыхъ, почти намъ ровесницъ.

Знакомство завязалось самое дружеское—видались мы почти каждый день; по воскресеньямъ у Кротковыхъ устроивались танцы, домъ дрожалъ отъ кадрилей, вальсовъ, мазурокъ; я въ особенности отличался въ гроссъ-фатерѣ, стучалъ каблуками, билъ въ ладоши, доходилъ до изступленія; мой братъ былъ всегда несравненно сдержаннѣе, но тоже сильно веселился. По вечерамъ старикъ Дмитрій Степановичъ не показывался; онъ тѣшился, какъ я описалъ выше, со своими дураками и дурами. Въ то время къ Кротковымъ пріѣзжали ихъ старшіе сыновья — Михаилъ, о которомъ я уже упоминалъ, и Николай. Оба служили въ армейской кавалеріи юнкерами; Михаилъ держалъ себя еще пристойно, а Николай былъ даже серьёзенъ, читалъ хорошія книги и нѣсколько философствовалъ; Гегель начиналъ тогда входить въ моду.

Между тѣмъ, отецъ мой не захотѣлъ отстать въ гостепріимствѣ и затѣялъ устроить въ Никольскомъ домашній спектакль.

Живописецъ Борисовъ оказалъ при этомъ чудеса; въ короткое время возникъ очень хорошенькій театръ съ декораціями, занавѣсью и всѣми нужными принадлежностями. Нашъ наставникъ Шарьеръ, всегда любившій блеснуть знаніемъ древней исторіи и классическихъ языковъ,

присвоивалъ греческія именованія разнымъ мѣстамъ, пріуроченнымъ къ Никольскому. Такъ одинъ оврагъ онъ прозвалъ «Сижé», рощу онъ наименовалъ «Каллироэ»; Борисовъ этимъ воспользовался. По двумъ сторонамъ театральнаго портала, онъ изобразилъ двѣ статуи—одну съ подписью «Сижé», другую съ подписью «Каллироэ», что̀ возбудило общій хохотъ. Спектакль удался великолѣпно. Отецъ игралъ и пѣлъ превосходно. Отличалась и гувернантка Кротковыхъ m-lle Jeny, и старшая ихъ дочь Александра Дмитріевна. Исполнялась, во-первыхъ, сколько мнѣ помнится, пьеска Скриба «Ida» и еще двѣ другія.

17-го сентября, отецъ задалъ другой пиръ. Между церковью и господскимъ домомъ разставлены были столы для угощенія крестьянъ. Подъ балкономъ гремѣла выписанная полковая музыка. Изъ уѣзднаго города Ставрополя прибылъ съ офицерами полковникъ донского казачьяго квартировавшаго тамъ полка. Съѣхалось все сосѣдство, праздникъ вышелъ блистательный. Даже крестьянки—и тѣ принарядились для этого празднества, и на сохранившихся у меня рисункахъ Борисова, изображающихъ праздникъ, я вижу расшитые золотомъ кокошники и яркіе сарафаны. Крестьянки еще въ тѣ времена строго придерживались національнаго убора; впослѣдствіи, въ самомъ Никольскомъ, въ церкви, мнѣ случилось увидать жену зажиточнаго мужика въ розовомъ кисейномъ платьѣ и въ кринолинѣ. Празднованіе 17-го сентября было послѣднимъ днемъ пышности моего отца. Съ того дня онъ вдругъ измѣнилъ привычки своего широкаго барства. Онъ сдѣлалъ то, что немногіе сдѣлали въ Россіи; онъ остановился на краю окончательнаго разоренія. Онъ имѣлъ твердость отказаться отъ фамильныхъ преданій, отъ личныхъ глубоко вкорененныхъ привычекъ. Никто такъ скоро, такъ

равнодушно и такъ безтолково не разоряется, какъ русскій человѣкъ. На моемъ вѣку я зналъ владѣтелей огромныхъ помѣстій, вельможныхъ дворцовъ, переполненныхъ сокровищами; я присутствовалъ на ихъ ослѣпительныхъ празднествахъ, изумляясь ихъ богатствамъ, и тѣхъ же самыхъ людей видѣлъ черезъ короткое время безъ пристанища, въ рубищахъ, чуть не просившихъ милостыни, чтобы не умереть съ голода. Таковы примѣры Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, барона Крюднера, Похвистнева и многихъ, многихъ другихъ. И даже тѣ, которые не разоряются, почти постоянно, не смотря на ихъ громадныя состоянія, нуждаются въ деньгахъ. Я много, въ первой молодости, слыхалъ отъ матушки разсказовъ о тароватости родного дяди моего отца, Александра Львовича Нарышкина, но, чтобы дать понятіе, во что обходилась ему эта тароватость, приведу къ примѣру слѣдующій случай. Праздникъ, устроенный имъ на его дачѣ по Петергофской дорогѣ, праздникъ, описанный въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того времени, былъ чудомъ великолѣпія. Государь Александръ I, присутствовавшій на этомъ праздникѣ, полюбопытствовалъ узнать, во что̀ онъ обошелся.

— Ваше величество, въ 36,000 рублей,—отвѣтилъ Нарышкинъ.

— Неужели не болѣе?—съ удивленіемъ отозвался государь.

— Ваше величество,—замѣтилъ Нарышкинъ:—я заплатилъ только 36,000 рублей за гербовую бумагу подписанныхъ мною векселей!

Мнѣ говорили,—не знаю, насколько это вѣрно,—что нѣсколько времени спустя императоръ прислалъ Нарышкину альбомъ, или, скорѣе, книгу, въ которую вплетены

были 100,000 рублей ассигнаціями. Нарышкинъ, всегда славившійся своимъ остроуміемъ и находчивостью, поручилъ передать императору свою глубочайшую признательность и присовокупилъ: «что сочиненіе очень интересное и желательно бы получить продолженіе». Говорятъ, государь и вторично прислалъ такую же книгу съ вплетенными въ нее ста тысячами, но приказалъ прибавить, что «изданіе окончено».

Впрочемъ, Александръ Львовичъ не разорился, и хотя сильно разстроилъ свои дѣла, всетаки, оставилъ своимъ сыновьямъ Кириллу и Льву Александровичамъ большое богатство. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о нашемъ имуществѣ; отъ громаднаго Сологубовскаго состоянія уцѣлѣла только сумма, на которую пріобрѣтено было Никольское. Дядя мой графъ Левъ Ивановичъ Сологубъ управлялъ общимъ съ братомъ — моимъ отцомъ — послѣднимъ оставшимся у нихъ имѣніемъ, впрочемъ, еще значительнымъ, и состоявшимъ изъ 17,000 душъ, пріуроченныхъ къ извѣстному мѣстечку «Горы-Горки», въ Могилевской губерніи. Онъ пожелалъ откупить долю отца, но такъ какъ имѣніе было уже заложено, то дополнительная отъ казны ссуда могла быть выдана только съ соизволенія самого императора. Таковое соизволеніе воспослѣдовало, и, какъ я уже говорилъ, Никольское было куплено на имя матушки. Вотъ почему, со дня возвращенія нашего изъ деревни въ Петербургъ, нашъ образъ жизни совершенно измѣнился. Пріемы, обѣды, выѣзды прекратились и замѣнились тѣснымъ кругомъ семейной жизни. Домъ на набережной былъ проданъ. Васильчиковы же купили домъ на Большой Морской, такъ какъ ихъ состояніе увеличилось вслѣдствіе наслѣдства, полученнаго послѣ кончины графа Разумовскаго. Въ этотъ домъ они и пере-

ѣхали, а мы ихъ замѣнили въ общемъ помѣщеніи съ бабушкой Архаровой, для чего былъ нанятъ на Моховой пространный бель-этажъ дома Мальцова. Удобства здѣсь было много: прекрасная домовая церковь, обширный садъ, въ которомъ мы играли съ дѣтьми сосѣдей Мартыновыхъ. Въ квартирѣ, между прочимъ, была и теплица для тропическихъ растеній, но тропическихъ растеній у бабушки не оказалось; купить ихъ старушка, всегда разсчетливая, не захотѣла, а съ свойственнымъ ей добродушіемъ замѣтила своимъ знакомымъ, что они могли бы каждый поднести ей по «горшечку» зелени на новоселье. На другой же день оранжерея обратилась въ цвѣтущій садъ.

Во времена пребыванія нашего въ Мальцовскомъ домѣ, я припоминаю нѣсколько оригинальныхъ личностей.

Во-первыхъ, помню старую дѣву, Софью Алексѣевну Еропкину, монументальную старуху, лѣтъ семидесяти. Она отличалась тѣмъ, что гнушалась экипажей и во всякую погоду двигалась пѣшкомъ. Шляпокъ она тоже не допускала и ходила по улицамъ въ чепчикѣ, съ огромнымъ бантомъ на самомъ темени; зимой, поверхъ чепца она надѣвала шерстяной вязанный платокъ. Подъ оборками чепца располагались симметрично взбитыя и бѣлыя какъ лунь букли; лицо Софьи Алексѣевны, не смотря на ея лѣта, было еще свѣжее, румяное, съ правильнымъ носомъ и обликомъ бурбоновскаго типа. Въ молодости она слыла красавицей, когда же мы ее знали, голова ея тряслась безостановочно, но ходила она еще бодро, опираясь на высокій костыль. Бывало, бабушка еще разъѣзжаетъ въ своемъ знаменитомъ рыдванѣ по городу, а Еропкина уже благовременно и величественно приплелась къ обѣду. Сидитъ она одна у стола въ гостиной и еще бойко вяжетъ шерстяной чулокъ, всегда что-то припоминаетъ и сама съ

собою разговариваетъ. О дѣятеляхъ великаго екатерининскаго времени она говорила какъ о людяхъ, съ которыми встрѣчалась вчера. Бывало, зайдетъ въ то время рѣчь о видныхъ и модныхъ тогда молодыхъ людяхъ: о Строгановыхъ (братья Сергѣй и Александръ Строгановы), Шуваловыхъ, Горчаковѣ, Пушкинѣ и другихъ, Софья Алексѣевна молча слушаетъ, потомъ вдругъ крикнетъ своимъ басомъ:

— Нѣтъ, ужъ не говорите, противъ «нашего свѣтлѣйшаго» всѣ они дрянь!

Ей отвѣчаютъ, что князь Потемкинъ давно умеръ, а она смотритъ недовѣрчиво, точно не вѣря, что такой человѣкъ, какъ онъ, могъ умереть!

Въ самые цвѣтущіе дни своей молодости и во время силы и славы Потемкина, она была ему представлена на какомъ-то празднествѣ въ Москвѣ, и онъ произвелъ на нее неизгладимое впечатлѣніе на всю ея жизнь. А то бывало сидитъ Еропкина тихо и вдругъ ударитъ кулакомъ объ столъ и закричитъ:

— Боже мой! какъ эта свадьба толго тянулась!

— Чья свадьба, Софья Алексѣевна?—спросятъ у нея.

— Да вотъ Марковой Анны Ивановны, что̀ наверху живетъ,—отвѣтитъ Еропкина.

Маркова эта была тоже старушка лѣтъ подъ восемьдесятъ и такая притомъ ветхая, что не только о своей свадьбѣ, но и обо всемъ остальномъ на свѣтѣ, казалось, давно перезабыла. Главнымъ и любимѣйшимъ нашимъ развлеченіемъ бывали обѣды, даваемые въ то время другой старушкой, тоже пріятельницей бабушки, графиней Апраксиной. Сколько мнѣ помнится, ихъ было двѣ сестры, обѣ суетливыя, неугомонныя, вѣчно жалующіяся на судьбу. Бывало, пригласятъ насъ двухъ съ братомъ, гувернера,

приживалокъ бабушки и еще двухъ кого нибудь обѣдать. Подадутъ обѣдъ прекрасный; хозяйка въ концѣ обѣда спроситъ, хорошо ли угощеніе? Мы всѣ станемъ разсыпаться въ похвалахъ; вдругъ Апраксина разрыдается и заголоситъ:

— Да, вотъ обѣдъ хорошъ, а представьте—заплатить за него нечѣмъ, нечѣмъ.

Этотъ эпизодъ повторялся почти за каждымъ обѣдомъ. Помню также хорошо небольшого, очень чистенькаго старичка, большого пріятеля бабушки, Платона Степановича Яковлева; родомъ онъ, кажется, былъ москвичъ, любилъ острить и выражаться собственнымъ языкомъ.

— Какова погода?—спроситъ его бабушка.

— Да нехорошо,—отвѣтитъ онъ:—совсѣмъ что-то размокропогодилось.

— А что же ты такъ давно не былъ?—опять спроситъ его бабушка.

— Служба одолѣла, Екатерина Александровна.

Онъ служилъ подъ главнымъ начальствомъ всесильнаго тогда графа Аракчеева.

— У насъ новый приказъ отданъ, что каждый усердный чиновникъ долженъ заниматься служебными обязанностями, по крайней мѣрѣ, 24 часа въ день, а кто можетъ—тотъ и болѣе!

Платонъ Степановичъ былъ любимый партнеръ бабушки для карточной игры; онъ игралъ превосходно во всѣ игры, что̀ не мѣшало ему шутить и балагурить во время игры; когда преферансъ сталъ входить въ моду и у него была хорошая игра въ червяхъ, онъ обыкновенно объявлялъ «семь въ сердцахъ», то есть въ червяхъ, вольнымъ переводомъ.—Ну, ну, перестань, батюшка,—что за прибаутки»,—шутя журитъ, бывало, его бабушка.—«И, ма-

тушка Екатерина Александровна, отчего же и не побаловать себя, коротка-то вѣдь жизнь».

Въ домѣ Мальцова мы прожили недолго и переѣхали въ домъ Голубцова, бывшій угловой домъ противъ Михайловскаго манежа; здѣсь родители мои проживали, если я не ошибаюсь, лѣтъ десять. Въ домъ Голубцова къ намъ переѣхала жить моя двоюродная сестра, дочь моего дяди Льва Ивановича, Наталья Львовна. Скажу нѣсколько словъ о семьѣ дяди, съ которою я до старости сохранилъ дружескія отношенія. Графъ Левъ Ивановичъ былъ женатъ, какъ я уже сказалъ выше, на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ впослѣдствіи знаменитаго канцлера, и имѣлъ съ нею шестеро дѣтей. Горчаковы были небогаты, и жена принесла дядѣ самое ничтожное приданое; самъ же дядюшка, какъ я уже сказалъ выше, разорился окончательно вслѣдствіе несчастныхъ спекуляцій. Матушка очень любила своихъ племянницъ по мужу и, сколько могла, старалась доставлять имъ всякія удовольствія и развлеченія. Съ переѣздомъ къ намъ Натальи Львовны домъ нашъ снова оживился. Двоюродная сестра моя была красавица и въ свѣтѣ имѣла успѣхъ громадный. Она вскорѣ вышла замужъ за Обрѣзкова, который впослѣдствіи долгое время занималъ лестный постъ россійскаго посла при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій въ Неаполѣ. Вдова его послѣ кончины мужа навсегда тамъ поселилась, и долго послѣ я имѣлъ случай съ нею тамъ снова свидѣться и познакомиться съ ея милыми дочерьми, которыя обѣ вышли замужъ за итальянцевъ. Вторая дочь дядюшки была также замѣчательно хороша собою, звали ее Надежда, она долгое время была фрейлиной великой княгини Елены Павловны, а потомъ вышла замужъ за Алексѣя Свистунова. Двѣ другія младшія вышли замужъ

одна за Паншина, другая за Энгельгардта. Сыновья Левъ и Николай служили оба въ военной службѣ. Левъ былъ женатъ на румынкѣ, д-цѣ Розновано, и имѣлъ съ нею дочь, вышедшую замужъ за графа Олсуфьева. Николай женатъ на М. Н. Скуратовой, живетъ постоянно въ Москвѣ, его бѣговыя лошади славятся въ Россіи. Тетка моя, графиня Анна Михайловна, жила послѣдніе годы своей жизни въ деревнѣ, ей принадлежащей, кажется, въ Тверской губерніи; она была очень хороша собою, но еще въ молодости необычайно растолстѣла. Братъ ея, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, лицомъ очень походилъ на нее; онъ часто бывалъ у насъ по выходѣ своемъ изъ царскосельскаго лицея, и я его живо помню. Онъ былъ красивый и ловкій молодой человѣкъ, очень сдержанный и скромный, и въ ту пору, вѣроятно, никто не предугадывалъ, какая блистательная будущность ожидала его. Его часто сопровождалъ баронъ Дельвигъ, прелестный поэтъ, такъ рано унесенный смертью.

Родная сестра моего отца, княгиня Екатерина Ивановна Голицына, умерла въ молодыхъ годахъ, оставивъ дочь, вышедшую замужъ за графа Шуазель-Гуффье, и пять сыновей. Мужъ моей тетушки, князь Григорій Сергѣевичъ, былъ едва ли не одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ самодуровъ своего времени. Въ своемъ помѣстьѣ подъ Москвой онъ учредилъ нѣчто въ родѣ маленькаго двора изъ своихъ «подданныхъ», какъ выражались въ тѣ времена. Были у него и «камеръ-юнкеры», и «гофмаршалы», и «фрейлины», была даже «статсъ-дама»—необыкновенно толстая и красивая вдова попадья, къ которой «дворъ» относился съ большимъ уваженіемъ. Дядюшка выпрашивалъ у моей матушки и у другихъ своихъ родственницъ ихъ поношенныя атласныя и бархатныя платья. Эти

платья обшивались дешевыми золотыми позументами, и въ нихъ облекались дебелыя «придворныя дамы» Голицына. Въ праздники совершались выходы; эти выходы, по словамъ очевидца, были послѣднимъ словомъ сумасбродства. У дядюшки былъ свой собственный «придворный уставъ», котораго онъ строго придерживался. Балы въ домѣ отличались особеннымъ этикетомъ; нечего и говорить, что на этихъ балахъ присутствовала только меньшая братья и «придворные». Въ великолѣпной, ярко освѣщенной залѣ размѣщались приглашенные и, когда всѣ уже были въ сборѣ, подъ звуки тріумфальнаго марша вступалъ торжественно въ залу дядюшка, опираясь на плечо одного изъ своихъ «гофмаршаловъ». Балъ открывался полонезомъ, причемъ дядюшка велъ «статсъ-даму» — попадью, которая принимала лестное приглашеніе, предварительно поцѣловавъ князеву руку. Князь также удостоивалъ и другихъ «дамъ» приглашеніемъ на танецъ; причемъ онѣ всѣ прежде подобострастно прикладывались къ его рукѣ. Балъ завершался галопадомъ, который, увы! всегда превращался въ бѣшеную присядку. На эти-то причуды да на стаи гончихъ и удалыхъ троекъ ушло не только Голицынское состояніе, но и приданое моей тетки, очень значительное. Мнѣ говорили, что губернаторъ, немного смущенный этими причудами, намекнулъ издалека объ этомъ князю и даже донесъ въ Петербургъ, но въ Петербургѣ этому только посмѣялись: въ тѣ времена въ Россіи мудрено было удивить сумасбродствомъ. Сыновья князя Голицына были всѣ люди умные и способные, а дочь его, графиня Варвара Григорьевна Шуазель, — одна изъ милѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Мужъ ея былъ сынъ эмигранта графа Шуазель-Гуффье и долгое время состоялъ адъютантомъ фельдмаршала князя

Библіотека Академіи Наукъ

Воронцова, тогда графа, намѣстника кавказскаго и одесскаго генералъ-губернатора. Онъ былъ человѣкъ очень любезный, пріятный въ обществѣ, но хотя въ тѣ времена въ военной службѣ требовались дисциплина и формальность самая строгая, позволялъ себѣ иногда нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя отступленія. Такъ однажды, сопровождая своего начальника въ заграничномъ путешествіи, онъ былъ удостоенъ приглашеніемъ къ столу короля прусскаго (родителя императрицы Александры Ѳеодоровны). Шуазель явился въ превосходно сшитомъ и щегольски сидѣвшемъ на немъ мундирѣ, но въ такихъ фантастическихъ сапожкахъ, что король, прекрасно знавшій русскія военныя формы, выразилъ Воронцову свое удивленіе. Нечего и прибавлять, какъ, возвращаясь домой изъ дворца, начальникъ намылилъ голову своему адъютанту. Графиня Шуазель, овдовѣвъ, жила постоянно у Воронцовыхъ, но кончила свою жизнь начальницей сестеръ милосердія въ Одессѣ. Она всегда была очень набожна; по этому поводу я припоминаю одинъ случай, надѣлавшій ей много горя, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій свою весьма комическую сторону. Свою единственную дочь графиня Шуазель выдала замужъ за одного родственника своего мужа, имени его теперь не припомню, француза легитимиста. Свадьба состоялась въ Баденѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ православной церкви русской; ее замѣняетъ греческая церковь, построенная княземъ Стурдзой; въ ней и обвѣнчали молодую чету; священникъ, разумѣется, грекъ сказалъ новобрачнымъ подобающее слово, и вслѣдъ затѣмъ мы направились въ католическую церковь, гдѣ аббатъ-нѣмецъ совершилъ обрядъ вѣнчанія и также сказалъ молодымъ рѣчь.

Возвращаясь домой, графиня Шуазель залилась слезами.

— Какъ я несчастна, Боже мой! Какъ несчастна, —

обратилась она ко мнѣ:—всю мою жизнь я старалась воспитать свою дочь въ самой теплой вѣрѣ, и вотъ сегодня, въ этотъ величайшій шагъ въ ея жизни, ее вѣнчали два раза, и оба раза ни она, ни ея мужъ, ни я, мы ни слова не поняли; никто изъ насъ не говоритъ понѣмецки и, разумѣется, не понимаетъ погречески, и мы стояли какъ истуканы!

Я старался какъ могъ утѣшить свою разогорченную родственницу, но, признаюсь, не могъ удержаться отъ смѣха.

Братъ ея, Сергѣй Голицынъ, по прозванью «Өирсъ», сохранилъ о себѣ память умнаго и веселаго собесѣдника, но шутника и шалуна легендарнаго; приведу одну изъ его шалостей, жертвою которой сдѣлался лично я.

Дѣло было, сколько припоминаю, въ 1835 или 1836 году. Матушка посылала меня въ Никольское, откуда я, окончивъ дѣла, выѣхалъ въ началѣ декабря въ Москву. Морозы стояли жестокіе; я утомился и наскучился долгой дорогой и, верстъ сорокъ не доѣзжая Бѣлокаменной, оставилъ съ поклажей и экипажемъ своего стараго камердинера Тита Ларіоновича дожидаться лошадей на станціи, а самъ сѣлъ въ легкія саночки и пустился въ Москву, куда и пріѣхалъ очень скоро, часовъ около девяти утра. Я всегда былъ неразсчетливъ, а тогда къ тому же былъ еще очень молодъ и потому, пріѣхавъ въ Москву, очутился въ шубѣ, мѣховой шапкѣ и валенкахъ, а мои чемоданы могли опоздать до вечера. Къ счастью, у пріятеля, у котораго я остановился, отыскалось мое бѣлье и платье, но не оказалось сапоговъ; мать же природа одѣлила меня такими стопами, что мнѣ всегда приходится заказывать свою обувь, о покупкѣ сапоговъ нечего было и думать. Я вспомнилъ, что мой двоюродный братъ Сергѣй

Голицынъ долженъ былъ находиться въ это время въ Москвѣ и что у него почти такія же большія ноги, какъ и мои, и я послалъ къ нему человѣка моего пріятеля.

Голицынъ, разспросивъ его подробно обо всемъ, принялъ самый серьезный видъ и сказалъ слугѣ, что онъ ошибается, что онъ, правда, Голицынъ, но не тотъ, къ которому онъ посланъ за сапогами, и назвалъ ему того Голицына, у котораго онъ могъ получить сапоги. Въ то время Москвой управлялъ, въ Москвѣ царствовалъ, если можно такъ выразиться, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ то время сановниковъ въ Россіи. Это былъ въ полномъ смыслѣ настоящій русскій вельможа, благосклонный, привѣтливый и въ то же время недоступный. Только люди, стоящіе на самой вершинѣ, умѣютъ соединять эти совершенно разнородныя правила. Москва обожала своего генералъ-губернатора и въ то же время трепетала передъ нимъ. Къ этому-то всесильному и надоумилъ Θирсъ послать моего человѣка. Тотъ, только что взятый отъ сохи парень, очень спокойно отправился въ генералъ-губернаторскій домъ и, нисколько не озадаченный видомъ множества служителей, военныхъ чиновъ и такъ далѣе, велѣлъ доложить Голицыну, что ему нужно его видѣть (Θирсъ строго-на-строго приказалъ ему требовать—видѣть самого князя), къ немалому удивленію присутствующихъ (я, впрочемъ, забылъ сказать, что мой посланный объявилъ, что онъ пришелъ отъ графа Сологуба и что Голицынъ былъ съ моимъ отцемъ въ лучшихъ отношеніяхъ), — и такъ, къ немалому удивленію присутствующихъ, Голицынъ самъ къ нему вышелъ въ переднюю.

— Что надо?—спросилъ генералъ-губернаторъ.—Ты отъ графа?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ мой посланный: — отъ ихняго сыночка, графа Владиміра Александровича.

Голицынъ посмотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да что нужно?—повторилъ онъ еще разъ.

— Очень приказали вамъ кланяться, ваше благородіе, и просятъ одолжить имъ на сегодняшній день пару сапогъ!

Голицынъ до того удивился, что даже не разсердился, даже не разсмѣялся, а приказалъ своему камердинеру провести моего дурака въ свою уборную или свою гардеробную и позволить ему выбрать тамъ пару сапогъ. Надо замѣтить, что Голицынъ былъ малъ ростомъ, сухощавъ и имѣлъ крошечныя ноги и руки; увидавъ цѣлую шеренгу сапоговъ, мой человѣкъ похвалилъ товаръ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что «эти сапоги на насъ не полѣзутъ». Камердинеръ генералъ-губернатора съ ругательствами его прогналъ.

Надо вспомнить время, въ которое это происходило, то глубокое уваженіе, почти подобострастіе, съ которымъ вообще обходились съ людьми высокопоставленными, чтобы отдать себѣ отчетъ, до чего была неприлична выходка моего двоюроднаго брата.

Возвратясь домой, слуга, какъ съумѣлъ, разсказалъ о случившемся. Все объяснилось. Я въ тотъ же день ѣздилъ къ генералъ-губернатору извиниться, разумѣется, всю бѣду сваливъ на ни въ чемъ невиноватаго слугу; Ѳирса я чуть не прибилъ, а онъ все смѣялся и отпучивался, идя со мной и предостерегая меня отъ острыхъ камней московской мостовой, которая могла бы потереть подошвы его сапоговъ, въ которые я былъ обутъ.

Зима 1825—1826 года прошла для насъ, или, скорѣе, для нашихъ родителей, очень тягостно. Осенью матушка

неутѣшно оплакивала кончину императора Александра I, всегда, какъ я уже имѣлъ случай неоднократно высказать, особенно благоволившаго къ нашей семьѣ; потомъ какъ громовой ударъ разразилось возстаніе 14-го декабря. Многіе изъ самыхъ близкихъ друзей моего отца были замѣшаны въ бунтъ, и не проходило дня, не проходило, можно сказать, часа, чтобы мы не узнавали о новомъ несчастьѣ, постигшемъ какое нибудь изъ дружественныхъ намъ семействъ. Я не стану описывать возстаніе 14-го декабря: все, что можно было о немъ сказать, давно уже сказано; да и хотя я былъ очевидцемъ происходившаго, но былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы хорошо понимать все, что оно обозначало; могу сказать только одно, что, по мнѣнію людей истинно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже, это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, не смотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ. Оно вселило въ сердце императора Николая I навсегда чувство недовѣрчивости къ русскому дворянству и потому наводнило Россію тою мелюзгою фоновъ и берговъ, которая принесла родинѣ столько неизгладимаго на долгое время вреда. Я хочу сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ императора Николая Павловича, о которомъ многіе, по незнанію, составили себѣ превратное понятіе. Правда, государь былъ одаренъ желѣзной волей и твердостью неуклонной, но въ глубинѣ его души была доброта неисчерпаемая, а его свѣтлый умъ все постигалъ и — что̀ покажется многимъ съ моей стороны безсмысленнымъ утвержденіемъ, — все прощалъ. Приведу въ примѣръ нѣсколько случаевъ изъ его частной жизни.

Проживая лѣтомъ въ сороковыхъ годахъ въ одномъ

изъ загородныхъ петербургскихъ дворцовъ, государь часто ѣздилъ присутствовать на ученіи; у дороги, по которой слѣдовалъ императоръ, штрафованные солдаты рыли канаву; завидѣвъ царскую коляску, солдаты вытягивались въ шеренгу, снимали шапки и безмолвно дожидались, пока государь проѣдетъ, чтобы снова приняться за свою работу; съ ними, какъ съ наказанными, государь не могъ здороваться; это мучило его до того, что однажды, проѣзжая мимо штрафованныхъ, онъ не выдержалъ и своимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ имъ:

— Здравствуйте, шалуны!

Нечего прибавлять, какимъ восторженнымъ «здравія желаемъ, ваше императорское величество» отвѣчали умиленные солдаты.

Государь имѣлъ привычку на масляницу во время качелей въѣзжать на Марсово поле и объѣзжать шагомъ весь квадратъ; однажды, среди общаго ликованья подгулявшаго народа, толпа крестьянскихъ дѣтей подбѣжала къ его санямъ и, не зная государя, запищала:

— Дѣдушка, покатай насъ, дѣдушка!

Стоявшіе подлѣ будочники кинулись было разгонять дѣтей, но государь грозно на нихъ крикнулъ и, разсадивъ, сколько умѣстилось дѣтей въ саняхъ, обвезъ ихъ вокругъ Марсова поля.

Въ 1831 году, когда холера впервые посѣтила Москву, императоръ, извѣщенный эстафетой, рѣшился тотчасъ туда ѣхать. Императрица Александра Ѳеодоровна, напуганная невѣдомой и страшной болѣзнью, умоляла государя не подвергать себя опасности. Государь остался непреклоненъ; тогда императрица привела въ кабинетъ государя великихъ княженъ и великаго князя Константина Нико-

лаевича, тогда еще ребенка трехъ лѣтъ, думая, что видъ его дѣтей убѣдитъ болѣе императора.

— У меня въ Москвѣ 300,000 дѣтей, которыя погибаютъ,—замѣтилъ неуклонно государь и въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву.

Посѣтивъ въ первый разъ послѣ польскаго возстанія Варшаву, государь присутствовалъ на балѣ у генералъ-губернатора, то есть намѣстника. Въ тотъ же вечеръ былъ открытъ заговоръ о покушеніи на жизнь императора (извѣстіе это впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ), и государя просили, въ виду предосторожности, не подходить къ окну, такъ какъ вся площадь передъ дворцомъ была запружена народомъ; государь открылъ окно, сталъ къ окну спиною и болѣе часа простоялъ такимъ образомъ, разговаривая съ окружавшими его сановниками.

Я современемъ еще приведу десятки подобныхъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о личной неустрашимой храбрости, а также безконечной добротѣ императора Николая Павловича. Но онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, къ той неуклонной строгости, замкнутости, которою ознаменовалось все его царствованіе, именно обстоятельствами, предшествовавшими его восшествію на престолъ.

Трауръ по кончинѣ императора Александра I, судъ надъ декабристами, значительныя измѣненія въ высшихъ административныхъ сферахъ заняли умы Петербурга на всю зиму 1825—1826 года. Но, какъ и всегда въ жизни, тучи прошли, наступило полное затишье, и въ августѣ 1826 года дворъ послѣдовалъ въ Москву, гдѣ 22-го августа совершилось съ пышностью необыкновенной коронованіе императора Николая Павловича на престолъ. Все способствовало блеску празднества: временное повсемѣстное спокойствіе въ Европѣ, водворившійся порядокъ въ

самой Россіи, наконецъ,—и всего болѣе,—восторгъ, который вселяла въ народѣ молодая императорская чета. Императрица Александра Ѳеодоровна была тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты, она олицетворяла, такъ сказать, идеалъ русской царицы, соединяя въ себѣ царственность осанки съ безконечной привѣтливостью и добротой. О наружности самого императора мнѣ распространяться нечего, она сдѣлалась, такъ сказать, легендарной по всей Россіи; онъ представлялся народу чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, и по этому поводу я припоминаю разсказанный мнѣ однажды очевидцемъ анекдотъ.

Государь въ 1838 году производилъ огромный кавалерійскій смотръ въ Вознесенскѣ (Херсонской губерніи); въ то время въ Новороссійскомъ краѣ не только, разумѣется, о желѣзныхъ путяхъ, но и о шоссейныхъ дорогахъ не было помина. Къ пріѣзду императора починили мосты и кое-какъ привели въ порядокъ почтовыя дороги. Какъ всегда водилось, впереди высочайшихъ экипажей скакалъ на бѣшеной тройкѣ мѣстный исправникъ, наблюдая за порядкомъ. Однажды, не доѣзжая какой-то станціи, плотина, по которой едва успѣлъ пронестись царскій экипажъ, рухнула. Исправникъ помертвѣлъ и оглянулся на государя—бѣда миновала благополучно; вечеромъ за картами у знакомыхъ исправникъ разсказалъ постигшій его случай.

— Что же государь сказалъ?—со страхомъ допрашивали его присутствовавшіе.

— Помиловалъ, — отвѣтилъ крестясь исправникъ: — пальцемъ только мнѣ погрозилъ, а палецъ у него вотъ какой!—и исправникъ почти на аршинъ измѣрилъ руками.

Но возвращусь къ коронаціи. Отецъ мой, какъ я уже сказалъ выше, считался въ званіи оберъ-церемоніймейстера

и въ силу этого сопровождалъ дворъ въ Москву. Мы съ братомъ, разумѣется, были еще слишкомъ молоды, чтобы присутствовать на блестящихъ празднествахъ, но всюду и вездѣ имѣли уголокъ, откуда все могли видѣть очень хорошо. Живо помню въѣздъ въ Москву и въ особенности выходъ императорской четы изъ Воскресенскаго собора; императрица—молодая, прекрасная, величественная, съ сіяющей короной на темныхъ волосахъ, облеченная въ драгоцѣнныя бѣлыя одежды, объ руку съ государемъ, котораго въ эту минуту описывать не берусь. Только Юпитеръ въ воображеніи древнихъ, снисходящій съ Олимпа съ громомъ и молніей въ десницѣ, могъ быть сравнимъ съ нимъ въ это мгновенье. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка, я пережилъ много горя и радостей, видалъ много зрѣлищъ поразительныхъ, но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ впечатлѣніемъ восторга и почти ужаса, которое обуяло меня. Я до того кричалъ, билъ въ ладоши, топалъ ногами и кидалъ свою шапку вверхъ, что кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что свалился съ подмостковъ, на которыхъ мы съ братомъ стояли, подъ надзоромъ гувернера, и упалъ на толпу мужиковъ, стоявшихъ на площади; я ужасно испугался, вообразивъ себѣ почему-то, что они станутъ меня бить, но они нисколько на меня не разсердились, а одинъ изъ нихъ, я какъ теперь его вижу, рослый дѣтина, лѣтъ подъ сорокъ, съ огромной разноцвѣтной бородой, посадилъ меня къ себѣ на руки и съ той особенной суровой ласковостью, которая присуща только простому русскому народу, проговорилъ:

— Сиди, малецъ, ужъ больно хорошо, здорово кричишь ты!

Празднества смѣнялись празднествами и отличались, какъ водится въ этомъ случаѣ, необыкновеннымъ велико-

лѣпіемъ. Въ тѣ времена имена свѣтскихъ красавицъ не были еще достояніемъ газетчиковъ и упоминать о нихъ въ газетахъ считалось бы верхомъ неприличія, но въ устахъ всѣхъ были слышны имена графини Завадовской, графини Фикельмонтъ, рожденной графини Тизенгаузенъ, дочери въ то время извѣстной въ петербургскомъ свѣтѣ Елисаветы Михайловны Хитрово, одной изъ пяти дочерей фельдмаршала Кутузова, фрейлины княжны Урусовой и дѣвицы Нарышкиной, впослѣдствіи княгини Юсуповой. Всѣ четыре были красавицы писанныя, всѣ четыре звѣзды первой величины тогдашняго петербургскаго большого свѣта. По окончаніи празднествъ, дворъ вернулся въ Царское Село, и мы также возвратились на обычную зимовку въ Петербургъ. Жизнь наша потекла обычнымъ порядкомъ: занятіе съ учителями, прогулки, обѣды у бабушки Архаровой и т. д. Я уже начиналъ пописывать кое-какую дрянь, къ которой, увы, относились слишкомъ снисходительно. Такъ прошло три зимы. Наконецъ, въ мартѣ 1829 года, къ крыльцу Голубцовскаго дома подъѣхала кибитка, въ которую сѣлъ мой отецъ и посадилъ меня подлѣ себя. Меня везли въ Дерптъ, для приготовленія къ студентскому экзамену и поступленію въ университетъ. Дѣтство наше рушилось. Г-нъ Массонъ отбылъ на родину; братъ мой поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, помѣщавшуюся у Синяго моста, на мѣстѣ, гдѣ теперь находится Маріинскій дворецъ. Въ то время воспитаніе было направленіемъ къ единственной цѣли—служебной. О братѣ было рѣшено между моими родителями,—такъ какъ въ то время родные рѣшали о будущности своихъ дѣтей, и дѣти этому безпрекословно подчинялись,—что братъ мой надѣнетъ солдатскую шинель въ виду генеральскаго чина,

хотя это поприще не было согласно ни съ его вкусами, ни даже съ его здоровьемъ.

Въ бытность нашу въ Парижѣ въ 1822 году, насъ ежедневно водили гулять въ Тюльерійскій садъ; тамъ, однажды, братъ мой съ разбѣга ударился головой о мраморную статую и такъ сильно ушибся, что пролежалъ нѣсколько часовъ въ безпамятствѣ; я нисколько не сомнѣваюсь, хотя въ то время онъ и поправился, что этотъ ушибъ произвелъ въ его головѣ сотрясеніе мозга и былъ первой причиной его преждевременной кончины.

Итакъ братъ поступилъ въ военную службу, меня же рѣшено было помѣстить въ Дерптскій университетъ и приготовить меня къ блестящей дипломатической карьерѣ, къ чему я ни по моему характеру, ни по моимъ наклонностямъ не былъ пригожъ. Матушка сѣтовала о томъ, что мы съ братомъ въ нашемъ дѣтствѣ были пріучены къ роскоши, которой, по наступившимъ обстоятельствамъ дѣлъ моего отца, мы не могли имѣть въ будущемъ и отъ которой она всячески старалась насъ отучить. Вотъ почему отецъ не нанялъ мнѣ квартиры, не окружилъ меня, какъ это водилось въ тѣ времена, полдюжиной крѣпостныхъ людей, не приставилъ ко мнѣ ментора, а помѣстилъ меня у профессора X. *) и приставилъ ко мнѣ наемнаго камердинера старика, лѣтъ шестидесяти, Тита Ларіоновича, который и находился при мнѣ не только все время моего пребыванія въ университетѣ, но и долго послѣ этого. Отецъ остался въ Дерптѣ недолго, а я, послѣ его отъѣзда, сталъ серьезно работать и пріучаться къ скромному обиходу студенческой жизни.

Скажу нѣсколько словъ о тѣхъ изъ моихъ товарищей,

---

*) Имя пропущено.

съ которыми впослѣдствіи я сохранилъ дружественныя отношенія. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый нашъ хирургъ Пироговъ; потомъ Иноземцевъ, сдѣлавшійся тоже впослѣдствіи извѣстнымъ врачемъ въ Москвѣ; сыновья писателя и историка Карамзина—Андрей и Владиміръ; наконецъ, извѣстный всему Петербургу Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, съ которымъ мы позже были сослуживцами на Кавказѣ и навсегда остались друзьями близкими. Потомъ нѣсколько курляндцевъ, Липгарты, Таль и другіе. Поэта Языкова я уже не засталъ, но о немъ въ студенческомъ кружкѣ сохранилась лучезарная легенда. О разгульныхъ пирахъ его времени, о попойкахъ гомерическихъ, въ наше время не было и помина; всѣ мы были скромненькіе, ужъ впрямь «отецкіе сыны»; всѣ мы болѣе серьезно работали и, кромѣ того, усердно посѣщали «свѣтъ», состоявшій въ то время въ Дерптѣ изъ нѣсколькихъ семействъ богатыхъ курляндскихъ бароновъ и семействъ профессоровъ университетскихъ. Скромности нашей способствовало и то, что родители выдавали намъ на наши удовольствія очень мало денегъ. Такъ я, напримѣръ, считался богачемъ, имѣя всего-на-всего 50 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; правда, матушка платила отдѣльно за мою квартиру и столъ. Самымъ большимъ расходомъ, самой бѣшеной шалостью почиталось провести вечеръ въ кондитерской, гдѣ мы истребляли невѣроятное количество плохихъ бутербродовъ и сладкихъ пирожковъ и запивали ихъ прескверным виномъ или пивомъ. За то мы щеголяли платьемъ и бѣльемъ; о бородахъ и усахъ между студентами тогда еще, разумѣется, не было и помина. Весной мы устраивали «пикники», разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ, на которые приглашали дамъ; послѣ завтрака на лужайкѣ или въ лѣсу устраивались танцы,

на которыхъ мы наперерывъ отличались. Одинъ изъ этихъ пикниковъ ознаменовался очень прискорбнымъ для меня приключеніемъ. Такъ какъ никто изъ насъ не былъ Крезомъ, то обыкновенно наканунѣ праздника распорядитель получалъ отъ каждаго изъ насъ нужную сумму для складчины; у меня въ тотъ день капиталу оказалось всего 11 рублей; я захотѣлъ попытать счастье въ первый разъ въ жизни въ карты и проигралъ Карамзину всѣ свои деньги; горе было непоправимое, раздобыть у одного изъ товарищей нужные рублей двадцать не оказалось возможности, а мое огорченіе было тѣмъ болѣе велико, что въ то время я безнадежно и трепетно былъ влюбленъ въ жену одного дерптскаго чиновника, которая въ видѣ исключенія допускалась въ наше общество. Впослѣдствіи я увидалъ свой «предметъ» и ужаснулся своему безвкусію, но тогда я пылалъ самой почтительной и самой нѣжной страстью. Я сказался больнымъ и, разумѣется, остался дома. Пока товарищи мои «блаженствовали», я излилъ свое горе въ слѣдующемъ стихотвореніи, за которое заранѣе прошу прощенія у читателей; мое единственное оправданіе состоитъ въ томъ, что мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Вотъ первые куплеты:

Ахъ, Настасья Еремѣевна,
Видно, суждено мнѣ такъ:
Ты на балѣ какъ царевна,
А я дома какъ дуракъ.
Пригласятъ тебя тамъ франты
На «англезы», на куранты,
Можетъ статься, на «тампетъ»,
А ты нюхай мой букетъ!..

И въ такомъ родѣ куплетовъ десять. Когда Золотаревъ возвратился съ пикника, такъ какъ онъ былъ повѣренный моей любви, я прочелъ ему мое произведеніе; онъ

нашелъ, что стихи «хороши», но слишкомъ «вольны»!.. Золотаревъ былъ типъ добронравнаго, благодушнаго юноши, воспитаннаго въ благочестивомъ домѣ. Отецъ его, человѣкъ зажиточный, былъ нотаріусомъ въ Москвѣ; кромѣ Ивана Ѳедоровича, у него были еще сынъ и дочь — красавица, выданная замужъ противъ воли за одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Москвѣ и вскорѣ послѣ этого умершая; ея свадьба, на которой я присутствовалъ, послужила впослѣдствіи мнѣ сюжетомъ для одной изъ моихъ повѣстей. Братъ Ивана Золотарева тоже умеръ въ молодыхъ годахъ отъ чахотки. На сколько я уже начиналъ быть неряшливъ, на столько Золотаревъ былъ аккуратенъ и разсудителенъ. У него были, однако, двѣ слабости: первая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ ежедневно отправлялся на почту освѣдомляться, нѣтъ ли для него писемъ—ему никто никогда не писалъ, но это его не обезкураживало, и онъ, все-таки, каждый день ходилъ на почту; вторая его слабость была менѣе игриваго свойства. Онъ былъ страстный охотникъ играть на скрипкѣ, а природа отказала ему рѣшительно въ музыкальныхъ способностяхъ; мы жили на одной квартирѣ, и читатели легко могутъ себѣ представить мой ужасъ, постепенно превращавшійся въ негодованіе, какъ только въ комнатѣ моего сосѣда начинали раздаваться жалобные звуки терзаемаго неопытной рукой инструмента. Возвратясь съ лекціи и зайдя, разумѣется, предварительно на почту, Золотаревъ снималъ свое новое платье, облекался въ старенькій сюртучекъ и принимался пилить гаммы на скрипкѣ; работа эта иногда длилась часа три; особенно гнусно выходилъ у него одинъ переходъ въ минорный тонъ, который никакъ ему не удавался, при этомъ я часто врывался въ комнату моего трудолюбиваго пріятеля, съ бѣшенствомъ

выхватывалъ у него скрипку и осыпалъ его ругательствами. Онъ отвѣчалъ съ обычной своей добродушной улыбкой: «Ну, полно, Владиміръ, вѣдь я тебѣ не мѣшаю!» И чего мы не выдѣлывали съ этой злополучной скрипкой. И прятали ее, и швыряли на улицу, однажды, даже продали ее за полтора рубля ассигнаціями какому-то бродягѣ музыканту, и что же?—въ заведенный часъ опять раздавались ненавистные звуки; Золотаревъ какимъ-то тайнымъ чутьемъ розыскивалъ свое достояніе вездѣ. Главнымъ удовольствіемъ, завѣтной мечтой являлись, разумѣется, поѣздки на вакаціи лѣтнія и рождественскія къ роднымъ. Для меня двѣ изъ этихъ поѣздокъ остались незабвенными навсегда, такъ какъ мнѣ пришлось увидѣть и узнать, бывши студентомъ, двухъ гигантовъ русской литературы—Пушкина и Гоголя. Я прошу у читателей прощенія, если мнѣ придется повторяться, говоря объ этихъ двухъ великихъ русскихъ людяхъ; въ 1874-мъ году, я напечаталъ въ газетѣ «Русскій Міръ» нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній относительно Пушкина и Гоголя, но, во-первыхъ, «Русскій Міръ» не имѣлъ обширнаго круга читателей, во-вторыхъ, лучше сказать два раза, чѣмъ умолчать что либо, что относится къ нимъ. Итакъ лѣтомъ, сколько припоминаю въ 1832-мъ году, я пріѣхалъ къ своимъ родителямъ въ Павловскъ на вакаціи; поздоровавшись съ ними, я переодѣлся и отправился, какъ и слѣдовало, на поклонъ къ бабушкѣ Архаровой; время для бабушки уже было позднее, она собиралась спать.—«Пойди-ка къ Александрѣ Степановнѣ (ея приживалка), тамъ у Васильчиковыхъ при Васѣ студентъ какой-то живетъ, говорятъ, тоже пописываетъ,—такъ ты пойди, послушай»,—сказала мнѣ бабушка, отпуская меня. Я отправился къ Александрѣ Степановнѣ; она занимала на дачѣ у бабушки небольшую, довольно ни-

зенькую комнату; кровать стыдливо была загорожена ширмами, у стѣны стоялъ старомодный обтянутый ситцемъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый красной бумажной скатертью; на столѣ подъ темно зеленымъ абажуромъ горѣла лампа. Столъ былъ высокъ, а сидѣнья, то есть диванъ и стулья, низки, и потому лица присутствующихъ были ясно освѣщены пламенемъ лампы. Подлѣ Александры Степановны на диванѣ сидѣла другая приживалка бабушки, Анна Семеновна, тутъ же находилась третья старушка, призрѣнная Васильчиковыми, тоже какая-то дворянка, имени ея не помню; всѣ три старухи вязали чулки, глядя снисходительно поверхъ очковъ на тутъ же у стола сидѣвшаго худощаваго молодого человѣка; старушки поднялись мнѣ навстрѣчу, усадили меня у стола, потомъ Александра Степановна, предварительно глянувъ на меня, обратилась къ юношѣ:

— Что же, Николай Васильевичъ, начинайте!

Молодой человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на меня; онъ былъ бѣдно одѣтъ и казался очень застѣнчивъ; я пріосанился.

— Читайте, сказалъ я нѣсколько свысока: — я самъ «пишу» (Читатель, я былъ такъ молодъ!) и очень интересуюсь русской словесностью, пожалуйста, читайте.

Ввѣкъ мнѣ не забыть выраженія его лица! Какой тонкій умъ сказался въ его чуть прищуренныхъ глазахъ, какая язвительная усмѣшка скривила на мигъ его тонкія губы. Онъ все такъ же скромно подвинулся къ столу, не спѣша, развернулъ своими длинными худыми руками рукопись и сталъ читать. Я развалился въ креслѣ и сталъ его слушать; старушки опять зашевелили своими спицами. Съ первыхъ словъ я отдѣлился отъ спинки своего кресла, очарованный и пристыженный, слушалъ жадно; нѣсколько

разъ порывался я его остановить, сказать ему, до чего онъ поразилъ меня, но онъ холодно вскидывалъ на меня глазами и неуклонно продолжалъ свое чтеніе. Когда онъ кончилъ, я бросился къ нему на шею и заплакалъ. Что онъ намъ читалъ, я и сказать не съумѣю теперь, но я, не смотря на свою молодость, инстинктомъ, можно сказать, понялъ, сколько таланта, сколько высокаго художества было въ томъ, что онъ намъ читалъ. Молодого этого человѣка звали Николай Васильевичъ Гоголь, и черезъ нѣсколько лѣтъ ему суждено было занять въ отечественной литературѣ первое мѣсто послѣ великаго Пушкина. У тетки Васильчиковой было пятеро дѣтей: два сына, двѣ дочери и третій сынъ слабоумный съ дѣтства, впрочемъ, рано умершій; къ этому-то сыну въ видѣ не то наставника, не то дядьки и былъ приглашенъ Гоголь для того, чтобы по мѣрѣ возможности стараться хотя немного развить это бѣдное существо. На другой день послѣ чтенія я пошелъ опять къ Васильчиковымъ и увидалъ слѣдующее зрѣлище: на балконѣ, въ тѣни, сидѣлъ на соломенномъ низкомъ стулѣ Гоголь, у него на колѣняхъ полулежалъ Вася, тупо глядя на большую развернутую на столѣ, стоявшемъ передъ ними, книгу; Гоголь указывалъ своимъ длиннымъ худымъ пальцемъ на картинки, нарисованныя въ книгѣ, и терпѣливо разъ двадцать повторялъ слѣдующее:

— Вотъ это, Васинька, барашекъ — бе...е...е, а вотъ это корова—му...у...му...у, а вотъ это собачка—гау...ау...ау...

О Гоголѣ мнѣ придется говорить много, такъ какъ впослѣдствіи я былъ съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Гоголь у Васильчиковыхъ, впрочемъ, оставался недолго, и хотя впослѣдствіи онъ не любилъ припоминать того незавиднаго положенія, въ которомъ находился въ ихъ домѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что его будущей

извѣстности, независимо, разумѣется, отъ его громаднаго таланта, много также способствовали знакомства, пріобрѣтенныя въ домѣ Васильчиковыхъ; вездѣ, а въ особенности въ Россіи, и въ тѣ времена только таланту, какъ бы великъ онъ ни былъ, трудно было пробиться на свѣтъ Божій. Кажется, въ слѣдующую же зиму послѣ моего знакомства съ Гоголемъ, я въ первый разъ, уже будучи взрослымъ, встрѣтилъ Пушкина; за вѣрность годовъ, впрочемъ, не ручаюсь, такъ какъ я смолоду былъ страшно безтолковъ и всю жизнь перепутывалъ и числа, и года.

Вотъ какъ это было. Я гостилъ у родныхъ на Рождественскихъ праздникахъ и каждый вечеръ выѣзжалъ съ отцомъ въ свѣтъ не на большіе балы, разумѣетея, но къ нашимъ многочисленнымъ роднымъ и близкимъ знакомымъ. Однажды, отецъ взялъ меня съ собою въ русскій театръ; мы помѣстились во второмъ ряду креселъ; передъ нами въ первомъ ряду сидѣлъ человѣкъ съ некрасивымъ, но необыкновенно выразительнымъ лицомъ и курчавыми темными волосами; онъ обернулся, когда мы вошли (представленіе уже началось), дружелюбно кивнулъ отцу, потомъ сталъ слушать пьесу съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ только, что̀ называютъ французы, «les gens du metier, то есть люди сами пишущіе.—«Это Пушкинъ», — шепнулъ мнѣ отецъ. Я весь обомлѣлъ... Трудно себѣ вообразить, что это былъ за энтузіазмъ, за обожаніе толпы къ величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чѣмъ-то лучезарнымъ въ воображеніи всѣхъ русскихъ, въ особенности же въ воображеніи очень молодыхъ людей. Пушкинъ, хотя и не чуждъ былъ той олимпійской недоступности, въ какую окутывали, такъ сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мною очень ласково, когда отецъ послѣ того, какъ занавѣсъ

опустили, представилъ меня ему. На слова отца, «что вотъ этотъ сынишка у меня пописываетъ,» онъ отвѣчалъ поощрительно, припомнилъ, что видѣлъ меня ребенкомъ, играющимъ въ одеждѣ маркиза на скрипкѣ, и приглашалъ меня къ себѣ запросто быть, когда я могу. Я былъ въ восторгѣ и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, все придумывалъ, что́ бы сказать что нибудь поумнѣе, чтобы онъ увидѣлъ, что я уже не такой мальчишка, какимъ, все-таки, не смотря на его любезность, онъ меня считалъ; надо сказать, что въ тотъ самый день, гуляя часовъ около трехъ пополудни съ отцомъ по Невскому проспекту, мы повстрѣчали нѣкоего Х., тогдашняго моднаго писателя. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно надутый и заносчивый, отецъ его довольно близко зналъ и представилъ меня ему; онъ отнесся ко мнѣ довольно благосклонно и пригласилъ меня въ тотъ же вечеръ къ себѣ. — «Сегодня середа, у меня каждую середу собираются,—произнесъ онъ съ высоты своего величія,—все люди талантливые, извѣстные, пріѣзжайте, молодой человѣкъ, время вы проведете, надѣюсь, пріятно». Я поблагодарилъ и, разумѣется, тотчасъ послѣ театра разсчитывалъ туда отправиться. Въ продолженіе всего второго дѣйствія, которое Пушкинъ слушалъ съ тѣмъ же вниманіемъ, я, благоговѣйно глядя на его сгорбленную въ креслѣ спину, сообразилъ, что спрошу его во время антракта, «что онъ, вѣроятно, тоже ѣдетъ сегодня къ Х.». Не можетъ же онъ, Пушкинъ, не бывать въ домѣ, гдѣ собираются такіе извѣстные люди—писатели, художники, музыканты и т. д. Дѣйствіе кончилось, занавѣсъ опустился, Пушкинъ опять обернулся къ намъ.— «Александръ Сергѣевичъ, сегодня середа, я еще, вѣроятно, буду имѣть счастливый случай съ вами повстрѣчаться у Х.», — проговорилъ я почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ

старaясь придать своему голосу равнодушный видъ, «что вотъ дескать къ какимъ тузамъ мы ѣздимъ». Пушкинъ посмотрѣлъ на меня съ той особенной, ему одному свойственной улыбкой, въ которой какъ-то странно сочеталась самая язвительная насмѣшка съ безмѣрнымъ добродушіемъ.—«Нѣтъ,—отрывисто сказалъ онъ мнѣ:—съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, я въ такіе дома не ѣзжу!» Меня точно ушатомъ холодной воды обдало, я сконфузился, пробормоталъ что-то очень неловкое и стушевался за спину моего отца, который отъ души разсмѣялся; онъ прекрасно замѣтилъ, что мнѣ передъ Пушкинымъ захотѣлось прихвастнуть, и что это мнѣ не удалось. Я же былъ очень разочарованъ; уже заранѣе я строилъ планы, какъ я вернусь въ Дерптъ и стану разсказывать, что я провелъ вечеръ у Х., гдѣ собираются самые извѣстные, самые талантливые люди въ Петербургѣ, гдѣ даже самъ Пушкинъ... и вдругъ такой ударъ! Нечего и прибавлять, что въ тотъ вечеръ я къ Х. не поѣхалъ, хотя отецъ, смѣясь, очень на этомъ настаивалъ. На другой день отецъ повезъ меня къ Пушкину—онъ жилъ въ довольно скромной квартирѣ на... улицѣ*); самого хозяина не было дома, насъ приняла его красавица-жена. Много видѣлъ я на своемъ вѣку красивыхъ женщинъ, много встрѣчалъ женщинъ еще обаятельнѣе Пушкиной, но никогда не видывалъ я женщины, которая соединила бы въ себѣ такую законченность классически правильныхъ чертъ и стана. Ростомъ высокая, съ баснословно тонкой тальей, при роскошно развитыхъ плечахъ и груди, ея маленькая головка, какъ лилія на стеблѣ колыхалась и граціозно поворачивалась на тонкой шеѣ; такого красиваго и правильнаго профиля

*) Имя улицы пропущено въ рукописи.

я не видѣлъ никогда болѣе, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаромъ всѣ остальныя даже изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ меркли какъ-то при ея появленіи. На видъ всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. Въ Петербургѣ, гдѣ она блистала, во-первыхъ, своей красотой и въ особенности тѣмъ виднымъ положеніемъ, которое занималъ ея мужъ,—она бывала постоянно и въ большомъ свѣтѣ, и при дворѣ, но ее женщины находили нѣсколько странной. Я съ перваго же раза безъ памяти въ нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши въ Петербургѣ, который бы тайно не вздыхалъ по Пушкиной; ея лучезарная красота рядомъ съ этимъ магическимъ именемъ всѣмъ кружила головы; я зналъ очень молодыхъ людей, которые серьезно были увѣрены, что влюблены въ Пушкину, не только вовсе съ нею незнакомыхъ, но чуть ли никогда собственно ее даже не видѣвшихъ! Живо помню одинъ балъ у Бутурлиныхъ и смѣшную сцену, на которой я присутствовалъ. Это было, сколько припоминаю, въ зиму съ 1835-го на 1836-й годъ; я уже въ то время вышелъ изъ университета; Бутурлинъ этотъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Комбурлея; онъ имѣлъ двухъ дѣтей — дочь, вышедшую потомъ замужъ за графа Павла Строгонова, и сына Петра; этому сыну было тогда лѣтъ тринадцать, онъ еще носилъ коротенькую курточку и сильно помадилъ себѣ волосы. Такъ какъ въ то время балы начинались несравненно раньше, чѣмъ теперь, то Петинькѣ Бутурлину позволялось (его по-тогдашнему родные очень баловали) оставаться на балѣ до мазурки. Онъ, разумѣется, не танцовалъ, а сновалъ между танцующими. Въ тотъ вечеръ я танцовалъ съ Пушкиной мазурку и, какъ только оркестръ проигралъ

ритурнель, отправился отыскивать свою даму: она сидѣла у амбразуры окна и, поднеся къ губамъ сложенный вѣеръ, чуть-чуть улыбалась; позади ея, въ самой глубинѣ амбразуры, сидѣлъ Петинька Бутурлинъ и, краснѣя и заикаясь, что-то говорилъ ей съ большимъ жаромъ. Увидавъ меня, Наталья Николаевна указала мнѣ вѣеромъ на стулъ, стоявшій подлѣ, и сказала:—«Останемтесь здѣсь, всетаки, прохладнѣе»; я поклонился и сѣлъ.—«Да, Наталья Николаевна, выслушайте меня, не оскорбляйтесь, но я долженъ былъ вамъ сказать, что я люблю васъ,—говорилъ ей, между тѣмъ, Петинька, который до того потерялся, что даже не замѣтилъ, что я подошелъ и сѣлъ подлѣ,—да, я долженъ былъ это вамъ сказать,—продолжалъ онъ,—потому что, видите ли, теперь двѣнадцать часовъ, и меня сейчасъ уведутъ спать!» Я чуть удержался, чтобы не расхохотаться, да и Пушкина кусала себѣ губы, видимо, силясь не смѣяться; Петиньку, дѣйствительно, безжалостно увели спать черезъ нѣсколько минутъ.

Но возвращусь въ Дерптъ, куда послѣ вакацій я пріѣзжалъ съ немного помутившейся головой и не сразу могъ приняться за работу. Впрочемъ, надо сказать, что то спокойствіе, которое царствовало въ Дерптѣ, скоро разсѣявало чадъ петербургскихъ удовольствій.

Годы проходили, между тѣмъ, и мы ревностно приготовлялись къ послѣднему экзамену. Тутъ случилось обстоятельство, повліявшее на мою будущность. Человѣкъ шесть изъ моихъ самыхъ близкихъ товарищей вознегодовали на одного изъ нашихъ профессоровъ, человѣка, въ самомъ дѣлѣ, очень непріятнаго и всячески насъ притѣснявшаго; я негодовалъ столько же, сколько они, но говорилъ, по обыкновенію, еще съ бо̀льшимъ жаромъ. Однажды, послѣ веселаго ужина, они, проходя мимо квар-

тиры профессора, швырнули ему въ окно нѣсколько камней; стекла разлетѣлись вдребезги, поднялся шумъ, крикъ, профессоръ послалъ за полиціей, но товарищи мои успѣли уже убѣжать. Я не только не былъ въ ихъ обществѣ въ этотъ вечеръ, но меня, кажется, вовсе даже въ тотъ день не было въ Дерптѣ; тѣмъ не менѣе, въ городѣ распространился слухъ, что Сологубъ началъ безчинствовать, бить у начальства окна и т. д. Профессоръ, который меня терпѣть не могъ, и слышать не хотѣлъ, что я не находился въ ватагѣ, причинившей ему убытокъ и непріятности, и на выпускномъ экзаменѣ такъ возстановилъ своихъ собратовъ и вообще университетское начальство противъ меня, такъ, что называется, «затормошилъ» меня на экзаменѣ, что вмѣсто кандидатскаго диплома, на который я сильно разсчитывалъ, я скромно окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, къ великому неудовольствію моихъ родителей.

Я покинулъ Дерптъ, который долженъ былъ въ будущемъ играть важную роль въ моей семейной жизни, и отправился къ роднымъ въ Петербургъ. Нѣсколько разъ мнѣ случилось въ моей жизни быть, какъ и въ Дерптѣ, безъ вины виноватымъ. Однажды, какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что я застрѣлилъ на дуэли — измѣннически убилъ сына одного изъ моихъ ближайшихъ пріятелей и родственниковъ, князя Аркадія Суворова; между тѣмъ, я ни разу, въ бытность мою на Кавказѣ, не дрался на дуэли, а Аркадій Суворовъ здравствуетъ до сихъ поръ, и я со всей его семьей въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Этотъ нелѣпый и лишенный всякаго основанія слухъ до того было укоренился, по возвращеніи моемъ изъ Тифлиса въ 1858 году, что только милостивыя слова, снизошедшія съ высокихъ устъ,

положили ему предѣлъ. Другая, также лишенная основанія выдумка причинила мнѣ большое неудовольствіе и навсегда возстановила противъ меня человѣка, расположеніемъ котораго я, конечно, дорожилъ. Я всегда высоко цѣнилъ талантъ и уважалъ характеръ Салтыкова (Щедрина) и находился съ нимъ въ отношеніяхъ хорошаго знакомства. Однажды, послѣ довольно долгой разлуки, я встрѣтился съ нимъ, кажется, въ какомъ-то ресторанѣ и съ радушной улыбкой и протянутой рукой подошелъ къ нему; онъ меня встрѣтилъ такъ недружелюбно, такъ рѣзко отвѣчалъ на мои привѣтствія, что я, разумѣется, озадаченный, тотчасъ же отретировался; въ тотъ же вечеръ я съ досадой разсказалъ выходку Салтыкова одному изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

— Да, какъ же вы удивляетесь этому, графъ, замѣтилъ мнѣ знакомый: — вѣдь вы сами подали къ этому поводъ...

— Какъ? Чѣмъ?! воскликнулъ я.

Оказалось, что снисходительная всероссійская молва приписывала мнѣ слѣдующее: я будто бы написалъ очеркъ, повѣсть, статью, пасквиль, ужъ не помню что, гдѣ въ самыхъ черныхъ краскахъ изобразилъ — «вывелъ» Щедрина; нечего и прибавлять, что я никогда ничего подобнаго не писалъ, что̀, однако же, не помѣшало ни Щедрину, ни многимъ другимъ быть увѣренными въ справедливости взведенной на меня сплетни до сихъ поръ. Что же сказать о моемъ второмъ бракѣ? Тутъ уже дѣйствовала не сплетня, эта зіяющая рана русской жизни, а злоба насытная, и такъ какъ дѣло шло отъ людей, если, увы, мнѣ и не дорогихъ, но близкихъ, то я вынужденъ былъ изложить, описать подробно мою женитьбу въ моихъ во-

споминаніяхъ, озаглавленныхъ «Исторія моей жизни»; воспоминанія эти моя жена напечатаетъ послѣ моей кончины, когда ей заблагоразсудится; боюсь только, что съ свойственнымъ ей великодушіемъ она захочетъ пощадить людей, которые такъ мало щадили ее самоё.

IV.

Высшее петербургское общество сороковыхъ годовъ. — Н. Д. Кологривова и ея пріемы. — Случай съ графомъ Чернышевымъ. — Графиня А. К. Воронцова-Дашкова и ея балы. — Князь Юсуповъ. — Графъ М. Ю. Віельгорскій и его жена, рожденная герцогиня Бирономъ. — Великая княжна Ольга Николаевна. — Моя женитьба на С. М. Віельгорской. — Эксцентрическая выходка тещи. — Характеристика М. Ю. Віельгорскаго. — Его разсѣянность. — Е. М. Хитрово, рожденная Кутузова. — Забавный анекдотъ. — Эпиграмма Пушкина. — Мужъ и жена Панаевы. — Некрасовъ. — Графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ. — Герценъ. — Мое стихотвореніе, переведенное на французскій языкъ Лермонтовымъ. — Пріемы Карамзиныхъ. — Князь П. А. Вяземскій. — Анекдотъ о князѣ А. Ѳ. Орловѣ. — Князь В. Ѳ. Одоевскій. — Его химическіе обѣды. — Странный разсказъ Гоголя. — А. К. Демидова и ея сестра. — Забавный случай съ Демидовой. — Маленькое происшествіе въ Гельсингфорсѣ. — Великая княгиня Елена Павловна. — Выходка великаго князя Михаила Павловича. — Графъ Ланжеронъ. — Анекдоты о немъ. — Нравы того времени. — Дуэль двухъ пріятелей. — Еще разсказъ о графѣ Ланжеронѣ. — Оригинальный генералъ-амфитріонъ. — Мое поступленіе на службу. — Прикомандированіе меня къ тверскому губернатору графу Толстому. — Знакомство съ Бакунинымъ. — Щекотливое порученіе. — Гоголевскій городничій. — Несчастный калмыкъ. — Таинственный домъ. — Хлыстовскій обрядъ. — Арестъ хлыстовскаго сборища. — Слѣдствіе. — Мое волокитство и непріятная мистификація. — Забавный случай на водахъ.

И такъ, по выходѣ моемъ изъ университета, я пріѣхалъ сначала на дачу къ роднымъ, въ Павловскъ, гдѣ засталъ, какъ и всегда, патріархальный обиходъ жизни бабушки, семью тетки Васильчиковой и т. д. Отецъ же-

лалъ, чтобы я до серьезнаго поступленія на службу побывалъ въ большомъ свѣтѣ настоящемъ, такъ какъ до сихъ поръ мои выѣзды ограничивались кружкомъ семейнымъ и близкихъ знакомыхъ. Въ то время, то есть въ тридцатыхъ годахъ, петербургскій большой свѣтъ былъ настоящимъ большимъ свѣтомъ. Русская знать, еще не обѣднѣвшая, держалась сановито и строго чуждалась наводнившихъ ее впослѣдствіи всякаго рода проходимцевъ. Ко всѣмъ и каждому соблюдалась вѣжливость самая утонченная, гостепріимство самое широкое. Торгашество почиталось позоромъ, всякій поступокъ, могущій подать поводъ къ истолкованіямъ ложнымъ, возбуждалъ порицаніе самое строгое. Хотя безпредѣльно преданный и зависимый отъ двора, «большой свѣтъ» въ то же время съумѣлъ сохранить нѣкоторую независимость. Всѣмъ старожиламъ извѣстенъ слѣдующій весьма характеризующій общество того времени случай: въ Петербургѣ въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ проживала чета Кологривовыхъ; мужъ, неглупый, добрый и любезный, не выходилъ ничѣмъ, впрочемъ, изъ общаго уровня свѣтскихъ людей, но жена его Наталья Дмитріевна была одна изъ умнѣйшихъ и въ то же время оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Не имѣя ни большого состоянія, ни знатнаго происхожденія (ея родные, сколько мнѣ помнится, средней руки помѣщики, жили въ провинціи), не получивъ даже блестящаго образованія, она своимъ здравымъ и яснымъ умомъ, своей безукоризненной добродѣтелью, своимъ справедливымъ, хотя иногда и немного рѣзкимъ, сужденіемъ составила себѣ выдающееся положеніе въ свѣтѣ. Весь Петербургъ толпился, именно толпился, въ ея гостиной, и она принадлежала къ тому избранному числу старушекъ, мнѣніе которыхъ составляетъ авторитетъ. Насъ съ братомъ дѣтьми

иногда водили къ ней, и мы присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Боже мой, что это былъ за туалетъ! Недаромъ Наталья Дмитріевна слыла за одну изъ безобразнѣйшихъ женщинъ въ Россіи — она вполнѣ оправдывала эту репутацію. Маленькаго роста, толстая, горбатая, вся перекривленная, со множествомъ бородавокъ на буромъ лицѣ, съ горбатымъ кривымъ носомъ, она торжественно возсѣдала передъ своимъ зеркаломъ и тщательно съ помощью своихъ горничныхъ расчесывала свои короткіе сѣдые волосы; потомъ она напяливала себѣ на голову нѣчто среднее между чепцомъ и платочкомъ, и проворно своими пальцами, тоже кривыми, завязывала бантъ, концы котораго какъ рога торчали на ея темени. Облачившись въ неизмѣнный лѣтомъ и зимою коричневый шелковый капотъ и натянувъ на плечи черную бархатную мантилью, она, оглянувъ себя въ зеркалѣ, поворачивалась къ намъ и пресерьезно насъ спрашивала: «Что, хороша я еще?» И мы, и горничныя Натальи Дмитріевны разсыпались, разумѣется, въ восторженныхъ похвалахъ.

У Кологривовой, какъ я уже сказалъ выше, бывалъ весь Петербургъ, но Петербургъ избранный, такъ что даже люди, занимавшіе іерархически очень высокія должности, не всегда были допускаемы въ ея гостиную, если за ними водились худо скрываемые грѣхи. Однажды, графъ Чернышевъ, тогдашній военный министръ, не будучи знакомымъ съ Кологривовой, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и безъ доклада вошелъ въ гостиную, переполненную посѣтителями. Наталья Дмитріевна не отвѣтила на его поклонъ, позвонила и, грозно глянувъ на вошедшаго слугу, громко проговорила своимъ басистымъ голосомъ: «Спроси швейцара, съ какихъ поръ онъ пускаетъ ко мнѣ лакеевъ?» Сановникъ едва унесъ ноги, а на другой день весь именитый Пе-

тербургъ перебывалъ у Натальи Дмитріевны. Надо сказать, что графъ Чернышевъ только благодаря сдѣланной имъ карьерѣ былъ «выносимъ» въ свѣтѣ; а о немъ самомъ, его происхожденіи, ходили самые непривлекательные слухи. Кромѣ Нарышкиныхъ, о которыхъ я уже подробно разсказывалъ, во главѣ петербургскаго свѣта стояли слѣдующія семейства: князь и княгиня Барятинскіе, по знатности рода, богатству, связямъ, занимали первенствующее положеніе; князь и княгиня Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, графъ и графиня Строгоновы, графъ и графиня Віельгорскіе, — о нихъ я поговорю потомъ подробно, такъ какъ въ 1840 году я женился на ихъ дочери, моей первой женѣ.

Самымъ блестящимъ, самымъ моднымъ и привлекательнымъ домомъ въ Петербургѣ былъ въ то время домъ графа Ивана Воронцова-Дашкова, благодаря очаровательности его молодой жены, прелестной графини Александры Кирилловны. Я былъ съ нею въ родствѣ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и потому запросто ежедневно бывалъ у нея. Много случалось встрѣчать мнѣ на моемъ вѣку женщинъ гораздо болѣе красивыхъ, можетъ быть, даже болѣе умныхъ, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновеннымъ остроуміемъ, но никогда не встрѣтилъ я ни въ одной изъ нихъ такого соединенія самаго тонкаго вкуса, изящества, граціи съ такой неподдѣльной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живымъ ключемъ била въ ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее. Много женщинъ впослѣдствіи пытались ей подражать, но ни одна изъ нихъ не могла казаться тѣмъ, чѣмъ та была въ дѣйствительности. Каждую зиму Воронцовы давали балъ, который дворъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Весь цвѣтъ

петербургскаго свѣта приглашался на этотъ балъ, составлявшій всегда, такъ сказать, происшествіе въ свѣтской жизни столицы. Въ день или, скорѣе, въ вечеръ, торжества домъ-дворецъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ представлялъ великолѣпное зрѣлище; на каждой ступени роскошной лѣстницы стояло по два ливрейныхъ лакея внизу въ бѣлыхъ кафтанахъ—ливрея Дашковыхъ, на второй половинѣ лѣстницы въ красныхъ кафтанахъ—ливрея Воронцовыхъ. Къ десяти часамъ всѣ съѣзжались и размѣщались въ ожиданіи высокихъ гостей въ двухъ первыхъ залахъ. Когда приходила вѣсть, что государь и императрица выѣхали изъ дворца, мажордомъ Воронцова,—итальянецъ, кажется, звали его Риччи (его зналъ весь Петербургъ), — въ черномъ бархатномъ фракѣ, короткихъ бархатныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ, со шпагой съ боку и треуголкой подъ локтемъ, проворно спускался съ лѣстницы и становился въ сопровожденіи двухъ дворецкихъ у подъѣзда; графъ Воронцовъ помѣщался на первой ступени лѣстницы, графиня ожидала на первой площадкѣ. Императрица, опираясь на локоть графа Воронцова, поднималась на лѣстницу. Государь слѣдовалъ за нею; императрица съ свойственной ей благосклонностью обращалась къ присутствующимъ и открывала балъ, шествуя полонезъ съ хозяиномъ. Мажордомъ Риччи ни на секу́нду не покидалъ императрицы, всегда стоя на нѣсколько шаговъ позади ея, а во время танцевъ держась въ дверяхъ танцовальной залы. Ужинъ императрицы сервировался на отдѣльномъ небольшомъ столѣ на посудѣ изъ чистаго золота; императрица ужинала одна; государь, по обыкновенію, прохаживался между столами и садился, гдѣ ему было угодно.

Балы князя Юсупова, который также по своему огром-

ному богатству занималъ видное положеніе въ свѣтѣ, отличались тѣмъ же великолѣпіемъ, но не имѣли того оттѣнка врожденнаго щегольства и барства, которымъ отличались пріемы графа Воронцова-Дашкова. Скаредность Юсуповыхъ легендарна. Я однажды слышалъ слѣдующее распоряженіе Юсупова *). Государь и императрица удостоили въ тотъ вечеръ балъ Юсупова своимъ присутствіемъ; проводивъ высокихъ гостей до танцовальной залы, Юсуповъ вышелъ на лѣстницу и крикнулъ одному изъ дворецкихъ: «Дать выѣздному ихъ величествъ два стакана чаю, а кучеру одинъ». Жена Юсупова, рожденная Нарышкина, была очень хороша собой и привѣтлива; послѣ кончины князя она вышла замужъ за француза и навсегда поселилась во Франціи.

Пріемы Віельгорскихъ имѣли совершенно другой отпечатокъ; у нихъ рѣдко танцовали, но почти каждую недѣлю на половинѣ самого графа, то есть въ его отдѣльномъ помѣщеніи, устраивались концерты, въ которыхъ принимали участіе всѣ находившіяся въ то время въ Петербургѣ знаменитости. Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ любимыхъ русскихъ меценатовъ; все этому въ немъ способствовало; большое состояніе, огромныя связи, высокое, такъ сказать, совершенно выходящее изъ ряда общаго, положеніе, которое онъ занималъ при дворѣ, тонкое пониманіе искусства, наконецъ, его блестящее и вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезное образованіе и самый добрый и простой нравъ. Совершеннымъ противорѣчіемъ ему являлась его жена, рожденная герцогиня Луиза Бирон. Это была женщина гордости недоступной, странно какъ-то сочетавшейся съ

*) Отца теперешняго князя.

самымъ искреннимъ христіанскимъ уничиженіемъ, — мнѣ случалось быть свидѣтелемъ выходокъ самаго необычнаго высокомѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать при сценахъ, въ которыхъ она являлась женщиной самой трогательной доброты. Дѣтей своихъ она боготворила; у нея ихъ было пятеро; три дочери: старшая Аполина Михайловна, вышедшая замужъ за Веневитинова, вторая—Софья Михайловна, на которой я женился 13-го ноября 1840 года, третья—Анна Михайловна, кажется, единственная женщина, въ которую влюбленъ былъ Гоголь,—вышла замужъ за князя Шаховского, но недолго съ нимъ жила, и, наконецъ, два сына, оба умершіе въ молодыхъ лѣтахъ. Графъ Віельгорскій женился на родной сестрѣ своей первой жены, и потому свадьба ихъ навлекла на нихъ въ первое время неудовольствіе двора и большого свѣта. Дѣло было тотчасъ послѣ Вѣнскаго конгресса, въ то время какъ императоръ Александръ I и весь дворъ былъ проникнутъ самымъ строгимъ мистицизмомъ. Тесть мой съ Луизой Карловной уѣхалъ въ свое курское помѣстье Луизино, гдѣ прожилъ съ своей женою нѣсколько лѣтъ; потомъ они возвратились въ Петербургъ, гдѣ снова заняли то высокое положеніе, на которое по связямъ и рожденію имѣли право. Старшій сынъ ихъ воспитывался съ наслѣдникомъ, впослѣдствіи государемъ Александромъ II, а дочери ежедневно проводили по нѣсколько часовъ съ великими княжнами и сохранили съ ними на всю жизнь самыя близкія, самыя дружескія отношенія. Когда свадьба моя съ моей первой женою была объявлена, великая княжна Ольга Николаевна, потомъ королева виртембергская, тотчасъ же пріѣхала поздравить свою пріятельницу; я находился въ то время у Віельгорскихъ; великая княжна благосклонно со мной поздорова-

лась, потомъ вышла въ другую комнату и увела съ собою мою невѣсту. «Онъ написалъ нѣсколько хорошенькихъ разсказовъ, сказала великая княжна: — онъ, говорятъ, уменъ и собою недуренъ, но зачѣмъ на немъ этотъ красный жилетъ?» Надо сказать, что на сколько впослѣдствіи я славился небрежностью своей одежды, на столько тогда я щеголялъ, и этотъ красный жилетъ казался мнѣ верхомъ изящнаго вкуса. Свадьба наша совершилась съ необыкновенною пышностью въ Малой церкви Зимняго дворца; насъ вѣнчалъ отецъ Бажановъ, и государь Николай Павловичъ соизволилъ быть посаженнымъ отцемъ; весь дворъ затѣмъ присутствовалъ на вечерѣ у Віельгорскихъ. Теща моя, всегда эксцентрическая, выкинула штуку при этомъ, о которой я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Для жены моей и меня въ домѣ моего тестя была приготовлена квартира, которая, разумѣется, сообщалась внутреннимъ ходомъ съ аппартаментомъ родителей моей жены. Теща моя была до болѣзни строптива насчетъ нравственности и, предвидя, что ея двумъ дочерямъ дѣвушкамъ, — младшей изъ нихъ Аннѣ едва минулъ тринадцатый годъ, — придется, можетъ быть, меня видѣть иногда не совершенно одѣтымъ, вотъ что придумала: приданое жены моей было верхомъ роскоши и моды, и такъ какъ въ тѣ времена еще строго придерживались патріархальныхъ обычаевъ, для меня были заказаны двѣ дюжины тончайшихъ батистовыхъ рубашекъ и великолѣпный атласный халатъ; халатъ этотъ, въ день нашей свадьбы, былъ по обычаю выставленъ въ брачной комнатѣ и, когда гости стали разъѣзжаться, моя теща туда отправилась, надѣла на себя этотъ халатъ и стала прогуливаться по комнатамъ, чтобы глаза ея дочерей привыкли къ этому убійственному, по ея мнѣнію, зрѣлищу.

Дочерей своихъ она, не смотря на роскошь ихъ окружающую, одѣвала чрезвычайно просто, такъ просто, что императрица Александра Ѳеодоровна, славившаяся своимъ изящнымъ щегольствомъ и вкусомъ, не однажды упрекала графиню Вielьгорскую въ излишней простотѣ одежды ея дочерей; графиня почтительно присѣдала, но не измѣняла своихъ правилъ.

Графъ Вielьгорскiй, какъ я уже сказалъ, ни въ чемъ не походилъ на свою супругу; это былъ типъ «барина, добраго малаго», умѣвшаго необыкновенно искусно соединить въ себѣ самаго тонкаго царедворца съ человѣкомъ, любившимъ и пользовавшимся не только всѣмъ хорошимъ, но и всѣмъ грѣшнымъ. Столъ его славился въ тѣ времена, когда въ Петербургѣ трудно было удивить хорошимъ обѣдомъ. Его всегда приглашали пріятели, когда какой нибудь изъ нихъ пробовалъ повара, или какое нибудь необыкновенное кушанье или вино и т. д.; сужденіе его составляло авторитетъ и всегда было чистосердечно—нерѣдко даже безжалостно; такъ, однажды, на одномъ большомъ обѣдѣ у Бутурлиныхъ, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ онъ находитъ вино будто бы 1827 года?» — «Не знаю, вино ли ваше 1827 года, но масло навѣрное!» отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Вielьгорскiй. Онъ былъ разсѣянности баснословной; однажды, пригласивъ къ себѣ на огромный обѣдъ весь находившiйся въ то время въ Петербургѣ дипломатическiй корпусъ, онъ совершенно позабылъ объ этомъ и отправился обѣдать въ клубъ; возвратясь, по обыкновенiю, очень поздно домой, онъ узналъ о своей оплошности и на другой день отправился, разумѣется, извиняться передъ своими озадаченными гостями, которые наканунѣ въ звѣздахъ и лентахъ явились въ назначенный часъ и никого

не застали дома; всѣ знали его разсѣянность, всѣ любили его и потому со смѣхомъ ему простили; одинъ баварскій посланникъ не могъ переварить неумышленной обиды, и съ тѣхъ поръ къ Віельгорскому ни ногой.

Братъ моего тестя, графъ Матвѣй Юрьевичъ, далеко былъ не схожъ характеромъ, съ своимъ братомъ; онъ былъ также человѣкъ очень ученый, умный и добрый, но гораздо сдержаннѣе и серьёзнѣе своего брата; его неудавшаяся свадьба съ графиней Строгоновой осталась навсегда загадкой для всѣхъ близко знавшихъ его людей.

Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться модньімъ словомъ, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рожденью не принадлежали къ петербургской знати, но доблестное положеніе, которое занялъ въ исторіи Россіи фельдмаршалъ, выдвинуло ихъ на первое мѣсто; у Кутузова было пять дочерей: старшая, выпедшая за Матвѣя Толстаго, вторая замужемъ сперва за графомъ Тизенгаузеномъ, отъ котораго имѣла двухъ дочерей: извѣстную красавицу графиню Фикельмонтъ, жену австрійскаго посла при россійскомъ дворѣ, и фрейлину графиню Екатерину Ѳеодоровну Тизенгаузенъ — потомъ камерфрейлину, выпедшую за Хитрово; третья въ замужествѣ за Опочининымъ, четвертая за татарскимъ или грузинскимъ княземъ Кудашевымъ и пятая за другимъ Хитрово. Самою изъ нихъ извѣстной и самою привлекательной была, разумѣется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имѣла сонмище поклонниковъ, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранникомъ, что̀ въ тѣ времена была большая рѣдкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала

въ высшей степени свѣтскостью, привѣтливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встрѣчается въ настоящихъ большихъ барыняхъ. Въ ея салонѣ, кромѣ представителей большого свѣта, ежедневно можно было встрѣтить Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго и двухъ, трехъ другихъ тогдашнихъ модныхъ литераторовъ. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала слѣдующій анекдотъ. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала въ кровати и принимала избранныхъ посѣтителей у себя въ спальнѣ; когда гость допускался къ ней, то, поздоровавшись съ хозяйкой, онъ, разумѣется, намѣревался сѣсть; г-жа Хитрово останавливала его:—«Нѣтъ, не садитесь на это кресло, это Пушкина,—говорила она:—нѣтъ, не на диванъ—это мѣсто Жуковскаго, нѣтъ, не на этотъ стулъ—это стулъ Гоголя—садитесь ко мнѣ на кровать: это мѣсто всѣхъ! («Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde»). У Елизаветы Михайловны были знаменитыя своей красотой плечи; она по модѣ того времени часто ихъ показывала, и даже сильно ихъ показывала; по этому поводу Пушкинъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

Лиза смолоду была
Лизой миленькой,
Лиза смолоду слыла
Лизой голенькой.
Но, увы! пора прошла,
Наша Лиза отцвѣла.
Не попрежнему мила,
Но попрежнему гола!

Съ именемъ второй дочери Елизаветы Михайловны, графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ, связывается въ моей памяти обстоятельство, имѣвшее потомъ большое

значеніе. Въ сороковыхъ годахъ (я уже не однажды просилъ благосклонныхъ читателей не пенять на меня за числа, на которыя я страшно безтолковъ) я часто посѣщалъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ чету Панаевыхъ; романы Панаева тогда усердно читались, а жена его была одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ Петербургѣ; немалой приманкой также для посѣтителей дома Панаевыхъ служило почти постоянное въ немъ присутствіе знаменитаго потомъ народнаго поэта Некрасова. Въ то время Некрасовъ еще далеко не пользовался той извѣстностью и популярностью, которую пріобрѣлъ впослѣдствіи, но и тогда уже его своеобразный талантъ имѣлъ много почитателей. Итакъ я посѣщалъ довольно часто Панаевыхъ и однажды вечеромъ послѣ пріятнаго обѣда былъ осажденъ слѣдующей просьбой со стороны г-жи Панаевой.

— Графъ, сказала мнѣ хорошенькая хозяйка, — вы знаетесь съ такими важными людьми, у васъ такія большія связи, сдѣлайте доброе дѣло — помогите одному совершенно невинно политически пострадавшему молодому человѣку.

— Да, онъ заслуживаетъ состраданія,—въ свою очередь, замѣтилъ Панаевъ.

— И вниманія, прибавилъ Некрасовъ, — потому что человѣкъ онъ не дюжинный.

И они съ большимъ жаромъ разсказали мнѣ исторію этого невинно пострадавшаго,—исторію, о которой я уже, впрочемъ, слышалъ много. Возвращаясь домой, я сообразилъ, что путемъ обыкновеннаго заступничества ничего нельзя будетъ добиться; но я зналъ неисчерпаемую доброту императрицы Александры Ѳеодоровны и потому рѣшился обратиться лично къ ней черезъ одну изъ болѣе приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ; выборъ мой

палъ на графиню Тизенгаузенъ, которую императрица особенно любила и отличала. Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ съ свойственной ей добротой и обязательностью согласилась ходатайствовать передъ императрицей о нашемъ protegé. Государь Николай Павловичъ, неуклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, часто уступалъ, однако, просьбамъ императрицы; но на этотъ разъ отказалъ наотрѣзъ; нѣсколько разъ императрица возобновляла объ этомъ разговоръ, и всегда получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ»; но, наконецъ, согласился онъ и точно «pro memoria» проговорилъ:

— Хорошо, но за послѣдствія не отвѣчаю.

Молодому человѣку былъ выданъ заграничный паспортъ, и онъ отправился въ Лондонъ. Звали его Александръ Ивановичъ Герценъ.

Елизавета Михайловна Хитрово вдохновила мое первое стихотвореніе: оно, какъ и другіе мои стихи, увы, не отличается особеннымъ талантомъ, но замѣчательно тѣмъ, что его исправлялъ и перевелъ на французскій языкъ Лермонтовъ.

Самой остроумной и ученой гостиной въ Петербургѣ была, разумѣется, гостиная г-жи Карамзиной, вдовы извѣстнаго историка; здѣсь уже царствовалъ элементъ чисто литературный, хотя и бывало также много людей свѣтскихъ. Все, что было извѣстнаго и талантливаго въ столицѣ, каждый вечеръ собиралось у Карамзиныхъ; пріемы отличались самой радушной простотой; дамы пріѣзжали въ простыхъ платьяхъ, на мужчинахъ фраки были цвѣтные, и то потому, что тогда другой одежды не носили. Но, не смотря на это, пріемы эти носили отпечатокъ самаго тонкаго вкуса, самой высокопробной добропорядочности. Совсѣмъ иными являлись пріемы князя Петра Вя-

земскаго, тоже тогда моднаго стихотворца, которые, не смотря на аристократичность самого хозяина, представлялись чѣмъ-то въ родѣ толкучаго рынка. Князь Вяземскій, человѣкъ остроумный и любезный, имѣлъ слабость принимать у себя всѣхъ и каждаго. Рядомъ съ графомъ, потомъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, тогда всесильнымъ сановникомъ и любимцемъ императора, на диванѣ возсѣдала въ допотопномъ чепцѣ какая нибудь мелкопомѣстная помѣщица изъ Сызранскаго уѣзда; подлѣ воркующей о послѣдней аріи итальянской примадонны, свѣтской красавицы, егозилъ какой нибудь армяшка, чуть ли не торгующій лабазнымъ товаромъ въ Тифлисѣ. Имя князя Орлова пришлось мнѣ подъ перо, и при этомъ я припомнилъ анекдотъ, слышанный мною недавно отъ одного изъ близко знавшихъ его людей.

Всѣмъ извѣстно, что князь Орловъ былъ едва ли не самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ императора Николая I. Но въ старости умъ его ослабѣлъ, память ему измѣнила, и онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству; тѣмъ не менѣе всѣ относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, и проживающіе въ провинціи его бывшіе знакомые или подчиненные считали, бывая въ Петербургѣ, своею обязанностью его посѣтить. Однажды, къ князю Орлову явился варшавскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Абрамовичъ, человѣкъ очень раздражительный и нервный. Кназь Орловъ принялъ его радушно и тотчасъ же освѣдомился о томъ, что дѣлаетъ его старый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство, съ изумленіемъ отвѣтилъ Абрамовичъ: — вотъ уже пять лѣтъ тому назадъ какъ фельдмаршалъ Паскевичъ умеръ!!

— Онъ умеръ, горестно замѣтилъ Орловъ (онъ раз-

умѣется, сто разъ слышалъ о кончинѣ Паскевича),—какъ жаль! Какая потеря для государства!

Абрамовичъ перемѣнилъ разговоръ, но Орловъ нѣсколько разъ прерывалъ его, освѣдомляясь о здоровьѣ своего пріятеля Паскевича. Наконецъ, когда Орловъ, еще разъ устремивъ въ потолокъ свой помутившійся взоръ, промолвилъ:

— Вотъ вы изъ Варшавы теперь пріѣхали, генералъ; скажите-ка мнѣ, что дѣлаетъ мой добрый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство, онъ васъ ожидаетъ! съ горячностью вскрикнулъ Абрамовичъ, всталъ, раскланялся и ушелъ вонъ.

У добрѣйшаго и сердечнаго князя Одоевскаго также часто собирались по вечерамъ; но эти пріемы опять имѣли другой отпечатокъ. Князь Одоевскій былъ едва ли не самый скромный человѣкъ, какого мнѣ случалось встрѣтить на моемъ вѣку; про него мой пріятель графъ Фредро говорилъ, «что онъ тогда поймете и оцѣнитъ русское дворянство, когда князь Одоевскій убѣдится, что его имя гораздо болѣе означаетъ въ русской исторіи, чѣмъ имя графа Клейнмихеля». Одоевскій былъ дѣйствительно послѣдній представитель самаго древняго рода въ Россіи; но это было, что называется, его послѣдней заботой; весь погруженный въ свои сочиненія, онъ употреблялъ свой досугъ на изученіе химіи, и эта страсть къ естественнымъ наукамъ очень накладно отзывалась на его пріятеляхъ: онъ разъ въ мѣсяцъ приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ, и мы уже заранѣе страдали желудкомъ; на этихъ обѣдахъ подавались къ кушаньямъ какіе-то придуманные самимъ хозяиномъ химическіе соусы, до того отвратительные, что даже теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, у меня

скребетъ на сердцѣ при одномъ воспоминаніи о нихъ. Одоевскій не обладалъ большимъ талантомъ, но его сочиненія проникнуты той безконечной добротой и благонамѣренностью, которая была основой его характера. Онъ отличался еще тою особенностью, что самымъ невиннымъ образомъ и совершенно чистосердечно и безъ всякой задней мысли разсказывалъ дамамъ самыя неприличныя вещи; въ этомъ онъ совершенно не походилъ на Гоголя, который имѣлъ даръ разсказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнѣва со стороны своихъ слушательницъ, тогда какъ бѣднаго Одоевскаго прерывали съ негодованіемъ. Между тѣмъ Гоголь всегда грѣшилъ преднамѣренно, тогда какъ князь Одоевскій, какъ я уже сказалъ, былъ въ самомъ дѣлѣ невиннѣе агнца. Я уже имѣлъ случай слазать, что теща моя, графиня Віельгорская, была строптива до болѣзненности. Вѣкъ мнѣ не забыть, какъ однажды я присутствовалъ при одномъ разсказѣ, переданномъ ей Гоголемъ. Высоко-талантливый писатель уже начиналъ страдать тѣми припадками меланхоліи и затемнѣніемъ памяти, которые были грустными предшественниками его кончины. Онъ былъ съ Віельгорскими и со мною въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и потому видѣлись мы каждый день, если случай сводилъ насъ быть въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ и случилось въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ и гдѣ также въ то время находилась графиня Віельгорская. Гоголь проживалъ тогда у графа Толстаго и былъ погруженъ въ тотъ совершенный мистицизмъ, которымъ ознаменовались послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ грустенъ, тупо глядѣлъ на все окружающее его потускнѣвшій взоръ, слова утратили свою неумолимую мѣткость и тонкія губы какъ-то угрюмо сжались. Графиня Віельгорская старалась, какъ

могла, развеселить Николая Васильевича, но не успѣвала въ этомъ; вдругъ блѣдное лицо писателя оживилось, на губахъ опять заиграла та всѣмъ намъ извѣстная лукавая улыбочка и въ потухающихъ глазахъ засвѣтился прежній огонекъ.

— Да, графиня, началъ онъ своимъ рѣзкимъ голоскомъ, — вы вотъ говорите про правила, про убѣжденія, про совѣсть,—графиня Вielьгорская въ эту минуту говорила совершенно объ иномъ, но, разумѣется, никто изъ насъ не сталъ его оспаривать,—а я вамъ доложу, что въ Россіи вы вездѣ встрѣтите правила, разумѣется, сохраняя размѣры. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, продолжалъ Гоголь, и лицо его какъ-то все сморщилось отъ худо скрываемаго удовольствія, — нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я засидѣлся вечеромъ у пріятеля, гдѣ насъ собралось человѣкъ шесть, охотниковъ покалякать. Когда мы поднялись, часы пробили три удара; собесѣдники наши разбрелись по домамъ, а меня, такъ какъ въ тотъ вечеръ я былъ не совсѣмъ здоровъ, хозяинъ взялся проводить домой. Пошли мы тихо по улицѣ, разговаривая; ночь стояла чудесная, теплая, безлунная, сухая и на востокѣ уже начинала бѣлѣть заря—дѣло было въ началѣ августа. Вдругъ пріятель мой остановился посреди улицы и сталъ упорно глядѣть на довольно большой, но неказистый и даже, сколько можно было судить при слабомъ освѣщеніи начинавшейся зари, довольно грязный домъ. Мѣсто это, хотя человѣкъ онъ былъ и женатый, видно, было ему знакомое, потому что онъ съ удивленіемъ пробормоталъ: «Да зачѣмъ же это ставни закрыты и темно такъ?.. Простите Николай Васильевичъ, обратился онъ ко мнѣ, — но подождите меня, я хочу узнать...» И онъ быстро перешелъ улицу и прильнулъ къ низенькому, ярко освѣщенному окну, какъ-

то криво выглядывающему изъ-подъ воротъ дома съ мрачно замкнутыми ставнями. Я тоже, заинтересованный, подошелъ къ окну (читатели не забыли, что разсказываетъ Гоголь). Странная картина мнѣ представилась: въ довольно большой и опрятной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ и яркими занавѣсками у оконъ, въ углу, передъ большимъ кіотомъ образовъ, стоялъ налой, покрытый потертой парчей; передъ налоемъ высокій дородный и уже немолодой священникъ, въ темномъ подрясникѣ, совершалъ службу, повидимому, молебствіе; худой, заспанный дьячекъ вяло, повидимому, подтягивалъ ему. Позади священника, нѣсколько вправо, стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женщина, на видъ лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, одѣтая въ яркое зеленое шелковое платье и съ чепцомъ, украшеннымъ пестрыми лентами на головѣ; она держалась сановито и грозно, изрѣдка поглядывая вокругъ себя; за нею, большей частью, на колѣняхъ, расположилось пятнадцать или двадцать женщинъ, въ красныхъ, желтыхъ и розовыхъ платьяхъ, съ цвѣтами и перьями, въ завитыхъ волосахъ; ихъ щеки рдѣли такимъ неприроднымъ румянцемъ, ихъ наружность такъ мало соотвѣтствовала совершаемому въ ихъ присутствіи обряду, что я невольно расхохотался и посмотрѣлъ на моего пріятеля; онъ только пожалъ плечами и еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ уставился на окно. Вдругъ, калитка подлѣ воротъ съ шумомъ растворилась и на порогѣ показалась толстая женщина, лицомъ очень похожая на ту, которая въ комнатѣ такъ важно присутствовала на служеніи.

— А, Прасковья Степановна, здравствуйте! вскричалъ мой пріятель, поспѣшно подходя къ ней и дружески потрясая ея жирную руку:—что это у васъ происходитъ?

— А вотъ, забасила толстуха,—сестра съ барышнями

на Нижегородскую ярмарку собирается, такъ пообѣщалась для добраго почина молебенъ отслужить.

— Такъ вотъ, графиня, прибавилъ уже отъ себя Гоголь,—что же говорить о правилахъ и обычаяхъ у насъ въ Россіи?

Можно себѣ представить, съ какимъ взрывомъ хохота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ изумленіемъ мы выслушали разсказъ Гоголя; надо было уже дѣйствительно быть очень больнымъ, чтобы въ присутствіи цѣлаго общества разсказать графинѣ Віельгорской подобный анекдотецъ.

Описывая петербургскіе салоны того времени, нельзя не упомянуть объ Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, женѣ Павла Демидова, брата знаменитаго Анатоля, князя Санъ-Донато. Но тогда какъ Анатоль Демидовъ проживалъ почти всегда къ Парижѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконецъ, своей женитьбой на хорошенькой принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ,—Павелъ Демидовъ жилъ постоянно въ Петербургѣ въ своемъ великолѣпномъ домѣ и принималъ всю столицу. Не однимъ своимъ огромнымъ богатствомъ, котораго въ тѣ времена было недостаточно, чтобы втесаться въ большой петербургскій свѣтъ, но своимъ просвѣщеннымъ поощреніемъ искусствамъ и наукамъ, своею широкою благотворительностью, Демидовы пріобрѣли себѣ то, что французы называютъ «droit de cité». Аврора Карловна Демидова, финляндская уроженка, считалась и была на самомъ дѣлѣ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ; многіе предпочитали ей ея сестру, графиню Мусину-Пушкину, ту графиню Эмилію, о которой влюбленный въ нее Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе:

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія и т. д.

Трудно было рѣшить, кому изъ обѣихъ сестеръ слѣдовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть можетъ, еще обаятельнѣе своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнѣе и строже. Посреди роскоши, ее окружающей, она оставалась, на сколько это было возможно, проста; мнѣ часто случалось встрѣчать ее на большихъ балахъ въ одноцвѣтномъ гладкомъ платьѣ, съ тоненькой цѣпочкой, украшавшей ея великолѣпную шею и грудь; правда, на этой цѣпочкѣ висѣлъ знаменитый Демидовскій брилліантъ-солитеръ, купленный, кажется, за милліонъ рублей ассигнаціями. Аврора Карловна Демидова разсказала мнѣ однажды очень смѣшной случай изъ ея жизни; возвращаясь домой, она озябла, и ей захотѣлось пройдтись нѣсколько пѣшкомъ; она отправила карету и лакея домой, а сама направилась по тротуару Невскаго къ своему дому; дѣло было зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ, наступили уже тѣ убійственныя петербургскія сумерки, которыя въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отравляютъ жизнь обитателямъ столицы; но Демидова шла не спѣша, съ удовольствіемъ вдыхая морозный воздухъ; вдругъ къ ней подлетѣлъ какой-то франтъ и, предварительно расшаркавшись, попросилъ у нея позволенія проводить ее домой; онъ не замѣтилъ ни царственной представительности молодой женщины, ни ея богатаго наряда, и только какъ истый нахалъ воспользовался тѣмъ, что она одна и упускать такого случая не слѣдуетъ. Демидова съ улыбкой наклонила голову, какъ бы соглашаясь на это предложеніе, франтъ пошелъ съ нею рядомъ и заегозилъ, засыпая ее вопросами. Аврора Карловна из-

рѣдка отвѣчала на его разспросы, ускоряя шаги, благо домъ ея былъ невдалекѣ.

Приблизившись къ дому, она остановилась у подъѣзда и позвонила.

— Вы здѣсь живете?! изумленно вскрикнулъ провожавшій ее господинъ.

Швейцаръ и цѣлая толпа офиціантовъ въ роскошныхъ ливреяхъ кинулись навстрѣчу хозяйкѣ.

— Да, здѣсь, улыбаясь, отвѣтила Демидова.

— Ахъ, извините! забормоталъ нахалъ, — я ошибся... я не зналъ вовсе...

— Куда же вы? спросила его насмѣшливо Аврора Карловна, видя, что онъ собирается улизнуть,—я хочу представить васъ моему мужу!

— Нѣтъ-съ, извините, благодарствуйте, извините... залепеталъ франтъ, опреметью спускаясь со ступенекъ крыльца.

Лѣто Демидовы, большею частью, проводили въ Финляндіи, въ окрестностяхъ Гельсингфорса, куда также пріѣзжала прелестная графиня Пушкина. За ними туда собиралось довольно большое и очень изысканное общество; образъ жизни былъ чисто дачный, съ тѣмъ оттѣнкомъ щегольства и моды, который всюду за собою заносятъ свѣтскіе люди. Я два лѣта сряду провелъ въ Финляндіи и былъ одинъ разъ героемъ одного маленькаго происшествія, которому придали гораздо болѣе значенія, чѣмъ оно въ сущности имѣло. Насъ собралось на берегу моря общество, человѣкъ въ двадцать мужчинъ и женщинъ, вокругъ бесѣдки, въ которой нѣсколько музыкантовъ въ потѣ лица пилили, безжалостно искажая, какую-то Беллиніевскую мелодію; вдругъ шагахъ въ двадцати отъ нашего кружка боязливо задребезжала какая-то струна, и три,

четыре дѣтскихъ голоска вполголоса затянули какое-то подобіе цыганской пѣсни. Ретивый будочникъ кинулся было на нихъ за то, что они дерзнули забрести въ такое избранное общество, но я поспѣшно всталъ съ своего мѣста и воспротивился строгому намѣренію полицейскаго чина, ввернувъ ему въ ладонь добродушнѣйшимъ образомъ серебряный рубль; онъ почтительно отретировался, а я, шалости ради, сталъ рядомъ съ маленькими пѣвцами и началъ имъ вторить; голосъ у меня былъ тогда хорошій, я себя чувствовалъ, что называется, «въ ударѣ» и черезъ нѣсколько минутъ запѣлъ уже настоящимъ голосомъ во всю грудь; дѣти испуганно кое-какъ мнѣ вторили, а мои собесѣдники сначала разсмѣялись моей выходкѣ, потомъ стали насъ слушать. Окончивъ пѣніе, я взялъ шапку одного изъ мальчиковъ и сталъ очень серьёзно обходить слушателей.

— Ну, господа,—сказалъ я имъ:—вы надо мною потѣшились, теперь извольте платить.

Нечего и прибавлять, что въ шапку посыпались серебряные рубли и что бѣдныя дѣти чуть не обмерли при видѣ этого, точно съ неба спавшаго имъ, богатства, они до того растерялись, что, никого не поблагодаривъ, опрометью кинулись убѣгать домой.

Въ одной изъ боковыхъ залъ Демидовскаго дворца мнѣ часто случалось видѣть наслѣдника Демидовскаго, или, скорѣе, Демидовскихъ богатствъ, тогда красиваго отрока, впослѣдствіи извѣстнаго Павла Павловича Демидова; онъ былъ окруженъ сотнями разныхъ дорогихъ и ухищренныхъ игрушекъ и уже тогда казался всѣмъ пресыщеннымъ не по лѣтамъ. Аврора Карловна страстно его любила, очень занималась его воспитаніемъ и даже, кажется, на сколько это было возможно, была съ нимъ строга. Овдовѣвъ послѣ

Демидова, она вышла замужъ за Андрея Карамзина, сына извѣстнаго историка, убитаго подъ Севастополемъ. Графиня Мусина-Пушкина умерла еще молодою — точно старость не посмѣла коснуться ея лучезарной красоты; за то я видѣлъ не такъ давно Аврору Карловну, и она даже старушкой остается прекрасна.

Въ Михайловскомъ дворцѣ, въ тѣ времена, пріемы не отличались тою эстетичностью, которою они отличались потомъ; не имѣли они также и того политическаго характера, который имъ придала великая княгиня Елена Павловна, занявшая такое могущественное положеніе не только по одному своему сану, но и по своему просвѣщенному уму, по своимъ глубоко-человѣчнымъ убѣжденіямъ и, наконецъ, самому тонкому и самому широкому пониманію искусства. Въ то время она была прелестная принцесса въ полномъ разцвѣтѣ царственной красоты, обожаемая супруга и молодая мать. Великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза гвардіи и всего, что въ Петербургѣ носило мундиръ, былъ въ семейномъ быту и съ приближенными къ себѣ лицами не только добръ и обходителенъ, но даже веселъ до шалости. Весь Петербургъ смѣялся въ свое время маленькой выходкѣ великаго князя, получившей, благодаря стеченію самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, очень комическую сторону. Каждое лѣто въ Петергофѣ дается праздникъ съ фейерверками, иллюминаціями и разными другими затѣями; при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, этому празднику придавался особенно торжественный характеръ. Великій князь Михаилъ Павловичъ на этотъ день назначался генералъ-губернаторомъ Петергофа; я его видѣлъ въ этой должности; грозный, нахмуренный, съ треуголкой, надвинутой на самыя брови, онъ, заложивъ руки за спину, сердито расхаживалъ между

толпами гуляющихъ; онъ, казалось, болѣе чѣмъ когда олицетворялъ свой девизъ: «государь долженъ миловать, а я карать». Но этотъ грозный видъ не мѣшалъ ему даже и тутъ повременамъ предаваться своей страсти щекотать огромный животъ толстаго К., жандармскаго офицера; злополучный капитанъ уже привыкъ къ этой шуткѣ и подобострастно мычалъ всякій разъ, когда великому князю приходила фантазія его пощекотать. Итакъ, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, великій князь шелъ по ярко освѣщенной аллеѣ, вдругъ, подъ какимъ-то очень блистательнымъ вензелемъ, онъ увидѣлъ К. и тотчасъ же туда направился; онъ сталъ къ нему спиной и, чтобы его движеніе было менѣе замѣтно волнами двигающемуся народу, изъ-подъ фалдъ своего мундира сталъ осторожно протягивать руку къ туго обтянутому въ суконныя панталоны животу К.; случилось, что рядомъ съ К. стояла необычайно толстая купчиха; какъ только К. завидѣлъ подходившаго къ нему великаго князя, онъ быстро шепнулъ своей сосѣдкѣ: «Матушка, это великій князь Михаилъ Павловичъ, онъ очень любитъ щекотать толстыхъ дамъ; видно, вы ему понравились, такъ смотрите же осторожнѣе!» — Вдругъ великій князь почувствовалъ подъ своей рукой что-то мягкое, колыхающееся, шелковистое; онъ быстро обернулся; передъ нимъ, вся млѣя и улыбаясь во весь ротъ, низко присѣдала купчиха: августѣйшая рука вмѣсто К. прогуливалась по ея необъятному животу!..

Великій князь Михаилъ Павловичъ очень любилъ дѣлать каламбуры; въ этомъ съ нимъ состязались многіе царедворцы; болѣе другихъ отличался въ этомъ искусствѣ французъ графъ Андре де Ланжеронъ. Я его живо помню, и съ его именемъ связывается самое отрадное мое воспоминаніе, такъ какъ много позже въ его старомъ домѣ, у

его старушки-вдовы, въ свое время красавицы, я встрѣтилъ позднее счастье моей жизни*). Это былъ еще необыкновенно моложавый и стройный старикъ, лѣтъ семидесяти, представлявшій собою олицетвореніе щегольскаго, теперь безслѣдно исчезнувшаго, типа большого барина-француза восемнадцатаго вѣка. Въ первую свою молодость онъ храбро дрался за освобожденіе Америки, потомъ, вернувшись на родину, во Францію, онъ былъ съ Лафайетомъ одинъ изъ первыхъ депутатовъ des Etats Generaux; но вихремъ нагрянула великая революція, и онъ со многими своими соотечественниками бѣжалъ въ Россію — это пристанище всѣхъ тогдашнихъ эмигрантовъ. Его знатное имя, блестящее образованіе, красивая наружность и тонкій умъ выдвинули его скоро впередъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ противъ Франціи, какъ, увы, всѣ эмигранты, извиняя себя тѣмъ, что они дрались не противъ своей родины, а противъ узурпатора. Въ 1814 году, онъ при осадѣ Парижа взялъ укрѣпленную возвышенность Монмартръ и получилъ за это высшій россійскій орденъ—Андреевскую ленту. Въ 1815 году, онъ замѣстилъ герцога Ришельё въ званіи новороссійскаго генералъ-губернатора. Тутъ, благодаря своей необычайной разсѣянности и весьма плохому знанію русскаго языка, онъ подалъ поводъ къ очень смѣшнымъ случаямъ. Однажды, объѣзжая ввѣренный ему край, онъ увидалъ, что скакавшій впереди его адъютантъ, подъѣхавъ къ станціи, стрѣлой вылетѣлъ изъ перекладной, бросился на смотрителя и приколотилъ его; Ланжеронъ, подскакавшій тоже въ эту минуту къ станціи, также выскочилъ изъ своей

*) Графъ В. А. Сологубъ вторично былъ женатъ на внучкѣ графа Ланжерона.

коляски и принялся тузить несчастнаго смотрителя. Потомъ онъ быстро обернулся къ своему адъютанту и добродушно спросилъ его:

— Ah ça, mon cher, pourquoi avons nous battu cet homme?!

Онъ себѣ вообразилъ, что это было въ обычаяхъ края, которымъ онъ управлялъ. Разсказываютъ, что онъ потерялъ расположеніе императора Александра I тѣмъ, что по пріѣздѣ государя въ Одессу онъ по разсѣянности заперъ его на ключъ въ своемъ кабинетѣ, такъ какъ въ Одессѣ дворца не было и государь останавливался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Въ 1823 году, Ланжерона замѣнилъ въ Одессѣ графъ, потомъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; самъ же Ланжеронъ со своей женою переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ занималъ видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ; всякій вечеръ, его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ онъ напереръ острилъ съ хозяиномъ, то въ салонѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиныхъ; вездѣ онъ былъ свой человѣкъ, вездѣ его любили за его утонченную вѣжливость, рыцарскій характеръ и хотя и не глубокій, но мѣткій и веселый умъ. Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, котораго онъ состоялъ членомъ, онъ часто прерывалъ какого нибудь говорящаго члена восклицаніемъ: «Quelle betise!»

Его сослуживецъ съ негодованіемъ обращался къ нему съ вопросомъ:

— Что значитъ эта дерзость?

— А вы думаете, я о вашей рѣчи? — добродушно отвѣчалъ Ланжеронъ: — нѣтъ, я ее совсѣмъ не слушалъ, а вотъ я сегодня собираюсь вечеромъ въ Михайловскій

дворецъ, такъ хотѣлъ приготовить два-три каламбура для великаго князя, только что-то очень глупо выходитъ!

Въ 1828 году, во время турецкой войны, Ланжеронъ состоялъ главнокомандующимъ въ Придунайскихъ княжествахъ; однажды, послѣ довольно жаркаго дѣла, совсѣмъ въ сумерки, въ кабинетъ къ нему врывается плотно закутанная въ черный плащъ и съ густымъ вуалемъ на лицѣ какая-то незнакомая ему дама, бросается ему на шею и шопотомъ начинаетъ говорить ему, что она его обожаетъ и убѣжала, пока мужа нѣтъ дома, чтобы, во-первыхъ, съ нимъ повидаться, во-вторыхъ, напомнить ему, чтобы онъ не забылъ попросить главнокомандующаго о томъ, что вчера было между ними условлено. Ланжеронъ тотчасъ же сообразилъ, что дама ошибается, принимаетъ его, вѣроятно, за одного изъ его подчиненныхъ, но, какъ истый волокита, не разувѣрилъ свою посѣтительницу, а, напротивъ, очень успѣшно розыгралъ роль счастливаго любовника; какъ и слѣдовало ожидать, все разъяснилось на другой же день, но отъ этого Ланжеронъ вовсе не омрачился и, встрѣтивъ, нѣсколько дней спустя, на балѣ свою посѣтительницу, которая оказалась одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Валахіи, онъ любезно подошелъ къ ней и съ самой утонченной любезностью сказалъ ей, что онъ передалъ главнокомандующему ея порученіе и что тотъ въ ея полномъ распоряженіи. Дама осталась очень довольна, но адъютантъ, говорятъ, подалъ въ отставку. Такъ какъ воспоминанія не романъ и въ нихъ допускается нѣкоторая игривость, я позволю себѣ разсказать одинъ слышанный мною лѣтъ сорокъ тому назадъ анекдотъ, который мнѣ почему-то вспомнился при описаніи похожденій Ланжерона. Въ столицѣ проживалъ, тому уже давно, одинъ очень важный сановникъ, имѣв-

шій, какъ и многіе его собраты, большую склонность къ женскому полу. Лѣто вельможа проводилъ на одномъ изъ модныхъ петербургскихъ острововъ, гдѣ имѣлъ великолѣпную собственную дачу, примыкавшую къ Большой или Малой Невѣ, уже не помню; на противоположной сторонѣ, на рѣкѣ, были устроены женскія купальни; эти купальни посѣщались женами мелкихъ чиновниковъ, купчихами, богатыми мѣщанками и т. п. Сановникъ, какъ я уже сказалъ, былъ и любитель, и знатокъ, и потому въ одной изъ бесѣдокъ своего сада устроилъ нѣчто въ родѣ обсерваціоннаго пункта, который ежедневно усердно посѣщалъ; въ одинъ особенно жаркій день, часовъ около четырехъ пополудни, онъ по обыкновенію направился въ свою бесѣдку и, взявшись за бинокль, навелъ его на купальню. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ восторга и выронилъ изъ рукъ бинокль.

— Батюшка! — закричалъ онъ, обращаясь къ стоявшему подлѣ него приближенному человѣку, повѣренному всѣхъ его проказъ: — ступайте сейчасъ въ купальню, разузнайте, кто эта красавица, вотъ возьмите и посмотрите въ бинокль, вотъ эта высокая, съ великолѣпной черной косой, что стоитъ сюда спиной... разузнайте, кто она, и непремѣнно, слышите, непремѣнно, пригласите ее ко мнѣ!..

Уже много разъ случалось, что если какая нибудь изъ видѣнныхъ имъ въ купальнѣ дамъ ему особенно нравилась, онъ поручалъ этому своему наперснику пригласить ее къ себѣ на чашку чая... и до сихъ поръ не встрѣчалъ жестокихъ, но никогда ни одной онъ не пожелалъ видѣть съ такимъ жаромъ. Наперсникъ, въ свою очередь, взялся за бинокль и, пристально поглядѣвъ въ него, обратился къ своему начальнику:

— Ваше...—позволилъ онъ себѣ замѣтить:—не будетъ

ли ошибки... вѣдь въ лицо ее совсѣмъ не видать, вѣдь она вся задомъ сюда стоитъ, можетъ, она и нехороша совсѣмъ?..

— Что вы, любезнѣйшій, что вы! — замахалъ на него руками вельможа: — развѣ возможно, чтобы съ такой.. спиной была некрасивая женщина! Вы посмотрите, что у нея за коса!

— Волосы, оно точно...—согласился наперсникъ, опять направляя бинокль.

— Ну, вотъ видите, любезнѣйшій, ступайте же, ступайте скорѣе, я жить не буду, пока вы не вернетесь!— вскричалъ сановникъ.

Повѣренный нѣжныхъ тайнъ ушелъ и вернулся часа черезъ полтора, совершенно сконфуженный.

— Ну, что, что, прійдетъ?—завидя его, нетерпѣливо закричалъ въ саду ожидавшій его сановникъ.

— Не соглашается, ваше...— уныло сказалъ наперсникъ.

Сановникъ страшно разсердился и разразился ругательствами.

— Тутъ маленькое недоразумѣніе,—сконфуженно проговорилъ наперсникъ.

— Что такое? эта дама?..—нетерпѣливо перебилъ его начальникъ.

— Эта дама не дама—это протодіаконъ N—й церкви!.. ваше...—зарѣзалъ начальника Меркурій въ зеленомъ мундирѣ.

Въ тѣ времена волокитство не было удальствомъ, молодой и ухарствомъ, какъ теперь; оно еще было наслажденіемъ, но наслажденіемъ, которое скрывали, на сколько это было возможно. Красотѣ служили, можетъ быть, еще съ большимъ жаромъ, и златокудрая богиня царствовала,

но на всѣ эти грѣхи точно натягивался вуаль изъ легкой дымки, такъ что видѣть можно было, но различить было трудно. Компрометировать женщину считалось стыдомъ, разсказывать о своихъ похожденіяхъ съ свѣтскими дамами въ клубахъ и въ ресторанахъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ теперь, да и грѣха таить нечего, и у насъ тоже случается, почиталось позоромъ. Разъ мнѣ случилось быть секундантомъ при случаѣ, закончившемся и плачевно и смѣшно; дѣло было тотчасъ послѣ выхода моего изъ университета. Клубная жизнь вовсе не была тогда распространена, и мы, свѣтскіе юноши, большею частью, собирались, чтобы покалякать и посмѣяться на квартирѣ одного изъ насъ; денегъ даже самымъ богатымъ изъ насъ родные давали мало, такъ что по ресторанамъ шляться тоже мы не могли, а такъ какъ почти всѣ мы жили съ родителями, то для большей свободы мы сходились на квартирѣ у X.; онъ былъ независимѣе насъ, жилъ совершенно одинъ и имѣлъ большое состояніе; онъ былъ родомъ изъ К. губерніи и по семьѣ не принадлежалъ къ большому свѣту; но онъ былъ уменъ, достаточно по тогдашнему образованъ, ловокъ и съумѣлъ втереться въ нашъ кружокъ, что̀, какъ я уже говорилъ, было въ то время гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, мы собрались однажды у этого X.; насъ было человѣкъ шесть, всѣ одинъ другого моложе и впечатлительнѣе; заговорили о женщинахъ, вдругъ хозяинъ развалился на турецкомъ диванѣ, какъ-то особенно молодцовато сталъ раскуривать свою трубку и принялся намъ разсказывать о своихъ любовныхъ похожденіяхъ съ княгиней Z., одной изъ самыхъ красивыхъ и модныхъ женщинъ въ Петербургѣ. Сначала мы слушали его съ недоумѣніемъ, потомъ одинъ изъ моихъ товарищей вскочилъ и внѣ себя закричалъ:

— Это неслыханная подлость такъ отзываться о свѣтской женщинѣ!..

— Послушай, однако... — выпрямляясь, перебилъ его хозяинъ.

— Да, да,—ближе еще подступая къ нему, кричалъ Д. (мой товарищъ):—и человѣкъ такъ говорящій о женщинѣ не только наглецъ, онъ негодяй.

Х. зарычалъ, вскочилъ съ своего мѣста, швырнулъ въ сторону трубку и съ приподнятыми кулаками кинулся на Д.; мы бросились ихъ разнимать и развели по разнымъ комнатамъ.

— Стрѣляться сейчасъ, сію минуту! черезъ платокъ!— съ пѣной у рта кричалъ Х.

— Вы будете стрѣляться, разумѣется,—заговорилъ я, въ свою очередь: — но не сейчасъ и не черезъ платокъ; обида не на столько для этого важна.

Д., разумѣется, сейчасъ же ушелъ отъ Х., а мы, четыре секунданта, ушли ко мнѣ, гдѣ и разсудили объ условіяхъ предстоящаго поединка; рѣшено было между нами ѣхать въ окрестности Царскаго Села на другой день— я съ другимъ моимъ пріятелемъ и Д., котораго я былъ секундантомъ, а Х. съ двумя другими; такъ и вышло; они дрались, и Х. былъ довольно опасно раненъ въ лѣвую ляжку. Дня черезъ три я пришелъ, всетаки, къ Х. навѣстить его; онъ лежалъ весь блѣдный съ туго забинтованной ногой; увидавъ меня, онъ нѣсколько сконфузился и протянулъ мнѣ руку.

— Вотъ вамъ урокъ, — сказалъ я ему, указывая на его раненую ногу:—разсказывать о вашихъ побѣдахъ.

— Ахъ, ужъ не говорите,—жалобно промолвилъ онъ:— тѣмъ болѣе, что тутъ не было ни слова правды!

— Какъ! что вы говорите? — закричалъ я.

— Да, разумѣется,—все такъ же продолжалъ хозяинъ:— никогда у меня не было никакихъ такихъ похожденій съ свѣтскими дамами, а княгиню Z. я даже въ глаза никогда не видалъ!

Разсказывая о Ланжеронѣ, я еще припомнилъ о немъ одинъ случай, возбудившій въ свое время взрывъ хохо́та; я уже сказалъ, что онъ былъ баснословно разсѣянъ и имѣлъ также привычку размышлять вслухъ; у него ежедневно, какъ это водилось въ старину, обѣдало человѣкъ двадцать, между тѣмъ, состояніе его было небольшое, содержаніе тоже онъ, какъ генералъ-губернаторъ, получалъ неособенно значительное, и потому это вынужденное гостепріимство казалось ему накладнымъ, и вотъ однажды гости его за столомъ услыхали слѣдующее его размышленіе.

— Il n'y a pas à dire,—заговорилъ онъ самъ себѣ:— il faudra que je demande à l'Empereur des «столовые», car quand on a, comme moi, un tas de canailles à nourrir tous les jours!..

Можно себѣ представить, какъ вкусенъ и пріятенъ показался гостямъ конецъ обѣда.

Не могу назвать сановника, который еще до сихъ поръ здравствуетъ, но мнѣ самому случилось быть гостемъ, тому назадъ лѣтъ тридцать, на одномъ обѣдѣ, гдѣ хозяинъ отличился почти такъ же, какъ и Ланжеронъ, съ тою только разницей, что послѣдній дѣлалъ это въ простотѣ своей души, тогда какъ этотъ преднамѣренно оскорбилъ своихъ приглашенныхъ. Итакъ я присутствовалъ на этомъ обѣдѣ; хозяинъ, настоящій генералъ, служака николаевскихъ временъ, сидѣлъ, разумѣется, во главѣ стола на первомъ мѣстѣ; я вовсе не потому, что имѣлъ дурную привычку пачкать бумагу, а потому, что носилъ камеръ-юнкерскій

мундиръ, сидѣлъ по правую руку хозяина; надо сказать, что въ тѣ отдаленныя времена я имѣлъ честь быть не только моднымъ писателемъ, но даже считался писателемъ вреднаго направленія, и потому хозяинъ съ самаго начала обѣда отечески, но строго, замѣтилъ мнѣ, что «Тарантасъ» (Боже мой! тогда еще говорили о «Тарантасѣ»), разумѣется, остроумное произведеніе, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ есть вещи очень... того... неумѣстныя...

Я выслушалъ, какъ и подобаетъ, нетерпѣливо, но покорно, а впрочемъ, больше занимался ѣдой; послѣ порядочнаго супа съ кореньями, подали на доскѣ, обернутой скатертью, классическую стерлядь. — «Вотъ, — замѣтилъ хозяинъ, грозно указывая глазами на рыбу и сердито поглаживая свои до окаменѣлости нафабренные усы:—вотъ я этой дряни и въ ротъ никогда не беру, а посмотрите—мошенникъ мой поваръ рублей десять поставилъ мнѣ на счетъ»...

Но, увлекаясь и разбрасываясь своими воспоминаніями, я прерываю нить по порядку своихъ разсказовъ, а, между тѣмъ, по выходѣ моемъ изъ университета и протанцовавъ зиму въ Петербургѣ, я поступилъ на службу и былъ съ перваго же года своего служенія отечеству свидѣтелемъ многаго интереснаго. Карьеру свою я началъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но остался тамъ недолго и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда меня направили въ городъ Тверь, гдѣ я былъ прикомандированъ къ особѣ губернатора, графа Толстого, извѣстнаго своею тѣсною дружбой съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. И Толстой, и жена его были люди добрѣйшіе и очень образованные, и только и грѣшили тѣмъ, что ужъ до ханжества были набожны. Тутъ, въ Твери, я сошелся близко съ человѣкомъ, который потомъ былъ призванъ къ

широкой дѣятельности—съ Михаиломъ Бакунинымъ. Эти воспоминанія не что иное какъ разсказы старика, имѣвшаго случай многое видѣть на своемъ вѣку и знаться съ людьми или замѣчательными, или интересными; слѣдственно тутъ и помину не можетъ быть о политическихъ воззрѣніяхъ, или какой либо тенденціозности, и потому я скажу только то, что знаю о Бакунинѣ въ то время, такъ какъ потомъ я не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться. Это былъ еще очень молодой, умный и впечатлительный малый, съ добрымъ сердцемъ и бѣдовой головой. Онъ жилъ у своихъ родителей, людей очень добрыхъ и радушныхъ, но совершенно старосвѣтскихъ помѣщиковъ; понятно, что въ такомъ кругу воображеніе Михаила Бакунина работало гораздо болѣе, чѣмъ если бы онъ находился въ другомъ положеніи. Я еще былъ въ Твери, когда онъ бѣжалъ, покинувъ родительскій домъ; живо помню и отчаяніе, и недоумѣніе его отца: старикъ просто не понималъ, почему его Миша, которому такъ тепло было дома, ихъ такъ своевольно и неожиданно покинулъ?..

Въ Твери я въ первый разъ въ жизни производилъ слѣдствіе, и это случилось при такихъ изъ ряда выходящихъ обстоятельствахъ, что, я думаю, разсказъ объ этомъ можетъ имѣть интересъ для читателей. Однажды, графъ Толстой позвалъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что поручаетъ мнѣ разслѣдовать одно очень важное и щекотливое дѣло...

— Тутъ вопросъ о раскольникахъ,—началъ мой набожный начальникъ: — тутъ дѣло надо будетъ повести очень осторожно; поѣзжайте, присмотритесь, все разузнайте, и потомъ уже начинайте слѣдствіе.

Я выѣхалъ изъ Твери въ тотъ же вечеръ и на другое утро прибылъ на мѣсто своего назначенія въ горо-

докъ Х., Тверской губерніи. Я тотчасъ же отправился къ городничему, чисто Гоголевскому типу. Онъ видимо меня не ожидалъ. Хотя время было еще раннее, онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ и очень оживленно понтировалъ; вокругъ него толпилось человѣкъ десять добрыхъ пріятелей, а стоявшая на сосѣднемъ столѣ разнообразная закуска и почтенное количество пустыхъ графиновъ и бутылокъ свидѣтельствовали, что и за картами пріятели не теряли времени. Когда я себя назвалъ, городничій поспѣшно всталъ и пригласилъ меня за нимъ послѣдовать въ сосѣднюю комнату. Русскій человѣкъ владѣетъ даромъ необыкновенно скоро отрезвляться; не прошло и двухъ минутъ, какъ растегнутый сюртукъ городничаго, изъ-подъ котораго ярко алѣла новая канаусовая рубашка, замѣнился туго застегнутымъ на всѣ пуговицы мундиромъ, а веселое возбужденіе лица замѣнилось тѣмъ особеннымъ выраженіемъ заискивающей почтительности, съ которою въ тѣ времена обходились захолустные дѣятели съ болѣе или менѣе блестящими петербургскими чиновниками. Въ короткихъ словахъ я ему объяснилъ, въ чемъ состояло возложенное на меня порученіе, и просилъ его, какъ это и было его обязанностью, мнѣ во всемъ содѣйствовать. Человѣкъ онъ былъ свѣдущій и толковый, зналъ отлично подвѣдомственный ему городъ во всѣхъ его закоулкахъ и потому обѣщалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ устроить дѣло такъ, чтобы я могъ невидимкой присутствовать на одномъ важномъ сборищѣ раскольниковъ. Остановился я въ единственной гостинницѣ Х., разумѣется, скорѣе смахивающей на постоялый дворъ. Послѣ разговора моего съ городничимъ я туда отправился и послѣ плохого ранняго обѣда улегся спать, такъ какъ сильно наморился, проѣздивъ всю ночь по большому морозу. Часу

въ шестомъ наступили уже сумерки—ко мнѣ постучался городничій: — Вставайте, ваше сіятельство! — сказалъ онъ мнѣ: — намъ нужно пораньше туда пробраться, пока тамъ еще никого нѣтъ». Въ пять минутъ я одѣлся и вышелъ съ городничимъ на крыльцо; мы сѣли въ просторныя крытыя дрожки, и пара до ожирѣнія выкормленныхъ вятокъ понесла насъ по широкимъ улицамъ города, еще не оскверненнымъ фонарями. Проѣхавъ двѣ-три улицы, мы повернули въ глухой переулокъ. Передъ огромными запертыми воротами, вдѣланными въ высокую, точно крѣпостную каменную стѣну, кучеръ остановилъ своихъ лошадей; городничій проворно выскочилъ изъ дрожекъ, попросивъ меня не выходить изъ экипажа, пока намъ не отворятъ; онъ подошелъ къ воротамъ и какимъ-то особеннымъ манеромъ постучался въ нихъ; внутри во дворѣ послышался скрипъ сапоговъ по замерзшей землѣ, потомъ уже у самыхъ воротъ раздался слабый кашель; городничій тоже въ отвѣтъ кашлянулъ; тотчасъ же низенькая кривая калитка, лѣпившаяся подлѣ гигантскихъ воротъ, тихо отворилась и на ея порогѣ показалась голова такая диковинная, такая страшная, какой мнѣ уже впослѣдствіи никогда не случалось видѣть. Это была круглая какъ шаръ голова, покрытая густыми сѣрыми волосами, торчавшими на ней какъ щетина; лицо плоское, желтое какъ лимонъ, съ широкимъ приплюснутымъ носомъ, огромными отвислыми губами и маленькими кверху, къ вискамъ, приподнятыми глазками, поразило меня своимъ выраженіемъ; въ немъ, въ этомъ лицѣ, была самая противорѣчивая смѣсь какого-то застарѣлаго страха съ самою звѣрскою кровожадною злостью. На этомъ человѣкѣ, не смотря на сильный морозъ, была надѣта длинная, бѣлая, очень чистая полотняная рубаха и какіе-то полосатые

штаны, а на плечахъ, въ накидку, болталась малороссійская свитка изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна. Онъ, къ крайнему моему удивленію (я тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ дрожекъ и тоже подошелъ къ калиткѣ), сталъ объясняться съ городничимъ знаками.

— Онъ нѣмой, — промолвилъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взглядъ городничій: — раскольники вырѣзали ему языкъ!..

И пока мы проходили огромный дворъ, направляясь къ небольшому крылечку, передъ которымъ тускло горѣлъ красноватый фонарь, городничій въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію этого несчастнаго. Человѣкъ этотъ былъ родомъ калмыкъ; раскольники изъ Астрахани его украли, когда онъ былъ еще ребенкомъ; когда онъ вырось и выучился читать и писать, раскольники попытались обратить его въ ихъ вѣру; сначала онъ было подался на это, но потомъ рѣшительно воспротивился и два раза сряду убѣгалъ; оба раза его настигали, жестоко наказали, а когда онъ вздумалъ бѣжать въ третій разъ, то его мучители уже не удовольствовались розгами и вырѣзали ему языкъ! Легко себѣ представить, какою ненавистью запылалъ онъ къ своимъ притѣснителямъ и тутъ же поклялся во что бы то ни стало отмстить имъ. Долго нѣмому не представлялся этотъ случай; тѣмъ временемъ съ юга онъ попалъ въ Тверскую губернію, весь измаялся, постарѣлъ, посѣдѣлъ... И вдругъ этотъ злобно и страстно ожидаемый случай явился! Однажды, подъ вечеръ его позвали къ городничему и тутъ стали его допрашивать: «правда ли, что онъ находится въ услуженіи у купцовъ или мѣщанъ, которые принадлежатъ къ разряду самыхъ ярыхъ раскольниковъ?» Калмыкъ себѣ потребовалъ перо, бумаги и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ описалъ

все и выдалъ житье-бытье своихъ хозяевъ. Городничій, однако же, ему не довѣрился, но послѣдствія доказали, что онъ во всемъ сказалъ правду. И вотъ теперь, предшествуемые этимъ самымъ калмыкомъ, мы пришли, осторожно ступая по мерзлой землѣ, къ крылечку и вступили въ выходившія на него сѣни; нѣмой и тутъ шелъ передъ нами, боязливо озираясь, хотя, повидимому, въ флигелькѣ, куда онъ привелъ насъ, никого еще не было. Изъ сѣней мы, какъ были въ шубахъ и шапкахъ, прошли въ огромную комнату, выбѣленную мѣломъ и вокругъ стѣнъ которой стояли широкія дубовыя лавки; въ углу на столѣ, покрытомъ расшитой цвѣтами бѣлой скатертью, стояли два массивные серебряные шандала; въ нихъ горѣли толстыя восковыя свѣчи, на столѣ лежало старинное распятіе, а надъ столомъ висѣлъ обдѣланный въ богатую золоченную ризу, на которой сверкали великолѣпные брилліанты, образъ съ потемнѣвшимъ ликомъ святого. Изъ этой комнаты калмыкъ провелъ насъ въ другую, къ ней примыкавшую горницу, маленькую, темную и душную; въ комнаткѣ стояло два табурета, обитые полинялымъ голубымъ штофомъ — позолота также уже видимо давно сошла съ ножекъ. Калмыкъ намъ помогъ снять шубы, которыя за неимѣніемъ вѣшалки бросилъ въ уголъ на полъ и указалъ намъ на табуреты, приглашая насъ сѣсть; потомъ онъ затушилъ горѣвшую свѣчу и вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ въ совершенной темнотѣ. Въ дверяхъ, противъ которыхъ мы сидѣли, ярко обозначались двѣ широкія щели; городничій объяснилъ мнѣ, что сквозь нихъ мы должны были наблюдать засѣданіе, или, скорѣе, какъ оно послѣ оказалось, священнодѣйствіе раскольниковъ. Минутъ черезъ десять послѣ того, какъ вышелъ отъ насъ нѣмой, въ большую комнату, въ которую мы глядѣли

сквозь щели, вошелъ огромнаго роста, совершенно уже сѣдой, старикъ, одѣтый зажиточнымъ мѣщаниномъ; большой золотой крестъ на толстой цѣпочкѣ низко висѣлъ у него на груди. Онъ подошелъ къ иконѣ, сталъ набожно по-старообрядчески креститься, потомъ совершилъ три земныхъ поклона и сѣлъ на лавку недалеко отъ стола. За нимъ толпой стали собираться другіе люди, мужчины и женщины; всѣ они совершали тѣ же земные поклоны, потомъ поворачивались къ старику (онъ держался необыкновенно важно), низко ему кланялись и также разсаживались на лавкѣ вокругъ стѣны. Между тѣмъ, въ комнату внесли огромную серебряную чашу, нѣчто въ родѣ купели, наполнили ее водой и поставили среди комнаты. Надо замѣтить, что всѣ люди, находившіеся въ комнатѣ, были очень хорошо и даже богато одѣты; на женщинахъ, молодыхъ и старыхъ, на головахъ были повязаны низко надвинутые на лобъ шелковые платки. Когда горница наполнилась, старикъ всталъ съ своего мѣста и громко спросилъ: «Всѣ ли православно въ Бога вѣрующіе въ Х. въ соборѣ»?

Присутствующіе моментально встали.— «Всѣ, отче»,— отвѣтили они въ одинъ голосъ.— «Такъ приступимъ, благословясь»,—произнесъ торжественно старикъ, поднимаясь со своего мѣста. Онъ повернулся на три стороны, сдѣлалъ крестное знаменіе, потомъ повернулся къ образу и опять послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія досталъ у себя изъ-подъ полы довольно объемистый темный кожаный молитвенникъ и сталъ громко читать молитвы. Слушатели громко и не крестясь повторяли за нимъ слова. Это продолжалось съ полчаса; затѣмъ старикъ опять сталъ на колѣни — и за нимъ опустилась, также и вся толпа; онъ всталъ — и всѣ снова поднялись за нимъ; тогда онъ

приблизился къ купели и началъ совершать какое-то таинство; бросалъ туда принесенную ему человѣкомъ, повидимому, исполнявшимъ при немъ должность служки, на большой серебряной тарелкѣ соль, обкуривалъ вокругъ ладаномъ, дѣлалъ какіе-то кабалистическіе жесты. Наконецъ, онъ кончилъ, передалъ кадило въ руку своего прислужника и проговорилъ, обращаясь къ толпѣ: «Съ Божьяго благословенья». — «Аминь!» — отвѣтили присутствующіе. Мужчины отошли направо, женщины — налѣво, и средина комнаты стала совершенно свободна. Старикъ все стоялъ подлѣ чаши и читалъ свои молитвы. Вдругъ двери, выходящія въ глубину залы, раскрылись, и два тоже уже довольно древніе старика ввели оттуда лѣтъ шестнадцати дѣвушку красоты поразительной и совершенно голую; ея длинные волосы, черные какъ воронье крыло, были заплетены въ двѣ толстыя косы и низко падали, почти къ самымъ колѣнямъ. Она подходила къ купели съ опущенными глазами, но прелестное лицо не выражало смущенія. Идя посреди своихъ двухъ спутниковъ, она живо напоминала библейскую Сусанну. Когда она приблизилась къ чашѣ, важный старикъ поставилъ ей нѣсколько вопросовъ, на которые она отвѣчала твердо, но все не поднимая глазъ; тогда онъ взялъ лежавшую на перекладинѣ подъ чашей плетку, обмокнулъ ее въ воду и принялся крестообразно брызгать ею на обнаженное тѣло дѣвушки; потомъ онъ обкурилъ ее ладаномъ и вслѣдъ затѣмъ, опять обмокнувъ плетку, довольно сильно ударилъ ее по спинѣ. За нимъ другія женщины и мужчины, тоже предварительно обмокнувъ въ воду плетку, ударяли ею дѣвушку. Мало-по-малу, обрядъ этотъ обратился въ истязаніе; удары все чаще бороздили тѣло несчастной жертвы; сначала она только слабо охала, потомъ вздохи ея превратились въ

вопль, длинныя красныя полосы выступили на бѣлоснѣжномъ тѣлѣ дѣвушки и на лѣвомъ плечѣ показалась кровь... Съ самаго начала церемоніи во мнѣ закипало негодованіе, но тутъ я не выдержалъ, вскочилъ со своего мѣста и рванулъ за двери... Городничій тоже всталъ.

— Что вы дѣлаете, ваше сіятельство? Помилуйте! Живыми отсюда не выйдемъ! Пойдемте скорѣе, а я ужъ распорядился!..

И, наскоро напяливая на себя шубу, онъ потащилъ меня къ дверямъ уже другого выхода, на который намъ указалъ, уходя, калмыкъ. Мы почти бѣгомъ прошли опять тотъ длинный дворъ и черезъ пять минутъ уже прискакали домой, откуда городничій тотчасъ отправилъ уже стоявшихъ на-готовѣ городовыхъ и жандармовъ. Черезъ нѣсколько минутъ городовые и жандармы окружили домъ и захватили всѣхъ тамъ находящихся, кромѣ главнаго стараго раскольника, который неизвѣстно какимъ путемъ скрылся; истязаемую дѣвушку освободили, — она едва дышала; калмыка тоже выпустили на волю и въ видѣ милости сослали его по этапу въ сосѣднюю губернію; но онъ недолго пользовался своей свободой—мѣсяца два спустя его нашли на окраинѣ большой дороги съ перерѣзаннымъ горломъ. Мнѣ нечего, разумѣется, говорить, что тогда о теперешнемъ гласномъ судѣ не было и помину; слѣдствія длились годами и допросы совершались самымъ первобытнымъ образомъ. Однако, дѣло о тверскихъ раскольникахъ двинулось довольно скоро; я присутствовалъ на всѣхъ допросахъ и однажды отличился на одномъ изъ нихъ самымъ неприличнымъ образомъ. Насъ находилось человѣкъ пять въ довольно тѣсной комнатѣ, въ квартирѣ забубеннаго городничаго, который, скажу между прочимъ, мастерски повелъ все это дѣло; къ допросу по одиночкѣ

приводили подсудимыхъ; они, запуганные, лепетали какія-то несвязныя слова. Но вотъ въ комнату ввели здоровеннаго русаго дѣтину, лѣтъ тридцати; его завитая мелкими кольцами огромная голова съ широкимъ затылкомъ, его лицо красивое, правильное, съ нависшимъ бѣлымъ лбомъ, даже его походка, твердая и тяжелая,—все показывало въ немъ упрямство, стойкость необыкновенную. Я вглядѣлся въ него и вспомнилъ, что на происходившей церемоніи онъ билъ юную жертву съ особеннымъ остервенѣніемъ. Мнѣ почему-то стало вдругъ противно его лицо, густая рыжая бородка, которую онъ самодовольно поглаживалъ своей пухлой рукой съ серебряными и золотыми кольцами на каждомъ пальцѣ, весь его спокойный видъ.

— Да ты не очень-то ломайся!—нетерпѣливо вскрикнулъ я.—Что ты точно на свадьбу пришелъ!

Онъ глянулъ на меня и чуть усмѣхнулся.

— Да чему ты смѣешься, дуракъ? уже съ сердцемъ спросилъ я его.

— Молодъ ты очень, баринъ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

Я вскочилъ съ своего мѣста и внѣ себя отъ гнѣва замахнулся и далъ ему пощечину... Онъ отступилъ отъ меня на шагъ и низко, въ поясъ, мнѣ поклонился.

— Спасибо тебѣ, баринъ, — промолвилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ, и не насмѣшка и даже не упрекъ, мнѣ послышался въ немъ, а только грусть:—спасибо тебѣ, что ты меня обидѣлъ понапрасну, намъ, въ нашемъ удѣлѣ, ко всему нужно привыкать...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много разъ приходилось мнѣ укорять себя во многомъ, но никогда такою краской не загорались мои щеки, какъ въ ту минуту,

и мнѣ лучше бы хотѣлось провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять обидчикомъ передъ этимъ мужикомъ, передъ этимъ фанатикомъ, передъ этимъ варваромъ!

Слѣдствіе это въ скоромъ времени перешло въ другія руки, но я еще остался въ Твери нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время со мною приключился случай, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Въ то время я сильно ухаживалъ за женою одного сосѣдняго помѣщика, очень хорошенькой женщиной; всѣ мы, золотая тверская молодежь, за ней волочились, но я пользовался тѣмъ преимуществомъ, что зналъ главныхъ представителей тогдашней русской литературы, къ которымъ нашъ общій «предметъ» имѣлъ особенное, тѣмъ менѣе объяснимое влеченіе, что никто изъ дѣятелей русской словесности не былъ ему лично знакомъ; однако, всякій разъ, что я подходилъ къ моей красавицѣ съ намѣреніемъ и желаніемъ завести нѣжный разговоръ, она опрокидывала на спинку кресла свою прелестную головку и томнымъ голосомъ говорила мнѣ: «Ахъ, графъ, говорите мнѣ о Пушкинѣ!» Я въ сотый разъ съ восторгомъ начиналъ говорить о великомъ поэтѣ, всегда и на всю жизнь мою представлявшемся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ полубога, но обыкновенно, истощивъ запасъ свѣдѣній объ образѣ жизни, семьѣ и работѣ Пушкина, я потихоньку снова возвращался къ вопросу, интересовавшему меня въ это время, то есть къ разглагольствованіямъ о моей «страстной» любви; но красавица снова прерывала мои увѣренія восклицаніями: «Ахъ, говорите мнѣ о Гоголѣ (который началъ тогда входить въ моду), или о Жуковскомъ, или о Полевомъ» и т. д. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прошла весна, наступило лѣто, и я началъ тяготиться этой ролью трубадура платонической любви,

для которой, по своей натурѣ и тогдашнимъ своимъ лѣтамъ, вовсе не былъ созданъ, какъ вдругъ, возвратясь домой поздно вечеромъ (впродолженіе котораго я раза три и, признаться сказать, довольно нехотя принимался разсказывать своей страсти о Мицкевичѣ, котораго я отроду никогда не видѣлъ),—итакъ, возвратясь домой, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ запечатанный конвертъ, при видѣ котораго во мнѣ шевельнулось сердце... На немъ не было почтоваго штемпеля... «Отъ кого письмо?»—спросилъ я своего вѣрнаго Тита Ларіоновича.

— Да вотъ то-то я не знаю, ваше сіятельство,—отвѣтилъ мнѣ старый камердинеръ:—принесла его какая-то затрапезная дѣвка, а кто она эта дѣвка, и сказать не захотѣла, только говоритъ, непремѣнно, говоритъ, графу передайте, — а дѣвка, по всему видно, дрянь дѣвка, гулящая дѣвка, ужъ на что и меня стараго... и онъ сердито сплюнулъ въ сторону и съ подозрительнымъ укоромъ на меня посмотрѣлъ. Сердце еще сильнѣе забилось у меня въ груди... «Неужели она»?—подумалъ я, срывая бураго цвѣта толстую сургучевую печать, на которой не было ни герба, ни даже буквы, и я прочелъ слѣдующія слова, написанныя мелкимъ некрасивымъ почеркомъ:

«Да; я хочу, я согласна погибнуть съ вами, для васъ; но куда уйдти? на край земли? отъ всѣхъ этихъ людей?—Приходите завтра въ девять часовъ вечера за городъ, въ поле, теперь тамъ такъ чудно колосится рожь! Приготовьте коляску, лошадей, замаскированныхъ людей и уѣдемъ, умчимся далеко, далеко»!! Подписи, разумѣется, не стояло. Но я зналъ, чувствовалъ, что это она — она со своимъ романическимъ воображеніемъ все это придумала. Я не спалъ всю ночь, строя въ головѣ самые радужные планы. О колескѣ, лошадяхъ и замаскированныхъ людяхъ

я не задумывался, во-первыхъ, потому, что у меня въ карманѣ находилось всего 38 руб. ассигнаціями, а, во-вторыхъ, потому, что какъ я ни былъ молодъ, я зналъ, что дѣло обойдется прекрасно, безъ коляски и въ особенности безъ замаскированныхъ людей. Слѣдующій день я провелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ большомъ волненіи и часа за полтора раньше назначеннаго мнѣ въ письмѣ времени уже находился за городомъ. Весь день былъ дождливый, пасмурный, но такъ какъ дѣло происходило въ первой половинѣ іюля мѣсяца, то было еще, разумѣется, совершенно свѣтло. Я сталъ осматриваться вокругъ, желая разглядѣть то мѣсто, гдѣ «такъ чудно колосится рожь»; дѣйствительно вдали я увидѣлъ огромное поле, вплоть заросшее высокой рожью, которая широкими волнами колыхалась подъ легкимъ, но довольно свѣжимъ вѣтеркомъ. Я направился туда, выбралъ на краю поля открытое мѣсто, откуда мнѣ виднѣлась вся окрестность, сѣлъ на камень и сталъ ждать. Понемногу начинало смеркаться; тучи еще ниже сгущались надъ моей головой, повременамъ даже дождикъ накрапывалъ, мнѣ становилось холодно, скучно и даже страшно, тяжелая тишина воцарялась кругомъ, и только едва я могъ различать издали слабо мерцавшіе городскіе огни. Я вставалъ, ходилъ по дорогѣ, поминутно смотрѣлъ на часы и внутренно посылалъ свою всегдашнюю довѣрчивость въ самыя непріятныя мѣста: «И дернула меня нелегкая,—думалъ я,—повѣрить ей и придти сюда, я ея не дождусь; или она испугается темноты вечера, или просто захотѣла она посмѣяться надо мной». Я забылъ сказать, что часа за два передъ тѣмъ, что я отправился за городъ, я, идя по улицѣ, встрѣтилъ свою «пассію»; она шла въ сопровожденіи одного своего стараго родственника, очень мило

меня привѣтствовала и пролепетала мнѣ что-то о Гречѣ; въ ту минуту я восторгался внутренно ея самообладаніемъ, но теперь оно показалось мнѣ съ ея стороны злой насмѣшкой. Въ послѣдній разъ взглянувъ на часы, я съ трудомъ могъ разглядѣть при наступившей темнотѣ, что стрѣлка показывала половину десятаго; я уже досадливо собирался шагать назадъ домой, какъ вдругъ въ направленіи шлагбаума мнѣ показались два огненныя пятна, довольно быстро приближавшіяся, и до меня донесся дребезжащій и глухой стукъ колесъ; мало-по-малу я началъ различать громоздкій обликъ экипажа, но не двигался съ мѣста—я ждалъ, чтобы рыдванъ миновалъ меня, а такъ какъ я стоялъ на дорогѣ и опасался, чтобы сидящіе въ немъ люди, паче чаянія, не узнали меня, что̀ повлекло бы къ сильнымъ сплетнямъ, то собирался уже войдти въ рожь, очень высокую въ томъ мѣстѣ, и на минуту скрыться отъ ихъ глазъ, какъ вдругъ экипажъ, не доѣхавъ до меня шаговъ на триста, остановился; изъ него,—я уже ясно теперь видѣлъ,—вылѣзло двое людей. Я не могъ разсмотрѣть ихъ, такъ какъ они были закутаны въ длинные плащи, были ли это мужчины или женщины,—и быстро пошли по дорогѣ впередъ, ко мнѣ; я, разсчитывая на то, что въ темнотѣ они меня не замѣтятъ, сталъ пробираться въ рожь; но я не сдѣлалъ и пяти шаговъ, какъ одинъ изъ подходившихъ ко мнѣ людей закричалъ:—«Графъ Сологубъ! Гдѣ вы? Отзовитесь! мы васъ ищемъ, мы за вами пріѣхали!» — Я чуть не крикнулъ отъ изумленія. Что это означало? они отъ нея? но, можетъ быть, воры они? Это тоже невѣроятно; или, можетъ быть, мужъ?.. Во всякомъ случаѣ мое любопытство осилило осторожность, и я, выбравшись изъ ржи, пошелъ имъ на встрѣчу; въ ихъ фигурахъ мнѣ показалось

что-то знакомое, но они такъ плотно были закутаны въ плащи, падавшіе имъ до самыхъ пятъ, что скорѣе походили на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей; на головахъ у обоихъ были надѣты огромные капюшоны, а лица ихъ скрывали маски. «Вотъ оно,—подумалъ я:—коляска, лошади и эти замаскированные люди, но что все это значитъ»?..

— Вы получили вчера письмо, приглашавшее васъ явиться сюда въ девять часовъ вечера?—спросилъ одинъ изъ интриговавшихъ меня людей.

— Д-да,—отвѣтилъ я нерѣшительно:—но какимъ образомъ вамъ это извѣстно?

— Особа, написавшая вамъ, сообразила,—продолжалъ мой странный собесѣдникъ, — что вамъ было бы очень трудно въ такое короткое время все приготовить...

— Да... дѣйствительно...—отвѣтилъ я все также нерѣшительно, невольно притомъ вспомнивъ о моихъ тридцати восьми рубляхъ.

— Такъ-съ, вотъ потому-то эта особа и прислала насъ за вами; пожалуйте, поѣдемте, васъ ждутъ...

— Но позвольте... началъ я.

— Вы боитесь? — послышался мнѣ изъ-за маски насмѣшливый голосъ.

— Я нисколько не боюсь, но я васъ совершенно не знаю, и все это мнѣ представляется очень необыкновеннымъ; а впрочемъ, у меня лишняго времени много... поѣдемъ.

Я махнулъ рукой и быстро пошелъ по направленію къ колескѣ; мы сѣли въ экипажъ, я одинъ позади, мои спутники на переднемъ мѣстѣ. Когда рыдванъ, дребезжа старыми колесами, тронулся, сидѣвшій противъ меня незнакомецъ вынулъ изъ кармана большой фуляровый пла-

токъ, бинтообразно сложилъ его и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Извините меня, графъ, но мнѣ приходится попросить у васъ позволенія завязать вамъ глаза!

Я засмѣялся и подался впередъ, наклоняя голову; все это становилось очень забавно. Мы продолжали молча путь и скоро въѣхали въ городъ; я это почувствовалъ по нестерпимымъ толчкамъ того подобія шоссе, по которому мы ѣхали. Коляска наша повернула влѣво, потомъ вправо и, наконецъ, съ грохотомъ въѣхала въ какой-то дворъ. Мои спутники проворно изъ нея выскочили и подъ руки, какъ престарѣлаго архіерея, ввели меня на крыльцо; тутъ, въ передней, съ меня сняли повязку и пригласили войдти въ гостиную; комната эта показалась мнѣ очень невзрачной; маленькая старомодная лампа скупо освѣщала старую, изодранную мебель, окна, не завѣшенныя занавѣсками, былъ наглухо закрыты почернѣлыми ставнями, на голыхъ стѣнахъ также никакого убранства; вся эта обстановка представлялась бѣдной и грязной. «Странное мѣсто для нѣжнаго свиданія»,—подумалъ я, осматриваясь; мнѣ опять становилось и досадно на себя, и даже совѣстно своей вѣчной оплошности; между тѣмъ мои спутники, вышедшіе было изъ комнаты, снова возвратились и подошли къ столу; я съ непріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ, что у каждаго изъ нихъ въ рукахъ находился пистолетъ.

— Милостивый государь, — проговорилъ одинъ изъ нихъ; я сидѣлъ у стола и поднялся съ своего мѣста, признаюсь, съ нѣкоторою поспѣшностью; я уже рѣшительно не понималъ въ чемъ дѣло: — мы васъ привезли сюда не для красныхъ словъ; или вы сейчасъ намъ подпишите вексель въ 100,000 рублей ассигнаціями, или мы

вынуждены будемъ прибѣгнуть вотъ къ этимъ игрушкамъ...

И онъ небрежно повертѣлъ въ рукѣ пистолетъ. Я въ первую минуту, признаюсь, оторопѣлъ; встрѣтить дуло пистолета вмѣсто ожидаемыхъ прелестныхъ устъ довольно непріятно. Но я скоро пришелъ въ себя и съ поднятыми кулаками бросился на говорившаго человѣка.

— Негодяи!—внѣ себя закричалъ я:—такъ вотъ это что?! Вы просто воры и разбойники!—и я все протягивалъ руки, силясь сорвать маску съ этого мерзавца; но онъ съ помощью товарища оттолкнулъ меня и все также спокойно сказалъ:

— Перестаньте, не кричите и не ругайтесь, это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Вы въ нашей власти и никто не придетъ къ вамъ на помощь; а лучше садитесь-ка да пишите векселъ; мы знаемъ, что ваши родители богаты и могутъ заплатить эту сумму.

— Да вѣдь не можете же вы такъ меня убить? Вѣдь вы за это отвѣчать будете!

— Это ужъ наше дѣло,—услышалъ я невозмутимый отвѣтъ.

Я бросился на стулъ и закрылъ себѣ лицо руками; въ эту минуту я рѣшительно не могъ ничего сообразить; вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался гомерическій смѣхъ, я отнялъ руки отъ лица и увидѣлъ передъ собою обоихъ моихъ разбойниковъ; они сняли маски, сбросили съ головы капюшоны, и я узналъ въ нихъ двоихъ своихъ тверскихъ товарищей, одинъ изъ нихъ былъ также мой сослуживецъ.

— Ахъ! ты, дуралей, дуралей,— засмѣялись они:— мы знали, что ты довѣрчивъ, какъ ребенокъ, и мечтателенъ, какъ уѣздная барышня, но, всетаки, сомнѣвались,

что ты поддашься на удочку! И въ двухъ словахъ они разсказали, какъ, замѣтивъ, что г-жа N... со мною кокетничаетъ и что я, повидимому, очень ею увлеченъ, они вздумали сыграть со мною эту штуку, придавъ ей романтическій оттѣнокъ, и этимъ возбудить мое любопытство. Они просто хотѣли привезти меня на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, но, дорогой замѣтивъ, что я остаюсь совершенно спокоенъ, имъ вдругъ захотѣлось меня напугать, въ чемъ они, сознаюсь, до нѣкоторой степени успѣли... Я ихъ, какъ слѣдовало ожидать, порядочно обругалъ, а, впрочемъ, отъ души самъ смѣялся своей глупости. Мы всѣ отправились ужинать и осушили за здоровье красавицы, вѣроятно, въ это время почивавшей безмятежнымъ сномъ, нѣсколько добрыхъ бутылокъ вина.

Такихъ «пассажей», какъ приведенный мною случай, я могу насчитать десятки въ моей жизни, но едва ли не самымъ смѣшнымъ и самымъ непредвидѣннымъ изъ нихъ былъ слѣдующій. Мнѣ приходится, какъ я уже это дѣлалъ не однажды, отступить впередъ, но на этотъ разъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я былъ съ женою *) на водахъ въ Германіи, и вокругъ нея, какъ всегда, увивалось сонмище поклонниковъ; я къ этому такъ привыкъ, что не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія, оставляя только за собою право выпроваживать тѣхъ изъ нихъ, которые мнѣ ужъ слишкомъ наскучаютъ. Такъ какъ моя жена почти на сорокъ лѣтъ меня моложе, то, разумѣется, очень часто ее принимаютъ за мою дочь. Надо сказать, что, гдѣ бы я ни былъ, ко мнѣ каждое утро являются русскіе или иностранные собраты изъ той категоріи, что

*) Вторая жена графа Сологуба.

французы обзываютъ «des fruits secs», или промотавшіеся соотчичи, или просто разнаго рода авантюристы, чающіе какой нибудь добычи. Съ свойственной мнѣ довѣрчивостью, я часто попадался съ этими людьми въ просакъ или зарывался обѣщаніями, которыхъ потомъ не могъ сдержать, наживалъ себѣ, какъ всегда, сотни враговъ и т. д. Но со дня моей второй женитьбы многое въ моей жизни измѣнилось. Жена моя одарена рѣдкимъ умомъ и необыкновенной, часто безпощадной прозорливостью узнавать людей; она открыла мнѣ глаза на счетъ многихъ моихъ «друзей» и всегда во́-время останавливала меня отъ какой нибудь глупости. И такъ, мы были въ Германіи на водахъ, и однажды утромъ, отпивъ свои три стакана, я вернулся домой и, закуривъ сигару, погрузился въ чтеніе утреннихъ газетъ; камердинеръ вошелъ въ комнату и подалъ мнѣ визитную карточку.

— Что такое?—спросила изъ-за двери моя жена.

— Не знаю, господинъ какой-то проситъ меня принять его,—отвѣтилъ я.

— Ты о немъ слышалъ?—спросила опять жена.

— Понятія о немъ не имѣю.

— И ты его примешь?

— Да, скуки ради; кто знаетъ, онъ, можетъ быть, работаетъ по тюремному вопросу...

— Хорошо, я одѣваюсь, не могу придти, но оставь дверь открытой, я хочу слышать,—сказала мнѣ жена.

Черезъ минуту ко мнѣ вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, статный и красивый; онъ казался не только смущенъ, но имѣлъ видъ растерянный; я всталъ ему навстрѣчу.

— Простите меня, графъ,—началъ онъ несмѣлымъ голосомъ,—что, не будучи вамъ представленнымъ...

— Сдѣлайте одолженіе... садитесь,—отвѣтилъ я ему и самъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Простите въ особенности мою смѣлость,—все также смущенно продолжалъ молодой человѣкъ; онъ правильно объяснялся по-французски, хотя съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ:—но дѣло идетъ о счастьѣ всей моей жизни; моя семья пользуется въ Англіи большимъ уваженіемъ, у моихъ родителей значительное состояніе, я самъ уже владѣю довольно большимъ, лично мнѣ принадлежащимъ имуществомъ, мнѣ двадцать семь лѣтъ, я окончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ...

— Но, позвольте,—перебилъ я его:—я не вижу, къ чему собственно вы все это изволите мнѣ говорить?

— Я страстно влюбленъ въ вашу дочь и имѣю честь просить у васъ ея руки!—отвѣтилъ мнѣ юноша.

За дверью мнѣ послышался хохотъ жены, и я самъ едва удерживалъ улыбку...

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ вамъ отвѣтить отказомъ, милостивый государь,—проговорилъ я, вставая.

— Но вы можете навести обо мнѣ справки въ англійскомъ посольствѣ, въ Парижѣ, въ Англіи, вездѣ!—отчаянно лепеталъ молодой человѣкъ.

— Не въ томъ дѣло,—все также удерживаясь отъ смѣха, отвѣтилъ я:—но особа, къ которой вы сватаетесь,—моя жена!! Вы видите, что...

Но англичанинъ не далъ мнѣ договорить; какъ ошпаренный, онъ отскочилъ отъ меня и опрометью, даже не простившись со мною, выскочилъ изъ комнаты. По всему вѣроятію, онъ уѣхалъ въ тотъ же день, такъ какъ потомъ мы его уже болѣе не встрѣчали.

V.

Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Отношенія къ Пушкину.—Ложное положеніе Пушкина въ петербургскомъ обществѣ.—Дантесъ.—Подметныя письма.—Я предлагаю себя Пушкину въ секунданты.—Порученіе Пушкина мнѣ условиться относительно дуэли съ д'Аршіакомъ.—Мое объясненіе съ д'Аршіакомъ.—Отказъ Пушкина отъ дуэли, вслѣдствіе рѣшенія Дантеса жениться на его свояченицѣ.—Мой отъѣздъ въ Харьковъ.—Кончина Пушкина.—Встрѣча съ Дантесомъ.—Лермонтовъ.—Гоголь и мои отношенія къ нему.—Послѣднее свиданіе съ нимъ въ 1850 году.—Параллель между Пушкинымъ и Гоголемъ.—Моя служба въ Харьковѣ.—Графъ А. Г. Строгановъ.—Григорій Строгановъ.—Легендарная попойка.—Характеристика графа А. Г. Строганова.—Княгиня Кочубей.—Образъ ея жизни въ Диканькѣ.—Комическая сцена въ церкви.—Графъ Головкинъ.—Его волокитство.—Анекдоты о Потемкинѣ.

Я оставался въ Твери до осени, потомъ, по желанію матушки, ѣздилъ въ Никольское, откуда поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ мнѣ пришлось быть и свидѣтелемъ, и актеромъ драмы, окончившейся смертью великаго Пушкина. Я уже говорилъ, что мы съ Пушкинымъ были въ очень дружескихъ отношеніяхъ и что онъ особенно ко мнѣ благоволилъ. Онъ поощрялъ мои первые литературные опыты, давалъ мнѣ совѣты, читалъ свои стихи и былъ чрезвычайно ко мнѣ благосклоненъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали тамъ сайки, потомъ, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки

свѣтскимъ разряженнымъ щеголямъ, которые бѣгали отъ насъ съ ужасомъ. Вечеромъ мы встрѣчались у Карамзиныхъ, у Вяземскихъ, у князя Одоевскаго и на свѣтскихъ балахъ. Не могу простить себѣ, что не записывалъ каждый день, что отъ него слышалъ. Отношенія его къ Дантесу были уже весьма недружелюбныя. Однажды, на вечерѣ у князя Вяземскаго, онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V.

— Посмотрите на эти черты, — воскликнулъ тотчасъ Дантесъ:—похожи ли онѣ на г. Пушкина?

Размѣнъ невѣжливостей остался безъ послѣдствія. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму, и вдругъ зальется звонкимъ добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказывая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно бы было еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали:—Карету Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя!—Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое

оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, не накрахмаленными воротниками, подражая, быть можетъ, невольно Байроновскому джентльменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе, провозглашая съ свойственной этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, исписался, что̀ было совершенно ложь, но ложь, всетаки, обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственной ему сокрушительной ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его, «Современникъ», шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, насколько мо-

жетъ быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видѣлъ въ Дантесѣ не серьёзнаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.

Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала:

— Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо, съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?

Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: «Александру Сергѣичу Пушкину». Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:

— Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ

сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъименнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой.

Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, голландскимъ посланникомъ, барономъ Гекерномъ. Я продолжалъ затѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. S'il vous faut un troisième, ou un second,—сказалъ я ему:—disposez de moi.—Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ впослѣдствіи, когда имя мое, болѣе чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходившимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою

русскихъ писателей какъ бы въ предвѣдѣніи, что и для моей скромной доли немало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ:

— Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка (опять-таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности.

Все это было говорено по-французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я, между тѣмъ, оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь.

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б..... наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ скороговоркой:

— Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ

только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь.

Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ.—«Я человѣкъ честный,—отвѣчалъ онъ,—и надѣюсь это скоро доказать».—Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, метель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ

мнѣ, что онъ всю ночь не спалъ, что онъ хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъименнаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти, или расправы съ

цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что если бы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ.

— Вотъ положеніе дѣла,—сказалъ д'Аршіакъ.—Вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе.

Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью, и самъ скоро умеръ насильственною смертью на охотѣ. Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узналъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что̀ я и требовать, и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по-французски къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію, я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября, въ 8 часовъ утра, на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ

барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ее Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ:

— Я согласенъ. Пошлите.

Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ везти на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».

— Этого достаточно,—сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами:

— Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что

онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться какъ братья.

Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.

— Съ моей стороны, — продолжалъ я, — я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ.

— Напрасно, — воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. — Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ.

Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.

— Впрочемъ, — добавилъ онъ, — я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ.

— Больше мнѣ и не нужно, — подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.

— У него, кажется, грудь болитъ, — говорилъ онъ: — того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее.

— А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія?

— Хорошо.—(Онъ былъ въ это время какъ-то желчно веселъ).

— Послушайте, — сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней: — вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако, я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ.

Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте».

Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря, я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный об-

разецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ моего отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь, по кончинѣ жены, весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменною непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площадного каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой.

— Le pédicure prétend, — прибавилъ онъ: — que votre cor est plus beau que celui de ma femme *).

Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ **). Письмо, впрочемъ, было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца, — многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе, и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

29 января слѣдующаго (1837) года Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты. Я понялъ, что Пушкинъ не выдержалъ и послалъ письмо

---

*) Т. е. мозольщикъ увѣряетъ, что у васъ мозоль лучше, чѣмъ у моей жены. Игра французскими словами cor—мозоль и corps—тѣло.

**) C'est vous probablement qui lui dictiez les pauvrétés qu'il venait debiter... il delite des calembourgs de corps de garde, — слова Пушкина въ письмѣ къ барону Гекерну-отцу.

къ старику Гекерну; понялъ, почему, боясь новыхъ примирителей, онъ выбралъ себѣ секунданта почти уже на мѣстѣ поединка; я понялъ тоже, что такъ было угодно Провидѣнію, чтобъ Пушкинъ погибъ, и что онъ самъ увлекался къ смерти силою почти сверхъестественною и, такъ сказать, осязательною. 25 лѣтъ спустя, я встрѣтился въ Парижѣ съ Дантесомъ-Гекерномъ, нынѣшнимъ французскимъ сенаторомъ. Онъ спросилъ меня. «Вы ли это были?» — Я отвѣчалъ: Тотъ самый. — «Знаете ли, — продолжалъ онъ: — когда фельдъегерь довезъ меня до границы, онъ вручилъ мнѣ отъ государя запечатанный пакетъ съ документами моей несчастной исторіи. Этотъ пакетъ у меня въ столѣ лежитъ и теперь запечатанный. Я не имѣлъ духа его распечатать».

Итакъ документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, написанный поддѣльной рукою. Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе!

Смерть Пушкина возвѣстила Россіи о появленіи новаго поэта—Лермонтова. Съ Лермонтовымъ я сблизился у Карамзиныхъ и былъ въ одно время съ нимъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ». Свѣтское его значеніе я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти «Большой свѣтъ», написанной по заказу великой княгини Маріи Николаевны. Вообще все, что̀ я писалъ, было по случаю, по заказу,—для бенефисовъ, для альбомовъ и т. п. «Тарантасъ» былъ написанъ текстомъ къ рисункамъ князя Гагарина, «Аптекарша» — подаркомъ Смирдину. Я

всегда считалъ и считаю себя не литераторомъ ex professo, а любителемъ, прикомандированнымъ къ русской литературѣ по поводу дружескихъ сношеній. Впрочемъ, и Лермонтовъ, не смотря на громадное его дарованіе, почиталъ себя не чѣмъ инымъ, какъ любителемъ, и, такъ сказать, шалилъ литературой. Смерть Лермонтова, по моему убѣжденію, была не меньшею утратою для русской словесности, чѣмъ смерть Пушкина и Гоголя. Въ немъ выказывались съ каждымъ днемъ новые залоги необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснѣе, пластичнѣе, языкъ самобытнѣе. Онъ росъ по часамъ, началъ учиться, сравнивать. Въ немъ слѣдуетъ оплакивать не столько того, котораго мы знаемъ, сколько того, котораго мы могли бы знать. Послѣднее наше свиданіе мнѣ очень памятно. Это было въ 1841 году: онъ уѣзжалъ на Кавказъ и пріѣхалъ ко мнѣ проститься.—«Однако-жъ,—сказалъ онъ мнѣ,—я чувствую, что во мнѣ дѣйствительно есть талантъ. Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку, и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ».—Онъ уѣхалъ въ ночь. Вскорѣ онъ былъ убитъ, а я поѣхалъ за границу, гдѣ жилъ цѣлый годъ съ Гоголемъ, сперва въ Баденъ-Баденѣ, потомъ въ Ниццѣ. Талантъ Гоголя въ то время осмыслился, окрѣпнулъ, но прежняя струя творчества уже не била въ немъ съ привычною живостью. Прежде геній руководилъ имъ, тогда онъ уже хотѣлъ руководить геніемъ. Прежде ему невольно писалось, потомъ онъ хотѣлъ писать и, какъ Гёте, смѣшалъ свою личность съ независимымъ отъ его личности вдохновеніемъ. Онъ постоянно мнѣ говорилъ:—«Пишите, поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ, и принуждайте себя писать».—«Да что-жъ дѣлать,—возра-

жалъ я,—если не пишется!»—«Ничего... возьмите перо и пишите: сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется и такъ далѣе, наконецъ, надоѣстъ и напишется».—Самъ же онъ такъ писалъ и былъ всегда недоволенъ, потому что ожидалъ отъ себя чего-то необыкновеннаго. Я видѣлъ, какъ этотъ бойкій, свѣтлый умъ постепенно туманился въ порывахъ къ недостижимой цѣли.

Какъ тревожны были мои отношенія къ Пушкину, такъ же покойны были отношенія мои къ Гоголю. Онъ чуждался и бѣгалъ свѣта, и, кажется, однажды во всю жизнь свою надѣлъ черный фракъ, и то чужой, когда великая княгиня Марія Николаевна пригласила его въ Римѣ къ себѣ. Застѣнчивость Гоголя простиралась до странности. Онъ не робѣлъ передъ посторонними, а тяготился ими. Какъ только являлся гость, Гоголь исчезалъ изъ комнаты. Впрочемъ, онъ иногда еще бывалъ веселъ, читалъ по вечерамъ свои произведенія, всегда прежнія, и представлялъ, между прочимъ, въ лицахъ своихъ нѣжинскихъ учителей съ такой комической силой, что присутствующіе надрывались со смѣха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрамъ онъ читалъ Іоанна Златоуста, потомъ писалъ и рвалъ все написанное, ходилъ очень много, былъ иногда простъ до величія, иногда причудливъ до ребячества. Я сохранилъ отъ этого времени много писемъ и документовъ, любопытныхъ для опредѣленія его психической болѣзни. Гоголя я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1850 году, когда я ѣхалъ на Кавказъ. Онъ пришелъ со мной проститься и началъ говорить такъ сбивчиво, такъ отвлеченно, такъ неясно, что я ужаснулся, смѣшался и сказалъ ему что-то про самобытность Москвы. Тутъ лице Гоголя прояснилось, искра прежняго веселья

сверкнула въ его глазахъ, и онъ разсказалъ мнѣ по-гоголевски одинъ въ высшей степени забавный и типичный анекдотъ, которымъ, къ сожалѣнію, я съ моими читательницами подѣлиться не могу. Но тотчасъ же послѣ анекдота онъ снова опечалился, запутался въ несвязной рѣчи, и я понялъ, что онъ погибъ. Онъ страдалъ долго, страдалъ душевно, отъ своей неловкости, отъ своего мнимаго безобразія, отъ своей застѣнчивости, отъ безнадежной любви, отъ своего безсилія передъ ожиданіями русской грамотной публики, избравшей его своимъ кумиромъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ въ религіи спокойствія и не всегда находилъ; онъ изнемогалъ подъ силой своего призванія, принявшаго въ его глазахъ размѣры громадные, томился тѣмъ, что не причастенъ къ радостямъ всѣмъ доступнымъ, и, изнывая между болѣзненнымъ смиреніемъ и болѣзненной, несвойственной ему по природѣ гордостью, умеръ отъ борьбы внутренней, такъ, какъ Пушкинъ умеръ отъ борьбы внѣшней. Оба шли разными путями, но оба пришли къ одной цѣли, къ конечному душевному сокрушенію и къ преждевременной смерти. Пушкинъ не выдержалъ своего мнимаго униженія, Гоголь не выдержалъ своего настоящаго величія. Пушкинъ не устоялъ противъ своихъ враговъ, Гоголь не устоялъ противъ своихъ поклонниковъ. Оба не были подготовлены современнымъ имъ общественнымъ духовнымъ развитіемъ къ твердой стойкости передъ жизненными искушеніями. Оба не нашли вокругъ себя настоящей точки опоры, общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ. Настоящимъ художникамъ нѣтъ еще мѣста, нѣтъ еще обширной сферы въ русской жизни. И Пушкинъ, и Гоголь, и Лермонтовъ, и Глинка, и Брюловъ были жертвами этой горькой истины.

Тамъ, гдѣ жизнь еще ищетъ своихъ требованій, тамъ искусству неловко, тамъ художникъ становится мученикомъ другихъ и самого себя.

Послѣ кончины почти всѣхъ моихъ учителей, товарищей и пріятелей, я отошелъ отъ литературнаго поприща, какъ покидаютъ домъ, нѣкогда оживленный любимыми собесѣдниками и вдругъ опустошенный рукою всесокрушающей смерти. Я отошелъ въ сторону, но унесъ съ собой свои воспоминанія, и уже привычную любовь къ русскому слову, и твердую увѣренность въ его прекрасной будущности. Свѣтильникъ, зажженный великими людьми, не можетъ угаснуть. Его обережетъ народный здравый смыслъ. Его оживятъ новые таланты. Дай Богъ, чтобъ они не были новыми жертвами; дай Богъ, чтобъ истинное просвѣщеніе не оставалось утонченною потребностью нѣкоторыхъ личностей, а разлилось потокомъ по всему нашему отечеству.

Я уже сказалъ, что въ декабрѣ 1836 года уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ назначенъ былъ состоять чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ графѣ Строгановѣ. Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, мой новый начальникъ, хотя не одаренный способностями государственными, былъ, однако же, человѣкъ не дюжинный. Онъ игралъ видную роль по своей служебной карьерѣ, и потому я подробно поговорю о немъ. По рожденію, связямъ и воспитанію, онъ принадлежалъ къ самому знатному петербургскому кругу. Съ женою своей, рожденною княжною Кочубей, онъ имѣлъ трехъ дѣтей: двухъ дочерей— одна изъ нихъ, Маріанна, олицетворяла собою красоту, грацію, женственность—и сына Григорія Александровича; его дочери обѣ умерли молодыми дѣвушками, за то сыну удалось порядочно нашумѣть на своемъ вѣку. Я всегда на-

ходился съ Григоріемъ Строгановымъ въ самыхъ -друже скихъ отношеніяхъ и могу сказать, что рѣдко на своемъ вѣку встрѣчалъ человѣка такого благороднаго и добраго. Онъ представлялъ собою олицетвореніе того, что французы называютъ «un viveur», но въ самомъ изящномъ смыслѣ. Всегда готовый волочиться за женщинами и кутить, онъ въ то же время всегда былъ готовъ оказать услугу товарищу, помочь бѣдняку, утѣшить страждущаго... Въ Россіи трудно кого нибудь удивить способностью осушить почтенное количество бутылокъ, но едвали кто нибудь могъ въ этомъ случаѣ перещеголять Григорія Строганова. Его попойки сдѣлались въ Россіи легендарными; опишу одну изъ нихъ, разсказанную мнѣ самимъ Григоріемъ Александровичемъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, по дѣламъ службы Строгановъ отправился въ Прибалтійскія провинціи и пріѣхалъ, — уже не помню теперь хорошенько — въ Ревель или Ригу, — словомъ въ большой городъ, гдѣ члены тамошняго клуба устроили ему обѣдъ. Какъ только Строгановъ вошелъ въ залу, члены встрѣтили его самымъ радушнымъ образомъ и повели въ столовую, гдѣ усадили, разумѣется, на первое мѣсто и стали его угощать

— Любезный графъ, — обратился къ Строганову предсѣдатель пирушки: — мы знаемъ, что въ Россіи никто такъ богатырски не пьетъ, какъ вы, и потому мы предлагаемъ вамъ выпить съ каждымъ изъ насъ по бокалу за ваше здоровье; насъ семнадцать человѣкъ, слѣдственно...

— Съ удовольствіемъ, — невозмутимо отвѣтилъ Григорій Александровичъ; онъ зналъ, что противъ него между его хозяевами произошло нѣчто въ родѣ маленькаго заговора съ цѣлью его напоить, и потому приготовился къ бою: — съ удовольствіемъ, я готовъ съ каждымъ изъ васъ выпить по бокалу шампанскаго.

Онъ всталъ. Всѣ поднялись за нимъ. Строгановъ чокался съ каждымъ изъ своихъ «сотрапезниковъ» и до дна осушалъ свой бокалъ; стоявшій позади его оффиціантъ немедленно снова наполнялъ его бокалъ, и Строгановъ снова чокался. Когда этотъ обрядъ окончился, всѣ усѣлись на свои мѣста и принялись обѣдать.

— Господа,—въ свою очередь, заговорилъ Строгановъ; онъ былъ, что называется, «какъ ни въ чемъ не бывало»:—я исполнилъ ваше желаніе; теперь позвольте мнѣ сдѣлать вамъ маленькое предложеніе.

— Согласны, заранѣе согласны!—загудѣли расходившіеся бароны.

— Я выпилъ, какъ вы изволили это видѣть, семнадцать бокаловъ; теперь я предлагаю слѣдующее: каждый изъ насъ долженъ выпить по семнадцати бутылокъ шампанскаго?..

Бароны нѣсколько опѣшили, но согласились; разумѣется, за третьей бутылкой половина изъ нихъ уже лежала подъ столомъ; остальные же если и бормотали что-то еще о «привиллегіяхъ», но такъ безтолково, что Строгановъ махнулъ на нихъ, что называется, рукой, надѣлъ фуражку и ушелъ.

Начальникъ мой, Александръ Григорьевичъ, отличался, какъ и братъ его, извѣстный всему Петербургу, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, сухимъ и даже рѣзкимъ видомъ, въ душѣ же онъ былъ человѣкъ и добрый и благонамѣренный, хотя не отличался тою благотворительностью, какою славился въ Петербургѣ его братъ Сергѣй Григорьевичъ; между мной и графомъ Строгановымъ существовали странныя отношенія; утромъ, когда я являлся къ нему по службѣ, онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и принималъ меня чисто по-начальнически;

онъ никогда не подавалъ мнѣ руки, и я стоя докладывалъ ему о возложенныхъ на меня имъ порученіяхъ или выслушивалъ его приказанія; затѣмъ я откланивался и уходилъ; но по возвращеніи домой человѣкъ докладывалъ мнѣ, что отъ генералъ-губернатора приходилъ курьеръ съ приглашеніемъ на обѣдъ. Когда я являлся на приглашеніе, я точно встрѣчалъ совершенно другого человѣка; съ ласковой улыбкой на совершенно измѣнившемся лицѣ, съ протянутой рукой, Строгановъ шелъ мнѣ навстрѣчу, не только любезно, но, можно сказать, товарищески разговаривая со мною обо всемъ; послѣ обѣда, куря, мы вдвоемъ играли на билліардѣ часовъ до одиннацати вечера; затѣмъ я уходилъ, но на слѣдующій день утромъ опять заставалъ своего начальника такимъ же ледянисто-сухимъ, какъ всегда. Эти отношенія, во-первыхъ, обрисовываютъ характеръ Строганова, во-вторыхъ, даютъ понятіе о существовавшихъ тогда отношеніяхъ между начальниками и подчиненными. Во время исполненія служебныхъ обязанностей начальникъ всегда оставался холоденъ, но если подчиненный принадлежалъ къ одному съ нимъ обществу, то въ обыденной жизни онъ становился любезнѣе, разумѣется, не въ такой рѣзкой формѣ, какъ это дѣлалъ Строгановъ. Лѣто семья Строганова проживала въ Диканькѣ (я уже сказалъ выше, что графъ былъ женатъ на княжнѣ Кочубей), и я часто туда ѣзжалъ. Я не стану описывать Диканьку, ея знаменитый дворецъ, паркъ и такъ далѣе; обо всемъ этомъ столько разъ было говорено; но опишу обыденную въ ней жизнь, какою я ее тогда видѣлъ. Состояніемъ старуха княгиня Кочубей владѣла такимъ огромнымъ, что даже по ея кончинѣ каждый изъ ея четырехъ сыновей еще оказался очень богатымъ человѣкомъ. Мы находились не то чтобы въ родствѣ, а въ свойствѣ

съ Кочубеями, такъ какъ моя родная тетка, сестра моей матери, была замужемъ за роднымъ братомъ княгини Кочубей — Васильчиковымъ. Этимъ и объясняется, что старуха княгиня всегда относилась ко мнѣ благосклонно — другого выраженія я употребить не могу, такъ какъ княгиня Кочубей держалась царицей; впрочемъ, не она одна— въ тѣ времена многія изъ знатныхъ дамъ новопожалованныхъ родовъ (такъ какъ ужъ и тогда настоящіе, древніе, княжескіе и боярскіе русскіе роды почти всѣ обѣднѣли и размножились) любили у себя въ помѣстьяхъ, какъ говорятъ французы, «jouer à la reine». На эктеніяхъ вслѣдъ за императорской фамиліей и именемъ мѣстнаго архіерея священникъ молился за княгиню со чадами и объ опочившемъ князѣ. По этому поводу я однажды былъ свидѣтелемъ смѣшной, но нѣсколько безобразной сцены; священникъ во время обѣдни, на эктеніи, ошибся и вмѣсто того, чтобы помолиться «о здравіи» княгини Кочубей, онъ помянулъ ее «за упокой». Она, разумѣется, какъ всегда, находилась въ церкви, и можно себѣ представить, какое непріятное впечатлѣніе эта ошибка произвела на женщину уже старую и необыкновенно чванную. Что же касается Строганова, то онъ просто разсвирѣпѣлъ. Едва обѣдня кончилась, онъ вбѣжалъ въ алтарь и бросился на священника; этотъ обмеръ отъ страха и выбѣжалъ въ боковую дверь вонъ изъ церкви; Строгановъ схватилъ стоявшую въ углу трость священника и бросился его догонять. Никогда мнѣ не забыть, какъ священникъ, подбирая рукой полы своей добротной шелковой рясы, отчаянно перескакивалъ клумбы и плетни, а за нимъ Строгановъ въ генеральскомъ мундирѣ гнался, потрясая тростью и приговаривая: «не уйдешь такой, сякой, не уйдешь».

На пріемахъ, обѣдахъ и даже тогда, когда, кромѣ

семьи и домочадцевъ, никого не было,—правда, это случалось очень рѣдко, — всѣ въ ожиданіи княгини собирались въ одну изъ гостиныхъ, и только за нѣсколько минутъ она появлялась въ сопровожденіи двухъ-трехъ приживалокъ; это нѣсколько смахивало на выходъ, но не казалось смѣшнымъ, во-первыхъ, потому, что княгиня Кочубей дѣйствительно выглядывала настоящей барыней, во-вторыхъ, потому, что роскошь Диканьки этому соотвѣтствовала.

Въ Харьковѣ я часто бывалъ у графа Головкина, женатаго на родной сестрѣ моей бабки, графини Сологубъ-Нарышкиной. Я ему доводился внучатнымъ племянникомъ, и онъ всегда необыкновенно ласково со мною обращался. Онъ изображалъ собою воплощеніе типа большихъ баръ XVIII-го столѣтія. Большого роста, тучный, съ огромнымъ гладко выбритымъ лицомъ и густыми сѣдыми волосами, зачесанными по модѣ императрицы Екатерины II, онъ всегда былъ одѣтъ изысканно, хотя по-старинному, носилъ чулки и башмаки съ необыкновенно красивыми пряжками; когда онъ входилъ въ комнату, покачиваясь и опираясь на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ, то распространялъ очень сильный и пріятный запахъ «Bouquet à la Maréchale», коимъ были пропитаны всѣ его одежды; къ каждому изъ своихъ гостей (онъ почти ни у кого не бывалъ), по-старинному, онъ обращался съ любезнымъ привѣтствіемъ; во всемъ онъ соблюдалъ обычаи проплаго и даже волочился за женщинами, вѣроятно, впрочемъ, безобидно, такъ какъ въ ту пору (въ 1837 г.) ему уже минуло за семьдесятъ. Во время моего пребыванія въ Харьковѣ предметомъ его старческой страсти была жена губернскаго архитектора, хорошенькая г-жа Меновская. Ежедневно она передъ обѣдомъ держалась съ

прочими гостями въ пріемной въ ожиданіи выхода хозяина; когда въ дверяхъ показывалась высокая фигура Головкина, Меновская первая подходила къ нему и, граціозно передъ нимъ присѣдая, подавала ему табакерку, наполненную тончайшимъ испанскимъ табакомъ; старикъ нѣжно принималъ изъ прекрасныхъ рукъ свою табакерку. Щеголевато, какъ истый маркизъ двора Людовика XV-го, концами пальцевъ подносилъ къ своему благородному носу щепотку табаку, съ наслажденіемъ ее втягивалъ, ногтями стряхивалъ пылинки табаку, упавшія на кружева жабо, потомъ обращался къ красивой полькѣ и, влюбленно на нее глядя, ежедневно произносилъ одну и ту же фразу:— «Trop gracieuse chère Madame, et de plus en plus jolie!»

Отъ Головкина я слышалъ много интересныхъ разсказовъ о выдающихся личностяхъ конца прошлаго вѣка и въ особенности о Потемкинѣ, котораго онъ хорошо помнилъ и близко зналъ. Между прочимъ, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее явленіе изъ жизни знаменитаго свѣтлѣйшаго, кажется, мало извѣстное. Во время второго турецкаго похода Потемкинъ, который, какъ извѣстно, очень любилъ женщинъ, влюбился въ жену одного изъ своихъ приближенныхъ офицеровъ, княгиню Долгорукую. При его тогдашнемъ могуществѣ, громадномъ богатствѣ и, кромѣ всего этого, его обаятельной личности, онъ только затруднялся тѣмъ, что французы называютъ «l'embarras du choix», но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ отпоръ непредвидѣнный; княгиня Долгорукая гордо отвергла исканія великолѣпнаго князя Тавриды, потому что горячо любила своего мужа. Какъ и слѣдовало ожидать, сопротивленіе еще болѣе разожгло страсть Потемкина; все было пущено въ ходъ, чтобы ослѣпить, затуманить, очаровать молодую красавицу, но напрасно: она попрежнему оставалась не-

преклонна. Однажды, объѣзжая позиціи войскъ вокругъ осаждаемаго Очакова, Потемкинъ завидѣлъ издали любимый обликъ и подскакалъ къ княгинѣ Долгорукой. Молодая женщина, какъ всегда, обошлась съ нимъ съ холодной почтительностью и нехотя отвѣчала на любезности князя.

— Дайте мнѣ понюхать этотъ цвѣтокъ, — промолвилъ князь, указывая на подснѣжникъ, приколотый къ мантильѣ княгини Долгорукой.

Та нехотя подала ему цвѣтокъ; но въ то время, какъ Потемкинъ, перегнувшись на сѣдлѣ, протягивалъ руку, лошадь его рванула, и подснѣжникъ упалъ въ грязь..

— Вы мнѣ позволите, княгиня, возвратить вамъ такой же цвѣтокъ? — спросилъ фельдмаршалъ.

— Д-да, — нерѣшительно отвѣтила княгиня.

Потемкинъ ей поклонился, поднялъ лошадь въ галопъ и поскакалъ домой. Черезъ часъ послѣ этого фельдъегерь мчался въ Петербургъ съ личнымъ порученіемъ отъ фельдмаршала. Какъ извѣстно, Потемкинъ и жилъ, и воевалъ царемъ; на войнѣ его сопровождалъ обозъ въ сотни телѣгъ, вмѣщавшихъ въ себѣ изысканныя яства, тончайшія вина, драгоцѣнную золотую и серебряную утварь, ковры, восточныя ткани и т. п. Между прочими его затѣями онъ приказалъ почти подъ стѣнами осаждаемаго города вырыть нѣчто въ родѣ подземнаго дворца съ огромной галлереей, могущей вмѣстить въ себѣ вереницу столовъ человѣкъ на сто. Къ назначенному дню все оказалось готовымъ; подземный чертогъ сіялъ позолотой и рдѣлъ роскошными тканями; съ утра князь разослалъ приглашенія на пиръ, но мѣсто пира оставалось неизвѣстнымъ почти для всѣхъ, и только нѣкоторые посвященные знали о великолѣпныхъ приготовленіяхъ. Кромѣ пышной

обстановки, всюду окружавшей свѣтлѣйшаго, его всюду сопровождала многочисленная свита, составленная не только изъ лицъ, находящихся при немъ на службѣ, но и ихъ женъ и даже дамъ и кавалеровъ вовсе ему чужихъ, и потому, не въ ущербъ побѣдамъ, празднества смѣнялись празднествами. Но этотъ пиръ превзошелъ великолѣпіемъ и оригинальностью всѣ предшествовавшіе. Когда очарованные гости при пушечной пальбѣ вошли или скорѣе опустились въ подземное царство, Потемкинъ ихъ встрѣтилъ со своею обычною привѣтливостью, но казался озабоченнымъ. За ужиномъ княгиня Долгорукая сидѣла напротивъ хозяина; казалось, ея красота еще никогда не была такъ обаятельна, и свѣтлѣйшій не сводилъ съ нея глазъ, но, тѣмъ не менѣе, безпокойство его и нетерпѣніе возростали съ каждой минутой. Но вотъ къ нему приблизился одинъ изъ дворецкихъ и, почтительно нагибаясь къ уху князя, прошепталъ нѣсколько словъ; лицо Потемкина просвѣтлѣло.

— А! наконецъ! — вскрикнулъ онъ: — я жду его съ утра; введите его сюда!

Черезъ минуту въ галлерею весь запыленный отъ долгой дороги вошелъ фельдъегерь и подалъ Потемкину маленькій бирюзоваго цвѣта экранъ; князь раскрылъ его и вынулъ изъ него удивительной работы бриллiантовый подснѣжникъ...

— Княгиня, — черезъ столъ подавая княгинѣ Долгорукой снова уложенный имъ въ экранъ подснѣжникъ, сказалъ Потемкинъ: — мѣсяцъ тому назадъ вы позволили мнѣ возвратить вамъ нечаянно уроненный мною въ грязь вашъ цвѣтокъ... Смѣю ли я надѣяться, что этотъ можетъ замѣнить тотъ?..

Княгиня Долгорукая взяла экранъ изъ рукъ Потем-

кина, полюбовалась игрой баснословныхъ камней, потомъ, возвращая свѣтлѣйшему экранъ, проговорила своимъ сдержаннымъ голосомъ:

— Князь, я согласилась отъ васъ принять такой же цвѣтокъ, какъ былъ мой, а не драгоцѣнный подарокъ; благодарю васъ за вашу обычную ко мнѣ любезность, но принять эту вещь я не могу!..

Потемкинъ измѣнился въ лицѣ и съ свойственною ему горячностью бросилъ подъ столъ, растопталъ каблукомъ, вдребезги уничтожилъ злополучный подснѣжникъ...

Присутствующимъ стало «не по себѣ», князь во гнѣвѣ былъ тяжелъ; но Потемкинъ съ обычнымъ своимъ умомъ взялъ на себя свойственный ему видъ и съ улыбкой насилованной, но, всетаки, улыбкой, обратился къ княгинѣ Долгорукой, выражая только сожалѣніе, что труды петербургскихъ ювелировъ и нѣсколько тысячъ верстъ, проскаченныхъ въ ея честь, не заслужили ея вниманія. Пиръ долго еще продолжался, но съ этого вечера свѣтлѣйшій пересталъ ухаживать за княгиней Долгорукой: гордый любимецъ великой царицы не простилъ ей ея урока.

Графъ Головкинъ также любилъ разсказывать о балѣ, данномъ Потемкинымъ въ честь императрицы Екатерины въ Таврическомъ дворцѣ. Разумѣется, все, что могла придумать самая роскошная и пышная фантазія съ тѣмъ особеннымъ тонкимъ вкусомъ, какимъ отличались праздненства при дворахъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, украшало дворецъ и примыкавшіе къ нему сады. Когда императрица, еще тогда прекрасная, прибыла на балъ, Потемкинъ встрѣтилъ ее на колѣняхъ; за нимъ на подушкѣ изъ голубого атласа пажъ держалъ его шляпу — она до того была разукрашена брилліантами, что въ рукахъ нести князю ее было тяжело.

VI.

Мое назначеніе камеръ-юнкеромъ. — Герцогъ Максиміліанъ Лейхтенбергскій. — Великая княгиня Марія Николаевна. — Царскіе вечера въ Аничковомъ дворцѣ. — Оригинальная игра въ карты. — Царская семья. — Шалость великаго князя Константина Николаевича. — Придворные балы. — Балъ у графа Воронцова-Дашкова. — Лермонтовъ. — Его ссылка на Кавказъ. — Нѣкоторыя подробности для его характеристики. — Тесть и теща мои. — Образъ ихъ жизни. — Моя первая жена. — Успѣхъ моего „Тарантаса“. — Совѣты Гоголя. — Первое представленіе моей пьесы „Петербургское цвѣтобѣсіе“. — Неудовольствіе цесаревича Александра Николаевича. — Мнѣніе императора Николая Павловича о моемъ „Тарантасѣ“. — Мои вечеринки. — Графъ Д. Н. Блудовъ. — Ѳ. И. Тютчевъ. — Знакомство съ Ѳ. М. Достоевскимъ. — Интересъ, возбуждающійся въ высшемъ обществѣ моими вечеринками. — Графъ Фредро. — Піанистъ Леви. — Вечеръ въ Мраморномъ дворцѣ, въ честь королевы Нидерландской. — Моя пьеса „à propos“ и ея успѣхъ. — Праздники въ Петергофѣ.

Служба моя въ Харьковѣ ознаменовалась тѣмъ, что я былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ званіе камеръ-юнкера; впрочемъ я широко пользовался отпусками, и зимою, большею частью, жилъ въ Петербургѣ. Я уже сказалъ, что время отъ турецкой кампаніи 1828 года до крымской войны было едва ли не самой блестящей эпохой свѣтской петербургской жизни. При дворѣ празднества смѣнялись празднествами. Во-первыхъ, состоялось бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ. Герцогъ Лейхтенбергскій былъ не только однимъ изъ

красивѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ, но также однимъ изъ просвѣщенныхъ и образованнѣйшихъ принцевъ. Онъ всегда относился ко мнѣ съ самою благосклонною дружбой, и я могу сказать, что мнѣ не приходилось встрѣтить человѣка съ такимъ обширнымъ и тонкимъ чутьемъ всего благороднаго и прекраснаго. Супруга герцога Лейхтенбергскаго, великая княжна Марія Николаевна, хотя гораздо ниже ростомъ, чѣмъ августѣйшая ея сестра, нынѣ королева Виртембергская, была, тѣмъ не менѣе, красоты замѣчательной. Она болѣе всѣхъ дѣтей походила лицомъ на своего царственнаго родителя Николая Павловича. Одаренная умомъ замѣчательнымъ и необыкновенно тонкимъ пониманіемъ въ живописи и скульптурѣ, она много содѣйствовала процвѣтанію родного искусства. Въ ея роскошномъ дворцѣ строгій этикетъ соблюдался только во время баловъ и оффиціальныхъ пріемовъ; въ остальное же время великая княгиня являлась скорѣе радушной хозяйкой, остроумной и благосклонной, въ средѣ лицъ, наиболѣе ей приближенныхъ, а также талантливыхъ артистовъ, всегда имѣвшихъ къ ней доступъ и находившихъ въ ней просвѣщенную покровительницу. Затѣмъ наступило бракосочетаніе великой княжны Ольги Николаевны, отпразднованное еще съ большею пышностью, такъ какъ великая княжна вступала въ бракъ съ наслѣдникомъ престола виртембергскаго; впрочемъ бракъ этотъ состоялся гораздо позднѣе. Какъ извѣстно, послѣ пожара Зимняго дворца государь Николай Павловичъ переселился, пока дворецъ отстроивался снова, въ Аничковскій дворецъ. Когда не было баловъ или оффиціальныхъ пріемовъ, къ вечернему чаю императрицы приглашались нѣкоторые сановники и выдающіяся лица петербургскаго большого свѣта. Государь, обмѣнявшись благосклонными словами съ

каждымъ изъ присутствующихъ, садился за карты; но иногда устроивалось слѣдующее развлеченіе, которое государь особенно любилъ и принималъ въ немъ участіе какъ главное дѣйствующее лицо. Изъ англійскаго магазина во дворецъ требовались разнаго рода вещи: золотыя и серебряныя издѣлія, статуетки, малахитовыя чернильницы, разнородные вѣера, пряжки и т. д. Всѣ эти вещи размѣщались камеръ-лакеями на нѣсколькихъ столахъ въ залѣ, примыкавшей къ гостиной императрицы. Послѣ чая государь переходилъ туда и садился передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ лежала игра картъ. Надо сказать, что подъ каждой изъ названныхъ мною выше вещей вмѣсто номера лежало названіе карты: двойка бубенъ, или десятка трефъ, или валетъ червей и проч.

— Господа,—обращался къ окружавшимъ его столикъ царедворцамъ государь:—кто изъ васъ желаетъ купить у меня девятку червей?.. Славная карточка!

— Я!.. я!.. я!.. слышались отовсюду возгласы царедворцевъ.

— А что дадите?—добродушно спрашивалъ, улыбаясь, государь.

— Двѣсти рублей,—картавя, басилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій. Онъ въ этихъ случаяхъ всегда являлся «запѣвалой», если можно такъ выразиться. Иногда завязывался между гостями споръ, они другъ другу не уступали карты, все набавляя высшую и высшую цѣну; или же иногда самъ государь не соглашался, находя цѣну недостаточною, что̀ его всегда очень забавляло. Когда всѣ карты были распроданы, государь вставалъ и въ сопровожденіи одного изъ дежурныхъ подходилъ къ столамъ, на которыхъ были размѣщены вещи; дежурный камеръ-юнкеръ или флигель-адъютантъ называлъ имена картъ,

обозначавшихъ вещи, а государь самъ лично вручалъ ихъ выигравшимъ. Изъ денегъ, вырученныхъ за проданныя карты, выплачивались вещи, взятыя изъ англійскаго магазина; остальныя, — обыкновенно очень порядочная сумма, — раздавались петербургскимъ бѣднымъ; такимъ образомъ отъ развлеченія великихъ міра сего богатыя крохи доставались бѣднякамъ.

Я уже сказалъ, что государь каждый вечеръ игралъ въ карты; партію его составляли приближенные ему сановники или особенно отличаемые имъ дипломаты. Государь, какъ извѣстно, былъ очень нѣжный отецъ и любилъ, чтобы августѣйшія его дѣти окружали его вечеромъ: цесаревичъ, тогда уже замѣчательно красивый юноша, великія княжны Ольга Николаевна и Марія Николаевна и великій князь Константинъ Николаевичъ; младшія дѣти ихъ величествъ, еще младенцы, оставались во внутреннихъ аппартаментахъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ всегда отличался большимъ умомъ и замѣчательными способностями, но былъ нрава очень рѣзваго и любилъ всякаго рода дѣтскія шалости. Однажды, вечеромъ, послѣ того, что государь, отпивъ чай и обойдя по обыкновенію всѣхъ присутствующихъ съ милостивымъ словомъ, сѣлъ за карточный столъ, къ другому такому же столу, невдалекѣ стоявшему, подошли четверо изъ приглашенныхъ государя, намѣреваясь также вступить въ бой. Въ ту минуту, что они, отодвинувъ стулья, собирались сѣсть за столъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, тогда еще отрокъ, проворно подбѣжалъ и выдернулъ стулъ, на который собирался сѣсть Иванъ Матвѣевичъ Толстой (впослѣдствіи графъ и министръ почтъ). Толстой грузно упалъ на коверъ и, огорошенный этимъ паденіемъ, поднялся съ помощью Михаила Юрьевича Віель-

горскаго; великій князь, смѣясь, выбѣжалъ изъ комнаты но государь замѣтилъ это маленькое происшествіе; онъ положилъ на столъ свои карты и, обращаясь къ императрицѣ, сидѣвшей невдалекѣ:

— Madame, levez-vous!—произнесъ онъ, возвышая голосъ для того, чтобы всѣ присутствующіе могли разслышать то, что онъ говорилъ. Императрица поднялась.

— Allons demander pardon à Иванъ Матвѣевичъ, d'avoir si mal élevé notre fils!..

Великому князю, разумѣется, попеняли за эту шалость, но Иванъ Матвѣевичъ былъ гораздо болѣе его смущенъ всѣмъ этимъ. Балы при дворѣ императора Николая Павловича отличались не только свойственной русскому двору пышностью, но и большимъ оживленіемъ. Императрица, еще прекрасная, участвовала въ танцахъ, потомъ стали появляться красавицы великія княжны и за ними легіонъ хорошенькихъ фрейлинъ и красивыхъ молодыхъ женщинъ. Тогдашній большой петербургскій свѣтъ, не смотря на свою замкнутость, умѣлъ и любилъ веселиться; на него еще не пахнуло ни англійской деревянностью, ни французской распущенностью; правда, мы и тогда перенимали, по нашей привычкѣ, многое у сосѣдей европейцевъ, но все щегольское, красивое, тонкое. Теперь часто, глядя на худосочную нынѣшнюю петербургскую молодежь, я не могу себѣ представить, что это—преемники красавцевъ Барятинскихъ, Васильчиковыхъ, Исаковыхъ и другихъ. Сколько въ нихъ было, кромѣ красоты, жизни, огня, молодости, задушевности, веселости; не впадая въ обычную всѣмъ старикамъ слабость находить, что все существовавшее въ наше время было лучше, и отдавая справедливость тому, что во многомъ теперешніе люди толковѣе насъ, нельзя не сказать, однако, что въ насъ самые недостатки даже извинялись

тѣмъ, что мы умѣли быть молодыми. А женщины? Кто изъ старожиловъ можетъ говорить безъ восторга о графинѣ Воронцовой-Дашковой, о графинѣ Мусиной-Пушкиной, Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, княжнахъ Трубецкихъ, Барятинскихъ, женѣ Пушкина?.. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь въ Петербургѣ есть много прелестныхъ и красивыхъ женщинъ, но между ними такъ много замѣшалось другихъ, отъ которыхъ какъ-то тянетъ мѣняльной лавочкой или лабазнымъ товаромъ, что ихъ присутствіе какъ-то невольно отзывается на самыхъ «чистокровныхъ».

Самыми блестящими послѣ баловъ придворныхъ были, разумѣется, празднества, даваемыя графомъ Иваномъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Одинъ изъ этихъ баловъ остался мнѣ особенно памятнымъ. Нѣсколько дней передъ этимъ баломъ Лермонтовъ былъ осужденъ на ссылку на Кавказъ. Лермонтовъ, съ которымъ я находился съиздавна въ самыхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя и происходилъ отъ хорошей русской дворянской семьи, не принадлежалъ, однако, по рожденію къ квинтъ-эссенціи петербургскаго общества, но онъ его любилъ, бредилъ имъ, хотя и подсмѣивался надъ нимъ, какъ всѣ мы грѣшные... Къ тому же въ то время онъ страстно былъ влюбленъ въ графиню Мусину-Пушкину и слѣдовалъ за нею всюду, какъ тѣнь. Я зналъ, что онъ, какъ всѣ люди, живущіе воображеніемъ, и въ особенности въ то время, жаждалъ ссылки, притѣсненій, страданій, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему веселиться и танцовать до упаду на всѣхъ балахъ; но я, всетаки, нѣсколько удивился, заставъ его такимъ беззаботно веселымъ почти наканунѣ его отъѣзда на Кавказъ; вся его будущность поколебалась отъ этой ссылки, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало кружился въ вальсѣ. Раздосадованный, я подошелъ къ нему.

— Да что ты тутъ дѣлаешь!—закричалъ я на него:—убирайся ты отсюда, Лермонтовъ, того и гляди тебя арестуютъ! Посмотри, какъ грозно глядитъ на тебя великій князь Михаилъ Павловичъ!

— Не арестуютъ у меня!—щурясь сквозь свой лорнетъ, вскользь проговорилъ графъ Иванъ, проходя мимо насъ.

Въ продолженіе всего вечера я наблюдалъ за Лермонтовымъ. Имъ обуяла какая-то лихорадочная веселость; но по временамъ что-то странное точно скользило на его лицѣ; послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ.

— Сологубъ, ты куда поѣдешь отсюда?—спросилъ онъ меня.

— Куда?.. домой, братъ, помилуй—половина четвертаго!

— Я пойду къ тебѣ, я хочу съ тобой поговорить!.. Нѣтъ, лучше здѣсь... Послушай, скажи мнѣ правду? Слышишь — правду?.. Какъ добрый товарищъ, какъ честный человѣкъ... Есть у меня талантъ, или нѣтъ?.. говори правду!..

— Помилуй, Лермонтовъ!— закричалъ я внѣ себя:— какъ ты смѣешь меня объ этомъ спрашивать!—человѣкъ, который, какъ ты, написалъ...

— Хорошо, перебилъ онъ меня:— ну, такъ слушай: государь милостивъ; когда я вернусь, я, вѣроятно, застану тебя женатымъ, ты остепенишься, образумишься, я тоже, и мы вмѣстѣ съ тобой станемъ издавать толстый журналъ.

Я, разумѣется, на все соглашался, но тайное скорбное предчувствіе какъ-то ныло во мнѣ. На другой день я ранѣе обыкновеннаго отправился вечеромъ къ Карамзинымъ. У нихъ каждый вечеръ собирался кружокъ, состоявшій изъ цвѣта

тогдашняго литературнаго и художественнаго міра: Глинка, Брюловъ, Даргомыжскій, словомъ, что носило извѣстное въ Россіи имя въ искусствѣ, прилежно посѣщало этотъ радушный, милый, высоко-эстетическій домъ. Едва я взошелъ въ тотъ вечеръ въ гостиную Карамзиныхъ, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мнѣ навстрѣчу, схватила мои обѣ руки и сказала мнѣ взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, Владиміръ, послушайте, что Лермонтовъ написалъ, какая это прелесть! Заставьте сейчасъ его сказать вамъ эти стихи!

Лермонтовъ сидѣлъ у чайнаго стола; вчерашняя веселость съ него «соскочила», онъ показался мнѣ блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему и выразилъ ему мое желаніе, мое нетерпѣніе услышать тотчасъ вновь сочиненные имъ стихи.

Онъ нехотя поднялся со своего стула.

— Да, я давно написалъ эту вещь,—проговорилъ онъ и подошелъ къ окну.

Софья Карамзина, я и еще двое-трое изъ гостей окружили его; онъ оглянулъ насъ всѣхъ бѣглымъ взглядомъ, потомъ точно задумался и медленно началъ:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ...

Итакъ далѣе. Когда онъ кончилъ, слезы потекли по его щекамъ, а мы, очарованные этимъ, едва ли не самымъ поэтическимъ его произведеніемъ и рѣдкой музыкальностью созвучій, стали горячо его хвалить.

— C'est du Pouchkine cela,—сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Non, c'est du Лермонтовъ, ce qui vaudra son Pouchkine! — вскричалъ я.

Лермонтовъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, братъ, далеко мнѣ до Александра Сергѣевича,—сказалъ онъ, грустно улыбнувшись: — да и времени работать мало остается; убьютъ меня, Владиміръ!

Предчувствіе Лермонтова сбылось; въ Петербургъ онъ больше не вернулся; но не отъ черкесской пули умеръ геніальный юноша, и на русское имя кровавымъ пятномъ легла его смерть.

Двѣ дѣвушки въ то время занимали мое воображеніе: княжна Марія Ивановна Барятинская и графиня Софья Михайловна Віельгорская; княжна Барятинская вышла замужъ за князя Михаила Кочубея*), я женился на графинѣ Віельгорской. Впрочемъ, съ женитьбой мой образъ жизни мало измѣнился; я, каюсь, не родился домосѣдомъ и часто злоупотреблялъ слабостью, свойственной всѣмъ пишущимъ людямъ, шататься всюду и вездѣ. Теща моя, графиня Луиза Карловна, какъ это было извѣстно всему Петербургу, сильно ко мнѣ не благоволила, но, такъ какъ я не обращалъ вниманія на ея замѣчанія, она поручила своему добрѣйшему мужу, моему тестю, сдѣлать мнѣ выговоръ по случаю моихъ позднихъ возвращеній домой. Это обстоятельство нѣсколько затрудняло Михаила Юрьевича, такъ какъ онъ самъ, не смотря на свои почтенныя лѣта, широко пользовался всякаго рода пріятными развлеченіями. Тѣмъ не менѣе, графъ Віельгорскій вошелъ ко мнѣ однажды въ кабинетъ и, насупившись, сказалъ мнѣ недовольнымъ голосомъ:

— Послушай, однако, Владиміръ, это ни на что не похоже! Тебя цѣлыми вечерами до поздней ночи не бы-

---

*) Она вскорѣ умерла, и князь Кочубей женился на дочери извѣстнаго французскаго актера Брессана.

ваетъ дома! Ну, вчера, напримѣръ, въ которомъ часу ты вернулся домой?..

— Да за полчаса, я думаю, до вашего возвращенія, Михаилъ Юрьевичъ, — отвѣчалъ я ему, невольно усмѣхнувшись.

Онъ прикусилъ губы и ничего мнѣ на это не отвѣтилъ, но уже съ тѣхъ поръ никогда болѣе не дѣлалъ мнѣ никакого рода замѣчаній. Я долженъ сказать, что рѣдко кого въ жизни такъ горячо любилъ, какъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, и въ началѣ нашего знакомства (я говорю о своихъ взрослыхъ лѣтахъ, такъ какъ въ дѣтствѣ я часто его видѣлъ) онъ прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ меня къ себѣ привязалъ. Въ ихъ домѣ пріемы раздѣлялись на двѣ совершенно по себѣ различныя стороны. Пріемы графини Луизы Карловны отличались самой изысканной свѣтскостью и соединяли въ ея роскошныхъ покояхъ цвѣтъ придворнаго и большого свѣта; у графа же Михаила Юрьевича раза два, три въ недѣлю собирались не только извѣстные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры и начинающіе карьеру газетчики (что̀ въ тѣ времена было нелегкой задачей), и даже просто всякаго рода неизвѣстные людишки, которыми Віельгорскій, какъ истый баринъ, никогда не брезгалъ. Всѣ эти господа приходили на собственный Віельгорскаго подъѣздъ (на Михайловской площади, домъ, нынѣ принадлежащій кондитеру Кочкурову), и графиня Віельгорская не только не знала о ихъ присутствіи въ ея домѣ, но даже не вѣдала о существованіи многихъ изъ нихъ. Часто Віельгорскій на короткое время покидалъ своихъ гостей, уѣзжалъ во дворецъ или на какой нибудь пріемъ одного изъ посланниковъ или министровъ, но скоро возвращался, снималъ свой мундиръ, звѣзды, съ особеннымъ удоволь-

ствіемъ облекался въ бархатный, довольно потертый сюртукъ и принимался играть на билліардѣ съ какимъ нибудь затрапезнымъ Самсоновымъ. Но этотъ образъ жизни— или, скорѣе, рѣзкость пріемовъ—родителей моей жены нѣсколько измѣнился со дня нашей свадьбы. Я уже сказалъ, что мы жили у нихъ же въ домѣ, на особенной, для насъ ими отдѣланной квартирѣ. Мы съ женою завтракали и обѣдали у Віельгорскихъ; въ остальное же время сохраняли совершенную независимость въ нашемъ образѣ жизни, много принимали у себя, и эти два элемента — свѣтскій и артистическій — у насъ соединялись въ одно цѣлое, въ то время рѣдкое и особенно привлекательное. Жена моя, хотя съизмала жила въ свѣтѣ, не любила его; все ея время поглощала ея беззавѣтная, болѣзненная любовь къ дѣтямъ, имѣвшая, увы, горькія послѣдствія. Я всячески старался развлекать ея воображеніе, для котораго міръ замыкался тамъ, гдѣ рѣчь не шла о пеленкахъ и касторовомъ маслѣ, тѣмъ болѣе, что она и понимала, и цѣнила искусства и сама была одарена рѣдкими музыкальными способностями и прекрасно также рисовала. По возвращеніи нашемъ изъ заграничнаго путешествія и появленіи имѣвшаго всего болѣе успѣха моего сочиненія «Тарантасъ», мое литературное положеніе выдвинулось на первый планъ; я сдѣлался моднымъ, едва ли не самымъ моднымъ въ Россіи писателемъ. Надо сказать, что тогда (я говорю о второй половинѣ сороковыхъ годовъ), за исключеніемъ геніальнаго Гоголя, въ которомъ, впрочемъ, за исключеніемъ небольшого круга посвященныхъ, большинство публики еще не цѣнило достойно его огромнаго таланта, и Марлинскаго, бывшаго въ большой модѣ, въ русской литературѣ не было особенно талантливыхъ писателей. Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ только начинали свое впослѣдствіи блистательное поприще;

гигантъ русскаго романа Левъ Толстой былъ еще отрокомъ, а его соименникъ, Алексѣй Толстой, блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, и никто тогда не могъ въ немъ предвидѣть вдохновеннаго творца «Іоанна Грознаго». Григоровичъ уже кое-что пописывалъ, но еще мало былъ извѣстенъ и только позже вошелъ въ большую моду. Итакъ мой «Рантасъ» имѣлъ успѣхъ, до тѣхъ поръ неслыханный въ книжномъ дѣлѣ, и имя мое стало популярно въ Россіи. Не могу не сознаться, что этотъ громовый успѣхъ имѣлъ на мою будущую литературную дѣятельность самое пагубное вліяніе. Я сталъ работать небрежно, увлекаться темой дня, или, что̀ всего хуже, лѣниться. Сколько разъ Гоголь сердито укорялъ меня въ моей лѣни!

— Да не пишется что-то, — говорилъ я.

— А вы, всетаки, пишите, — отвѣчалъ онъ мнѣ тѣмъ особеннымъ своимъ добродушнымъ насмѣшливымъ тономъ, который онъ принималъ часто, говоря съ близкими ему людьми: —всетаки, пишите; возьмите хорошенькое перышко, хорошенько его очините, положите передъ собою листъ бумаги и начните такимъ образомъ: «Мнѣ сегодня что-то не пишется». Напишите это много разъ сряду, и вдругъ вамъ придетъ хорошая мысль въ голову! за ней другая, третья, вѣдь иначе никто не пишетъ, и люди, обуреваемые постояннымъ вдохновеніемъ, рѣдки, Владиміръ Александровичъ!

Но я, увы, не совсѣмъ послушался Гоголя, и въ этотъ періодъ времени, то есть отъ 1845 года до начала пятидесятыхъ годовъ, написалъ множество теперь уже совершенно забытыхъ и, впрочемъ, плохихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ и въ особенности театральныя пьесы пользовались хотя временнымъ, но большимъ успѣхомъ; иныя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Букеты, или Петербургское Цвѣтобѣсіе», навлекли на себя послѣ большого

успѣха громы россійской цензуры. Я живо припоминаю первое представленіе этой пьесы. Государь Николай Павловичъ находился въ Италіи, но цесаревичъ Александръ Николаевичъ присутствовалъ на представленіи и очень остался недоволенъ; повстрѣчавшись со мною, цесаревичъ рѣзко выразилъ мнѣ свое удивленіе въ томъ, «что камеръ-юнкеръ графъ Сологубъ можетъ писать сочиненія съ такимъ вреднымъ направленіемъ». Я, разумѣется, согнулся въ три погибели и промолчалъ, но въ душѣ не могъ не подумать, что эта совершенно невинная шутка-водевиль не заслуживала августѣйшаго гнѣва. Я долженъ при этомъ сказать, что этотъ случай выговора мнѣ цесаревичемъ былъ единственный во всей моей жизни, и потомъ и всегда, будучи императоромъ, онъ обходился со мною съ особеннымъ благоволеніемъ. Государь Николай Павловичъ пишущихъ людей вообще не долюбливалъ, но мои сочиненія всѣ читалъ и относился къ нимъ благосклонно; разъ только, глянувъ на меня тѣмъ особеннымъ взглядомъ, отъ котораго самому храброму и увѣренному въ себѣ человѣку становилось жутко, онъ сказалъ мнѣ, «что совѣтуетъ, когда мнѣ еще вздумается описывать губернаторшъ, не выводить представленнаго мною типа въ «Тарантасѣ», который ему сильно не нравится!» Теперь это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что мои собраты шестидесятыхъ годовъ выдавали и выдаютъ меня до сихъ поръ за яраго крѣпостника и консерватора!..

Я уже сказалъ выше, что у меня по вечерамъ собирались самые разнородные гости; въ комнатѣ, находившейся за моимъ кабинетомъ и прозванной мною «звѣринцемъ», такъ какъ въ ней помѣщались люди, не рѣшавшіеся не только сидѣть въ гостиной, но даже входить въ мой кабинетъ, куда, однако, дамы рѣдко загляды-

вали,—въ этой комнатѣ часто можно было видѣть сидящихъ рядомъ на низенькомъ диванчикѣ предсѣдателя государственнаго совѣта графа Блудова и г. Сахарова, одного изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ въ Россіи людей, но постоянно лѣтомъ и зимой облеченнаго въ длиннополый сюртукъ гороховаго цвѣта съ небрежно повязаннымъ на шеѣ галстукомъ, что̀ для модныхъ гостиныхъ являлось не совсѣмъ удобнымъ. Графъ Блудовъ былъ однимъ изъ выдающихся людей царствованій императоровъ Александра I и Николая I; человѣкъ обширнаго ума и непреклонныхъ убѣжденій, патріотъ самой высокой степени, преданный престолу, то есть Россіи, родинѣ, онъ имѣлъ то рѣдкое въ тѣ времена преимущество надъ современными ему сановниками, что и понималъ, и видѣлъ пользу прогресса, но прогресса постепеннаго. Слабой стороной графа Блудова былъ его характеръ, раздражительный и желчный; извѣстный острякъ и поэтъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ говорилъ про него: «Il faut avouer que le comte Bloudow est le modèle des chretiens, personne comme lui ne pratique l'oubli des injures... qu'il a fait lui-même!» И дѣйствительно, бывало въ минуту вспыльчивости графъ Блудовъ «разнесетъ» такъ, что хоть «святыхъ вонъ выноси», а потомъ, глядь, уже все позабылъ и съ ласковою улыбкою снова съ вами заговариваетъ. Послѣ графа Блудова осталось трое дѣтей: старшая дочь, камеръ-фрейлина графиня Антуанета Дмитріевна, извѣстная всему Петербургу своею набожностью, благотворительностью и ярымъ славянофильствомъ, графъ Вадимъ Блудовъ, человѣкъ очень милый и умный, но наслѣдовавшій до нѣкоторой степени раздражительность отца, и, наконецъ, другой братъ Андрей, уже много лѣтъ россійскій посланникъ при бельгійскомъ дворѣ. Я назвалъ только что Ѳедора Ивано-

вича Тютчева; онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей моихъ вечеровъ; онъ сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мнѣ случалось на моемъ вѣку разговаривать и слушать знаменитыхъ разсказчиковъ, но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого чарующаго впечатлѣнія, какъ Тютчевъ. Остроумныя, нѣжныя, колкія, добрыя слова, точно жемчужины, небрежно скатывались съ его устъ. Онъ былъ едва ли не самымъ свѣтскимъ человѣкомъ въ Россіи, но свѣтскимъ въ полномъ значеніи этого слова. Ему были нужны, какъ воздухъ, каждый вечеръ, яркій свѣтъ люстръ и лампъ, веселое шуршанье дорогихъ женскихъ платьевъ, говоръ и смѣхъ хорошенькихъ женщинъ. Между тѣмъ его наружность очень не соотвѣтствовала его вкусамъ; онъ собою былъ дуренъ, небрежно одѣтъ, неуклюжъ и разсѣянъ; но все, все это исчезало, когда онъ начиналъ говорить, разсказывать; всѣ мгновенно умолкали, и во всей комнатѣ только и слышался голосъ Тютчева; я думаю, что главной прелестью Тютчева въ этомъ случаѣ было то, что разсказы его и замѣчанія «coulaient de source», какъ говорятъ французы; въ нихъ не было ничего приготовленнаго, выученнаго, придуманнаго. Соперникъ его по салоннымъ успѣхамъ, князь Вяземскій, хотя обладалъ рѣдкой привлекательностью, но никогда не славился этой простотой обаятельности, которой отличался умъ Тютчева. У меня въ то время собирались всѣ тузы русской литературы. Я уже назвалъ Тютчева, Вяземскаго и Гоголя; кромѣ ихъ, часто посѣщалъ меня добрѣйшій и всѣми любимый князь Одоевскій, Некрасовъ, Панаевъ, котораго повѣсти были въ большой модѣ въ то время, Бенедиктовъ, Писемскій. Изрѣдка въ звѣринцѣ появлялась высокая фигура моло-

дого Тургенева; сухопарый и юркій Григоровичъ былъ у насъ въ домѣ какъ свой, также и Болеславъ Маркевичъ. Одинъ, всего одинъ разъ, мнѣ удалось затащить къ себѣ Достоевскаго. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился.

Въ 1845 или 1846 году, я прочелъ въ одномъ изъ тогдашнихъ изданій повѣсть, озаглавленную «Бѣдные люди». Такой оригинальный талантъ сказывался въ ней, такая простота и сила, что повѣсть эта привела меня въ восторгъ. Прочитавши ее, я тотчасъ же отправился къ издателю журнала, кажется, Андрею Александровичу Краевскому, освѣдомиться объ авторѣ; онъ назвалъ мнѣ Достоевскаго и далъ мнѣ его адресъ. Я сейчасъ же къ нему поѣхалъ и нашелъ въ маленькой квартирѣ на одной изъ отдаленныхъ петербургскихъ улицъ, кажется, на Пескахъ, молодого человѣка, блѣднаго и болѣзненнаго на видъ. На немъ былъ одѣтъ довольно поношенный домашній сюртукъ съ необыкновенно короткими, точно не на него сшитыми, рукавами. Когда я себя назвалъ и выразилъ ему въ восторженныхъ словахъ то глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленное впечатлѣніе, которое на меня произвела его повѣсть, такъ мало походившая на все, что въ то время писалось, онъ сконфузился, смѣшался и подалъ мнѣ единственное находившееся въ комнатѣ старенькое, старомодное кресло. Я сѣлъ, и мы разговорились; правду сказать, говорилъ больше я — этимъ я всегда грѣшилъ. Достоевскій скромно отвѣчалъ на мои вопросы, скромно и даже уклончиво. Я тотчасъ увидѣлъ, что это натура застѣнчивая, сдержанная и самолюбивая, но въ высшей степени талантливая и симпатичная. Просидѣвъ у него минутъ двадцать, я поднялся и пригласилъ его поѣхать ко мнѣ запросто пообѣдать.

Достоевскій просто испугался.

— Нѣтъ, графъ, простите меня,—промолвилъ онъ растерянно, потирая одну объ другую свои руки:—но, право, я въ большомъ свѣтѣ отъ роду не бывалъ и не могу никакъ рѣшиться...

— Да кто вамъ говоритъ о большомъ свѣтѣ, любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, — мы съ женой дѣйствительно принадлежимъ къ большому свѣту, ѣздимъ туда, но къ себѣ его не пускаемъ!

Достоевскій разсмѣялся, но остался непреклоннымъ, и только мѣсяца два спустя рѣшился однажды появиться въ моемъ звѣринцѣ. Но скоро наступилъ 1848 годъ, онъ оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ Петрашевскаго и былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Остальное читатели уже знаютъ.

Я уже сказалъ, что, кромѣ моихъ собратьевъ и другихъ артистовъ, у меня бывало на вечерахъ множество людей сановныхъ, придворныхъ и свѣтскихъ; ихъ привлекало, во-первыхъ, то, что они могли вблизи посмотрѣть на это въ тѣ времена диковинное явленіе «русскихъ литераторовъ», имъ по ихъ воспитанію на иностранный ладъ совершенно чуждое, но въ особенности потому, что я устроилъ эти вечера единственно въ виду того, чтобы собирать у себя именно этихъ писателей, живописцевъ, музыкантовъ, издателей тогдашнихъ газетъ и журналовъ, и вообще людей, близко связанныхъ и съ роднымъ, и съ иностраннымъ искусствомъ, и потому нисколько не желалъ, чтобы люди чисто свѣтскіе бывали на этихъ вечерахъ. Этого, разумѣется, было достаточно, чтобы «весь Петербургъ» стремился ко мнѣ. Теперь мнѣ часто становится смѣшно, когда я вспоминаю всѣ ухищренія, употребляемыя въ то время нѣкоторыми дипломатами, убѣленными сѣдинами сановниками, словомъ цвѣтомъ тогдаш-

няго петербургскаго общества, чтобы попасть ко мнѣ. О женщинахъ нечего и говорить; съ утра до вечера я получалъ раздушенныя записки почти всегда слѣдующаго содержанія: «Милѣйшій графъ, я такъ много наслышалась о вашихъ прелестныхъ вечерахъ, что чрезвычайно интересуюсь и желаю побывать на одномъ изъ нихъ! Прошу, умоляю васъ, если это нужно, назначить мнѣ день, въ который я могу пріѣхать къ вамъ и увидѣть вблизи всѣхъ этихъ знаменитыхъ и любопытныхъ для меня людей. Надѣюсь и т. д.» Но женщинамъ самымъ милымъ и высокопоставленнымъ мнѣ приходилось наотрѣзъ отказывать, такъ какъ ихъ появленіе привело бы въ бѣгство не только мой милый звѣринецъ, но и многихъ посѣтителей кабинета. Только четыре женщины, разумѣется, исключая родныхъ и Карамзиныхъ, допускались на мои скромныя сборища, а именно: графиня Ростопчина, извѣстная писательница, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, графиня Мусина-Пушкина и Аврора Карловна Демидова. Надо сказать, что всѣ онѣ держались такъ просто и мило, что нисколько не смущали моихъ гостей. Между нами было условлено, что туалеты на нихъ будутъ самые скромные; онѣ этому, хотя нехотя, подчинялись, и разъ только Аврора Карловна Демидова, которой, ѣдучи на какой-то балъ, вздумалось завернуть къ намъ по дорогѣ, вошла въ гостиную въ бальномъ платьѣ. Правда, платье было темное, бархатное, одноцвѣтное, но на обнаженной шеѣ сіялъ баснословный Демидовскій бриллiантъ, стоившій, кажется, болѣе милліона рублей ассигнаціями.

— Аврора Карловна, что вы это надѣли, помилуйте!— да они всѣ разбѣгутся при видѣ васъ!—идя ей навстрѣчу, смѣясь, закричалъ я, указывая на ея брилліантъ.

— Ахъ, это правда!—съ такимъ же смѣхомъ отвѣтила мнѣ Демидова и, поспѣшно отстегнувъ съ шеи свое ожерелье, положила его въ карманъ.

Ровно въ полночь у меня въ столовой подавался ужинъ, состоявшій изъ одного кушанья, какого нибудь гомерическихъ размѣровъ ростбива или двухъ-трехъ зажаренныхъ индѣекъ; они запивались простымъ краснымъ столовымъ виномъ. Гости мои, наговорившись до-сыта, кушали съ большимъ аппетитомъ. Послѣ ужина всѣ разъѣзжались до слѣдующаго вечера. Упоминая нѣкоторыя изъ именъ лицъ, посѣщавшихъ мои вечера, я забылъ назвать двухъ моихъ близкихъ пріятелей: извѣстнаго всему Петербургу комическаго писателя польскаго происхожденія, графа Фредро, и не менѣе его любимаго всѣми пьяниста Лѐви, одно имя котораго объясняетъ его происхожденіе. Графъ Фредро имѣлъ рѣдко талантливую натуру и поражалъ своимъ блестящимъ остроуміемъ, но грѣшилъ тѣмъ же, чѣмъ и я, то есть на пустяки дня и моды тратилъ свое дарованіе. Онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ завсегдатаевъ Михайловскаго дворца, гдѣ, поощряемые рѣдкою благосклонностью и замѣчательнымъ государственнымъ умомъ августѣйшей хозяйки, собирались всѣ выдающіеся люди прошлаго царствованія. Послѣ мятежа 1863 года, онъ нѣкоторое время проживалъ за границею, большею частью, въ Парижѣ, гдѣ вращался много въ кругу своихъ соотечественниковъ. Онъ затащилъ въ него и находившагося въ то время въ Парижѣ нашего общаго пріятеля Лѐви; но этотъ шутъ Лѐви, какъ всегда, не воздержался напроказничать. Однажды, въ домѣ одного изъ самыхъ ярыхъ польскихъ патріотовъ, его попросили что нибудь сыграть. Онъ сѣлъ за фортепіано и съ обычнымъ своимъ талантомъ исполнилъ двѣ Шопеновскія вещи; по-

томъ грянулъ «Еще Польша не сгинѣла», но вотъ время, что лѣвой рукой онъ «валялъ» куплеты «Къ отчизнѣ»,— правой на высокихъ нотахъ онъ отчетливо наигрывалъ одну изъ любимѣйшихъ и задушевныхъ русскихъ пѣсенъ. Паны расходились.

— Что это? Что это вы дѣлаете?—гнѣвно обратился къ нему хозяинъ.—Какъ теперь, въ такое тяжелое для насъ время, вы въ моемъ домѣ играете популярныя русскія пѣсни и соединяете ихъ...

— Это, чтобы дать вамъ понятіе о родствѣ славянскихъ мелодій,—вкрадчиво улыбаясь, возразилъ Лѣви.

Живой, какъ огонь, вертлявый, маленькій и безобразный лицомъ, Лѣви пользовался, однако, большими успѣхами у женщинъ, и если онъ, какъ Шопенъ, не умеръ на рукахъ двадцати очарованныхъ имъ женщинъ, то единственно потому, что онъ еще живъ до сихъ поръ. Хотя его нельзя по таланту сравнивать съ полубогами фортепіаннаго искусства, какъ Антонъ Рубинштейнъ и Листъ, однако, всетаки, онъ можетъ считаться однимъ изъ первоклассныхъ европейскихъ пьянистовъ; но я полагаю, что ни одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ его собратовъ не можетъ съ такою легкостью и оригинальностью перемѣшивать на своемъ инструментѣ самыя разнородныя мелодіи, придавая имъ, однако, что-то схожее между собою, чуть ли не родственное.

Я сказалъ уже выше, что отъ появленія въ свѣтъ «Тарантаса» я увлекался вопросами дня и, если можно такъ выразиться, «поставлялъ» ко двору и модным го-стинымъ разныя пьесы и «à propos» въ стихахъ и прозѣ, теперь не только всѣми, но даже мною забытыя... Одна изъ такихъ импровизацій осталась мнѣ особенно памятна. Дѣло было тотчасъ по окончаніи Крымской кампаніи. Ко-

ролева Нидерландская Анна Павловна прибыла въ Петербургъ для свиданія съ своимъ царственнымъ племянникомъ. По этому случаю при дворѣ и у великой княгини приготовлялись самыя великолѣпныя празднества. Особенно много въ Петербургѣ говорилось о предполагаемомъ пріемѣ въ Мраморномъ дворцѣ у великаго князя Константина Николаевича. Наканунѣ этого праздника, утромъ, одинъ изъ адъютантовъ великаго князя пріѣхалъ ко мнѣ отъ имени великой княгини Александры Іосифовны съ приглашеніемъ тотчасъ явиться къ ея высочеству. Я поспѣшилъ въ Мраморный дворецъ. Великая княгиня меня сейчасъ же приняла.

— Любезный графъ, — сказала мнѣ великая княгиня съ обычной своей благосклонностью, — вы должны насъ выручить. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы знаете, что назавтра у насъ назначено празднество въ честь королевы Нидерландской. Государь и императрица уже извѣщены объ этомъ, а между тѣмъ у насъ еще ничего не готово... все, что мы придумали, намъ не удается...

— Я, какъ всегда, въ полномъ распоряженіи вашего высочества, — отвѣтилъ я: — но мнѣ приходится сожалѣть о томъ, что осталось до праздника такъ мало времени...

— Это уже ваше дѣло, — смѣясь, прервала меня великая княгиня: — je vous donne carte blanche, mais faites vite et surtout faites bien!..

Я откланялся и прямо изъ Мраморнаго дворца отправился къ Вѣрѣ Самойловой. Петербургскіе сторожилы еще помнятъ эту прелестную и высокоталантливую артистку, сестру знаменитаго русскаго актера Василія Васильевича Самойлова. Въ двухъ словахъ я ей объяснилъ, въ чемъ дѣло, и разсказалъ ей о пьесѣ-экспромтѣ, зарождавшейся у меня въ головѣ. Она, разумѣется, обѣщала мнѣ свое

содѣйствіе. Въ слѣдующій вечеръ, какъ на грѣхъ, она играла на Александринской сценѣ; тѣмъ не менѣе, зная ея необычайную память и понятливость, я уже нѣсколько успокоенный поѣхалъ къ себѣ домой и принялся за работу. По мѣрѣ того, что я исписывалъ нѣсколько листовъ, я посылалъ ихъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ съ простыми помарками, какъ ей одѣться, войдти на сцену и т. д. Разумѣется, въ пьесѣ дѣйствующихъ лицъ было только двое— Самойлова и я; на содѣйствіе другихъ въ такое короткое время нечего было разсчитывать,—они бы все перепутали. Въ тотъ же вечеръ, то есть наканунѣ представленія, мнѣ пришлось на нѣсколько часовъ оторваться отъ работы, такъ какъ великая княгиня пожелала, чтобы я присутствовалъ на генеральной репетиціи живыхъ картинъ въ Мраморномъ дворцѣ. Около полуночи я опять вернулся домой и снова засѣлъ за работу. Утромъ, часовъ около десяти я послалъ къ Самойловой послѣднія страницы оконченной мною импровизаціи, а самъ какъ снопъ свалился на диванъ и проспалъ мертвымъ сномъ нѣсколько часовъ. Затѣмъ я одѣлся и поѣхалъ въ Мраморный дворецъ. Принявъ послѣднія приказанія отъ великой княгини и сдѣлавъ съ своей стороны разныя распоряженія насчетъ предстоящаго представленія, я отправился въ отведенную мнѣ комнату и сталъ гримироваться и одѣваться. Нѣсколько времени спустя, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь.

— Кто тамъ еще? — раздраженно крикнулъ я; отъ усиленной работы, суеты, шума, разговоровъ у меня начинала ходить кругомъ голова.

— Я, — отвѣтилъ мнѣ веселый голосъ; дверь отворилась, и въ комнату вошла Самойлова.

Я вскочилъ со стула и отступилъ въ восторгѣ на

шагъ. Какъ она все поняла, эта несравненная артистка!.. Все,—одежда, прическа, гримировка,—все не только соотвѣтствовало идеалу ея роли—оно превосходило этотъ идеалъ! И какъ хороша была она въ этомъ кокошникѣ, въ этомъ полурусскомъ, полумиѳическомъ нарядѣ.

— Роль вы знаете?— спросилъ я ее, оканчивая гримироваться и одѣваться.

— Знаю и свою, и вашу, потому что вы нервный человѣкъ, вѣроятно, уже все перезабыли!..

Насъ пришли увѣдомить, что пора начинать. Читатели не забыли, что праздникъ былъ устроенъ въ честь Нидерландской королевы, и потому нужно было, разумѣется, въ моей наскоро скомканной пьесѣ упомянуть о Голландіи, Саардамѣ, Петрѣ Великомъ и русскомъ флотѣ, такъ какъ пьеса игралась у генералъ-адмирала русскаго флота. Я изобразилъ стараго русскаго моряка (я исполнялъ эту роль), къ которому является геній Россіи, и въ длинномъ монологѣ, потомъ превратившемся въ діалогъ, между двумя дѣйствующими лицами разсказывается славная исторія Великаго Преобразователя и русскаго флота; затѣмъ хоры и живая картина. Пьеса оказалась, я долженъ въ этомъ сознаться, прескверной, хотя успѣхъ имѣла большой, но розыграли мы её, скромность въ сторону, превосходно; впрочемъ я всегда игралъ свои пьесы лучше, чѣмъ ихъ писалъ. Но въ этомъ случаѣ это былъ настоящій tour de force, такъ какъ мы не только не репетировали своихъ ролей, но даже ни разу не прочли вмѣстѣ пьесы. Между тѣмъ каждую минуту зрители прерывали насъ апплодисментами, и какіе зрители!—государь, императрица, королева Нидерландская, августѣйшіе хозяева, всѣ великіе князья и великія княгини, иностранные принцы, находившіеся тогда въ Петербургѣ, и цвѣтъ большого

петербургскаго свѣта. По окончаніи представленія, государь соизволилъ меня поздравить съ успѣхомъ и самъ подвелъ меня къ королевѣ Аннѣ Павловнѣ. По-русски, чисто карамзинскимъ слогомъ начала столѣтія, королева благосклонно выразила мнѣ удовольствіе, доставленное ей только-что прослушанной пьесой, потомъ, перемѣнивъ разговоръ, уже по-французски, королева сказала мнѣ, что живо помнитъ моего отца, который въ дѣтствѣ раздѣлялъ ея игры и игры ея августѣйшихъ братьевъ и сестеръ. Во все время пребыванія королевы праздники смѣнялись праздниками; одинъ изъ нихъ выдался особенно оригинальнымъ. Не помню теперь, гдѣ онъ происходилъ — въ Петербургѣ или въ Петергофѣ, но помню навѣрное, что въ большомъ паркѣ была устроена настоящая голландская «Kermess»; красивѣйшія и знатнѣйшія петербургскія дамы сидѣли за щегольскими лавочками и продавали всякую дрянь въ нихъ, но, правда, на вѣсъ золота. Самою изящною изъ нихъ была лавочка великой княгини Маріи Николаевны. Великая княгиня облеклась въ голландскій костюмъ по этому случаю, и прическа ея, и головной уборъ, чисто голландскіе, «sentaient le terroir», по французскому выраженію. Этотъ головной уборъ необыкновенно шелъ къ пластически правильнымъ и красивымъ чертамъ великой княгини.

VII.

Князь М. С. Воронцовъ.—Его утренніе служебные пріемы.—Анекдотъ о немъ.—Его характеристика.—Докторъ Андреевскій.—Князь Эристовъ.—Личная храбрость Воронцова и его обращеніе съ солдатами.—Княгиня Е. К. Воронцова.—Марья Васильевна Столыпина.—Женитьба молодого Воронцова.—Тифлисъ пятидесятыхъ годовъ.—Н. А. Ханыковъ.—Разсказъ И. С. Тургенева объ его обѣдѣ съ Жемчужниковымъ въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ.—Приближенные князя Воронцова.—Тогдашнее тифлисское общество.—Празднество въ Кутаисѣ по случаю пріѣзда императора Александра Николаевича.—Стихи, написанные мною по этому случаю, и произведенный ими эффектъ.—Дружескіе проводы при моемъ отъѣздѣ съ Кавказа.—Воспоминаніе о крымской кампаніи.

Въ началѣ 1850 года, я довольно серьёзно заболѣлъ, и доктора совѣтовали мнѣ ѣхать заграницу пить богемскія воды; но меня привлекало другое — меня уже давно тянуло на Кавказъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ, по разсказамъ и описаніямъ, чудный край, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе нами пріобрѣтаемый. Я долженъ сказать, что личность намѣстника кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова, много способствовала этому желанію посѣтить ввѣренный его управленію край. Я имѣлъ случай въ Римѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, видѣться съ Воронцовымъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца почти ежедневно, и могу сказать, что и тогда, и впослѣдствіи, когда служебныя и дружественныя отношенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сблизили насъ окончательно, онъ оставилъ во

мнѣ навсегда впечатлѣніе одного изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Онъ обладалъ въ высшей степени тремя очень рѣдкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убѣжденій и самой утонченной вѣжливостью. Правда, вѣжливость эта подчасъ становилась почти оскорбительна, такъ какъ она безразлично относилась ко всѣмъ; мнѣ часто случалось присутствовать на служебныхъ пріемахъ Воронцова и не мало тогда удивляться тому, что онъ съ тою же самой привѣтливой и только чуть-чуть саркастической улыбкой на тонкихъ губахъ подавалъ руку заслуженному генералу съ грудью, увѣшенной звѣздами и орденами, и тутъ же протягивалъ эту руку какому нибудь греченку изъ Таганрога или Одессы, беззаботно торгующему маслинами. Особенно памятнымъ мнѣ представляется слѣдующій случай.

Дѣло было передъ самымъ началомъ крымской кампаніи. На югѣ Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ, шныряли разныя неблаговидныя личности — шпіоны, о появленіи которыхъ почти ежедневно доносилось Воронцову. Я уже сказалъ, что часто изъ любопытства скорѣе, чѣмъ по службѣ, я присутствовалъ на утреннихъ служебныхъ пріемахъ Воронцова и потому въ одно прекрасное утро находился въ пріемной залѣ. Едва намѣстникъ вошелъ въ комнату, къ нему съ воплями и восклицаніями на смѣшанномъ полурусскомъ полутатарскомъ языкѣ бросился въ ноги, опережая всѣхъ, еще довольно молодой таринъ, умоляя его о пощадѣ. Жалко было смотрѣть на несчастнаго; страхъ, ужасъ совершенно изуродовали красивыя и довольно тонкія черты его лица; онъ весь трясся какъ въ лихорадкѣ, и посинѣвшія губы такъ пересохли, что онъ едва могъ произносить слова.

— Мм... мм... что такое, мой любезный? Да успокойтесь... встаньте... Что такое? въ чемъ дѣло? — съ своей неизмѣнной улыбкой и «протягивая ему руку» спросилъ Воронцовъ.

Татаринъ приподнялся и, все продолжая дрожать и задыхаться, объяснилъ, что его заподозрѣваютъ въ шпіонствѣ. Воронцовъ еще привѣтливѣе ему улыбнулся и сказалъ, что онъ ему обѣщаетъ сейчасъ же приказать навести справки, чтобы онъ успокоился, что все объяснится къ лучшему для него. Затѣмъ, обойдя кружокъ представлявшихся ему въ тотъ день военныхъ и просителей, онъ возвратился къ себѣ въ кабинетъ и принялся за бумаги.

— Ваше сіятельство, что прикажете насчетъ этого татарина?—спросилъ намѣстника дежурный адъютантъ, присутствовавшій при вышеописанной сценѣ.

— А, этотъ татаринъ?.. Онъ очень вредный, по докладамъ, шпіонъ... поступить съ нимъ по обыкновенію, повѣсить его... — все не переставая улыбаться, возразилъ Воронцовъ.

Чѣмъ объяснить это вѣчно улыбающееся самообладаніе? Презрительностью ли большого барина, считающаго, что все, что̀ его окружаетъ, ниже его, и потому равно относящагося ко всѣмъ? Но Воронцовъ былъ слишкомъ уменъ и человѣченъ, чтобы поддаваться близорукой спѣси, свойственной ограниченнымъ людямъ знатнаго происхожденія. Я скорѣе полагаю, что имъ руководила высоко государственная задача того, что людьми управлять даже тогда, когда ихъ приходится вѣшать, — слѣдуетъ, не запугивая ихъ. На характерѣ Воронцова его воспитаніе въ Англіи оставило слѣды неизгладимые. Онъ олицетворялъ собою методичность во всемъ и любилъ, почти требовалъ, чтобы всѣ, его окружающіе, ей подчинялись. Въ Одессѣ,

Тифлисѣ, Боржомѣ, Алупкѣ, Петербургѣ и заграницей, онъ вставалъ, работалъ, ѣздилъ верхомъ и обѣдалъ въ одни и тѣ же часы. Даже анекдоты за картами онъ разсказывалъ одни и тѣ же, и всѣ съ учтивой улыбкой въ сотый разъ ихъ выслушивали, до того онъ умѣлъ въ средѣ своихъ приближенныхъ вселить чувство уваженія и привязанности. Любимой игрой его была теперь уже всѣми забытая игра въ ломберъ («l'ombre»). Воронцовъ самъ приглашалъ изъ среды своихъ гостей лицъ, съ которыми желалъ играть въ карты въ тотъ вечеръ. Въ первое время пребыванія моего въ Тифлисѣ, я каждый вечеръ составлялъ партію Воронцова, но однажды, прискучившись торжественностью игры и одними и тѣми же разсказываемыми старикомъ-намѣстникомъ анекдотами, я нѣсколько раздраженно сталъ кидать свои карты. Воронцовъ тотчасъ это замѣтилъ.

— Любезный графъ,—обратился онъ ко мнѣ съ своей неизмѣнной улыбкой, спокойно складывая на столъ свои карты:—если вамъ скучно играть съ нами, зачѣмъ же вы играете?

Я смѣшался и сталъ извиняться; Воронцовъ продолжалъ улыбаться.

Мы, какъ ни въ чемъ не бывало, докончили партію. Воронцовъ попрежнему остался ко мнѣ привѣтливымъ, но уже никогда болѣе не приглашалъ меня играть съ собою въ ломберъ. Разъ только я видѣлъ Воронцова измѣнившимъ своей, можно сказать, безпощадной вѣжливости; онъ оказался впослѣдствіи очень больнымъ. Вотъ какъ это случилось. При Воронцовѣ много лѣтъ находился извѣстный всему Кавказу докторъ Андреевскій. Человѣкъ въ высшей степени грубый, нахальный и даже не безукоризненно честный, онъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ по-

нравиться Воронцову и въ короткое время пріобрѣлъ надъ нимъ замѣчательное, почти всесильное вліяніе. Странно объяснить себѣ, какъ человѣкъ, совершенно противорѣчившій воронцовскимъ понятіямъ, правиламъ, стремленіямъ, привычкамъ, могъ взять надъ нимъ такую силу? Надо сказать, что если личность Андреевскаго грѣшила многимъ, за то докторомъ онъ былъ отличнымъ и діагностомъ замѣчательнымъ, и являлся старому намѣстнику существомъ, отъ котораго зависѣла его жизнь или смерть,— смерть, этотъ неотвязный и ужасающій призракъ старыхъ людей... Этимъ и объясняется для многихъ непостижимое вліяніе Андреевскаго на Воронцова. Итакъ, однажды, за обѣдомъ случилось слѣдующее обстоятельство; надо сказать, что Воронцовъ никогда не завтракалъ и потому за обѣдомъ ѣлъ первыя два-три кушанья не только съ аппетитомъ, но почти съ жадностью. Послѣ супа подали одну изъ тѣхъ превосходныхъ рыбъ, какими славится Кавказъ; Воронцовъ положилъ себѣ на тарелку огромный кусокъ рыбы, съѣлъ все спѣшно и жадно, потомъ, черезъ столъ протягивая къ Андреевскому свою тарелку, на которой лежала часть остова съѣденной имъ порціи, проговорилъ совершенно спокойно:

— Чудесная рыба! Хотите попробовать?

Андреевскій поблѣднѣлъ, но не отъ гнѣва, а отъ испуга: онъ мгновенно понялъ, что такой человѣкъ, какъ Воронцовъ, не могъ быть въ своемъ умѣ для того, чтобы сдѣлать кому бы то ни было подобную невѣжливость. Не желая пугать княгиню Воронцову, съ смущеніемъ глядѣвшую на эту ей непонятную сцену, Андреевскій обернулся къ стоявшему позади его дворецкому и быстрымъ шопотомъ приказалъ ему какъ можно скорѣе подавать обѣдъ, такъ какъ князь очень боленъ. Съ этой минуты

Андреевскій не сводилъ съ Воронцова глазъ; старикъ остался спокоенъ во все время обѣда, но совершенно измѣнился въ лицѣ и почти ничего не говорилъ; отъ стола его уже повели подъ руки, и онъ опасно заболѣлъ, хотя скоро оправился, но уже замѣтно началъ хилѣть.

Въ началѣ крымской кампаніи, чувствуя себя совершенно больнымъ, Воронцовъ сталъ просить государя позволить ему на короткое время оставить свой постъ, чтобы отдохнуть, собраться съ новыми силами. Слухъ объ этомъ скоро разнесся по Тифлису; одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ грузинскихъ генераловъ, князь Эристовъ, въ мундирѣ и орденахъ явился на слѣдующій день на пріемъ къ Воронцову.

— Правда это, князь? — гнѣвно вопросилъ онъ главнокомандующаго: — правда это, что ты покидаешь насъ теперь?

— Да... да, любезный князь, — улыбаясь и пожимая ему руки, отвѣтилъ Воронцовъ:—я старъ, боленъ, не надѣюсь на себя... боюсь умереть...

— Ну, такъ и умри, и умри! — закричалъ на него Эристовъ:—и умри! но ты русскій солдатъ и не можешь во время войны оставлять свой постъ!

Воронцовъ былъ дѣйствительно русскимъ солдатомъ, и такимъ, какихъ дай Богъ много! Я отъ роду не встрѣчалъ такой холодной и беззаботной храбрости. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть Воронцова въ схваткахъ съ горцами. Всюду впереди, онъ отдавалъ приказанія, шутилъ, улыбался и нюхалъ табакъ, точно у себя въ кабинетѣ. Особенно поразилъ онъ меня однажды, когда послѣ незначительной перестрѣлки у насъ съ горцами завязалось жаркое дѣло; непріятель нѣсколько разъ окружалъ насъ, мы чуть было не попали въ плѣнъ, потеряли много лю-

дей и, наконецъ, подъ вечеръ, изнуренные, грязные, пробывъ цѣлый день подъ градомъ пуль, возвращались въ главную квартиру; по дорогѣ ежеминутно свистѣли пули разсыпавшагося въ кустарникахъ непріятеля. Всѣ, насторожившись, переглядывались и осматривались, одинъ Воронцовъ спокойно ѣхалъ на своей измученной и еле передвигавшей ноги лошади. Надо замѣтить, что ему тогда уже минуло за семьдесятъ лѣтъ, въ тотъ день онъ, какъ и мы, ничего не ѣлъ, не слѣзалъ съ лошади и все время находился на самомъ опасномъ мѣстѣ. Уже совсѣмъ подъѣзжая къ квартирѣ, онъ обернулся, рукой подозвалъ меня къ себѣ, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ и съ своей вѣчной улыбкой сказалъ мнѣ:

— А я разскажу Булкѣ (Булкой мы звали мою старшую дочь, Елизавету Владиміровну Сабурову, Воронцовъ ее очень любилъ, ей тогда было лѣтъ пять), а я разскажу Булкѣ, въ какой мы нынче съ вами были передрягѣ, любезный графъ!..

Никто лучше Воронцова не зналъ русскаго солдата, никто выше не цѣнилъ его беззавѣтной храбрости, терпѣливой выносливости, вѣры въ провидѣніе и смиренія; но у него была слабость думать, что русскаго солдата нужно постоянно веселить; иногда мы, служащіе при Воронцовѣ, проклинали это убѣжденіе, такъ какъ, послѣ горячаго ли дѣла, или утомительнаго перехода, едва разоруженные солдаты зажигали костры, чтобы варить кашу, Воронцовъ требовалъ, чтобы пѣсенники начинали пѣть. Вплоть до самой глубокой ночи, пока послѣдній солдатъ, изнуренный трудовымъ днемъ, не засыпалъ, въ лагерѣ раздавались звуки какой нибудь гнусной балалайки, наигрывавшей Ваньку-Таньку, а Воронцовъ у себя въ палаткѣ блаженно улыбался. «Солдатъ тотъ же ребенокъ,

его нужно постоянно веселить! — повторялъ онъ: — и потомъ эти пѣсенники, балалайки — что за чудесная музыка!»...

Жена Воронцова, графиня, потомъ свѣтлѣйшая княгиня Елизавета Ксаверьевна, рожденная графиня Браницкая, приходилась, по своей матери, рожденной Энгельгардтъ, внучатной племянницей князю Потемкину, знаменитому свѣтлѣйшему. Она принесла своему мужу огромное состояніе; Воронцовъ, хотя, самъ по себѣ, былъ чрезвычайно богатъ, но нѣсколько разстроилъ свое состояніе, заплативъ, послѣ 1815 года, болѣе полутора милліона рублей ассигнаціями долговъ за офицеровъ окупаціоннаго корпуса, которымъ онъ командовалъ въ Мобёжѣ. Небольшого роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Ксаверьевна была, тѣмъ не менѣе, одной изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, герой 1812 года Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ княгиню Воронцову.

Въ 1852 году, единственный сынъ Воронцовыхъ, Семенъ Михайловичъ, командовавшій въ то время Кабардинскимъ полкомъ, женился на Маріѣ Васильевнѣ Столыпиной.

Называя модныхъ петербургскихъ женщинъ сороковыхъ годовъ, я забылъ упомянуть о Маріѣ Васильевнѣ Столыпиной; по своей дружбѣ съ великой княгиней Маріей Николаевной, она играла видную роль въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и была олицетвореніемъ того, что въ тѣ времена называлось львицей. Ея нѣсколько му-

жественная красота была, тѣмъ не менѣе, очень эффектна. Какъ всѣ ея современницы, Марья Васильевна Столыпина подражала графинѣ Александрѣ Кириловнѣ Воронцовой-Дашковой, но не имѣла ни чарующей граціи Воронцовой-Дашковой, ни ея тонкаго ума. Во всей ея особѣ проглядывало что-то топорное и рѣзкое, до того рѣзкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, какъ женщина, прожившая весь свой вѣкъ въ большомъ свѣтѣ и принадлежавшая къ нему и по рожденію, и по воспитанію, такъ безцеремонно относилась ко всѣмъ обычаямъ и пріемамъ этого большого свѣта. Женитьба Семена Воронцова на вдовѣ Алексѣя Столыпина, разумѣется, не могла соотвѣтствовать желаніямъ стариковъ Воронцовыхъ. Тѣмъ не менѣе, разъ эта свадьба была рѣшена, князь и княгиня Воронцовы со свойственнымъ имъ обоимъ тактомъ «ont fait bonne mine à mauvais jeu» и приняли въ Алупкѣ, гдѣ состоялась эта свадьба, свою будущую невѣстку ласково и родственно. Нельзя сказать, чтобы Марья Васильевна отвѣчала имъ тѣмъ же. Въ отношеніи родителей своего мужа она держалась грубо, подсмѣивалась надъ ихъ будто бы провинціальностью (!) и всячески давала имъ чувствовать, что она русскаго древняго рода, княжна Трубецкая, чуть ли не сдѣлала, по французскому выраженію, «une mésaillance», выйдя замужъ за новопожалованнаго князя, — при этомъ совершенно забывая, впрочемъ, что матушка ея была скромно рожденная Вейсъ. На Кавказѣ, куда мы всѣ возвратились послѣ свадьбы, Марья Васильевна устроила свою жизнь совершенно особнякомъ отъ Воронцовыхъ, что̀ очень огорчало стариковъ. Вмѣсто ихъ патріархальнаго простого обихода, не смотря на роскошь, ихъ окружающую, въ ея домѣ водворилось вседневное чаепитіе, усиленное куреніе папиросокъ и тотъ

фамиліарный и нѣсколько насмѣшливый тонъ, какимъ щеголяютъ нѣкоторыя петербургскія женщины. Тифлисъ начала пятидесятыхъ годовъ вовсе не походилъ на Тифлисъ теперешній; все въ немъ дышало Востокомъ, восточной нѣгой, восточной лѣнью, широкимъ восточнымъ гостепріимствомъ и, грѣха таить нечего, восточной нечистотой. Но такая чудная природа окружала его, такое лучезарное солнце освѣщало его самые сокровенные и некрасивые уголки, что въ немъ весело жилось и дышалось легко.

Князь Михаилъ Семеновичъ обладалъ драгоцѣннымъ для государственнаго человѣка даромъ окружать себя людьми, если не всегда замѣчательными, то способными, трудящимися и добросовѣстными, что̀ во времена Николаевскія, когда всякій служащій человѣкъ считалъ казенное имущество чуть ли не собственнымъ достояніемъ, являлось большою рѣдкостью. Я не говорю, разумѣется, о военныхъ людяхъ, которые, за исключеніемъ нѣсколькихъ скорбныхъ явленій, всегда представляли собою образцы храбрости и чести, но о чинахъ гражданскихъ, сильно понагрѣвшихъ себѣ руки въ предпослѣднія два царствованія.

Изъ людей, окружавшихъ Воронцова, самымъ замѣчательнымъ былъ Николай Андреевичъ Ханыковъ. Человѣкъ ума самаго обширнаго и самаго свѣтлаго, первоклассный оріенталистъ и ученый, онъ принесъ своими разслѣдованіями большую пользу нарождающемуся краю и впослѣдствіи пріобрѣлъ своими трудами европейскую извѣстность. Не смотря на свою огромную, нѣсколько слоновообразную толщину, Ханыковъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я встрѣчалъ; онъ обладалъ также рѣдкимъ даромъ разсказывать самыя смѣш-

ныя вещи, сохраняя при этомъ самый серьёзный, почти суровый видъ.

Послѣ моей второй женитьбы, я поселился съ женою въ Парижѣ, гдѣ у насъ почти ежедневно къ обѣду или вечеромъ собирался довольно обширный кружокъ русскихъ и иностранцевъ пріятелей. Ханыковъ, Тургеневъ, Григоровичъ, когда онъ бывалъ въ Парижѣ, были нашими усердными завсегдатаями. Однажды, вечеромъ, за чайнымъ столомъ разговоръ, какъ почти всегда, шелъ о Россіи, о ея недугахъ, о ея темныхъ сторонахъ... «Все это такъ,—замѣтилъ Тургеневъ, только-что прочитавшій намъ одинъ изъ своихъ прелестнѣйшихъ разсказцевъ, долженствовавшій войдти въ небольшой томикъ, который онъ намѣревался озаглавить «Стихотворенія въ прозѣ»: — все это такъ, но я повторяю вамъ то, что только-что вамъ прочелъ, я не могу отчаяваться о народѣ, который говоритъ на такомъ богатомъ, сильномъ и звучномъ языкѣ»!..

— Намъ-то онъ дѣйствительно кажется красивымъ и звучнымъ, Иванъ Сергѣевичъ, — спокойно перебилъ Тургенева Ханыковъ: — а подите-ка, иностранное и въ особенности южное ухо онъ рѣжетъ какъ ножомъ. Всякій разъ, какъ при мнѣ рѣчь заходитъ о звучности нашего языка, вспоминаю я вотъ какое обстоятельство: осенью, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я находился въ Петербургѣ и, какъ-то часу во второмъ дня, шелъ по одной изъ большихъ улицъ, выходящихъ на Невскій проспектъ; погода по обыкновенію стояла прескверная, и я, закутываясь въ пальто отъ рѣзкаго вѣтра, спѣшилъ домой, какъ вдругъ стукъ колесъ экипажа и раздающіеся изъ него крики привлекли мое вниманіе, — я поднялъ голову и увидалъ ѣдущія мнѣ навстрѣчу извозчичьи дрожки; на дрожкахъ сидѣлъ господинъ и во все горло, сильно размахивая ру-

ками, оралъ: «Четырнадцать! четырнадцать!» Въ господинѣ этомъ я призналъ знакомаго мнѣ итальянца и, заподозрѣвъ какое нибудь недоразумѣніе, подошелъ къ дрожкамъ. Завидѣвъ меня, мой знакомецъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ.

— Представьте себѣ, что за негодяй этотъ извозчикъ!— началъ онъ жаловаться мнѣ:—вотъ два часа, что онъ возитъ меня по городу, издѣвается надо мною! Я, какъ вы знаете, ни слова не знаю по-русски, но, къ счастью, сегодня при мнѣ мой корридорный нѣсколько разъ произнесъ слово — четырррнадцать; я тотчасъ же догадался, что такое чудовищное созвучіе должно обозначать страшное ругательство и раздосадованный принялся кричать это слово, а онъ, извозчикъ, — что бы вы думали? — смѣется и на каждой улицѣ останавливается и указываетъ мнѣ на домъ, и ухмыляется, точно спрашивая меня, тутъ ли дескать?!.

Я, разумѣется, тотчасъ же объяснилъ итальянцу, что онъ ошибается, что слово четырнадцать вовсе не обозначаетъ ругательства, а число «quatorze», «quatordici». Онъ, весьма добрый малый, отъ души расхохотался. И мы, всѣ, разумѣется, разсмѣялись.

— Все это такъ, — въ свою очередь, замѣтилъ Тургеневъ: — но я, грѣшный человѣкъ, каюсь, что хотя и живу въ Европѣ, и люблю ее, и удивляюсь ей, и сочувствую, но люблю побаловать себя иногда русскимъ словцомъ. Никогда не забуду я маленькаго происшествія, случившагося со мною по этому поводу въ Лондонѣ. Знакомецъ мой, Жемчужниковъ, пригласилъ меня съ нимъ пообѣдать. Какъ извѣстно, въ Лондонѣ не только холостяки, но часто и женатые люди, не имѣя достаточно щегольской обстановки или просто не желая стѣснять свою

семью, приглашаютъ своихъ пріятелей отобѣдать съ ними въ ихъ клубѣ. Итакъ, Жемчужниковъ пригласилъ меня въ одинъ изъ высокотонныхъ клубовъ, гдѣ онъ числился членомъ. Въ каждомъ изъ такихъ клубовъ имѣется особая столовая, называемая «столовая для гостей». Въ назначенный часъ, мы оба съ Жемчужниковымъ во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ (иначе насъ бы не впустили, такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ, какъ и вообще, впрочемъ, въ Лондонѣ, этикетъ соблюдается самый строгій) усѣлись у небольшого приготовленнаго для насъ столика въ «столовой для гостей». Уже съ передней меня обдало холодомъ подавляющей торжественности этого дома. Едва мы съ Жемчужниковымъ усѣлись, какъ вокругъ насъ принялись священнодѣйствовать, — другого слова я употребить не могу, — три дворецкихъ, гораздо болѣе, разумѣется, походившихъ на членовъ палаты лордовъ, чѣмъ на дворецкихъ.

— Я васъ долженъ предупредить, любезный Иванъ Сергѣевичъ, — сказалъ мнѣ Жемчужниковъ, разворачивая свою салфетку — что вамъ подадутъ обѣдъ дня, я же, увы, буду, какъ всегда, ѣсть свои бараньи котлеты, такъ какъ желудокъ мой уже ничего болѣе варить не можетъ! — Такъ и случилось. Одинъ изъ важныхъ дворецкихъ, безшумно двигаясь на гуттаперчевыхъ подошвахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ, внесъ въ столовую серебряную суповую чашу и передалъ ее другому; этотъ другой, въ свою очередь, подалъ ее третьему, и уже этотъ третій — самый важный — поставилъ ее передо мной. Затѣмъ съ тѣмъ же церемоніаломъ появилось подъ серебрянымъ колпакомъ серебряное же блюдо, и нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить, съ какою торжественностью самый важный дворецкій поставилъ его передъ

Жемчужниковымъ и какими-то особенными носовыми звуками произнесъ: «First cotlett».

Жемчужниковъ ткнулъ вилкой въ одинокую котлетку, лежавшую на блюдѣ, и принялся ее кушать. Затѣмъ мнѣ подали рыбу, а Жемчужникову на второмъ блюдѣ и подъ такимъ же колпакомъ—опять баранью котлету, и дворецкій такъ же величественно произнесъ: «second cotlett». Я чувствовалъ, что у меня по спинѣ начинаютъ ходить мурашки; эта роскошная зала, мрачная, не смотря на большое освѣщеніе, эти люди, точно деревянныя тѣни, снующіе вокругъ насъ, весь этотъ обиходъ начиналъ выводить меня изъ терпѣнія. Къ тому же, въ залѣ, кромѣ насъ, обѣдало всего два какихъ-то джентльмена, имѣвшихъ видъ еще болѣе одеревенѣлый, если возможно, чѣмъ все насъ окружавшее; такъ что, когда послѣ рыбы передо мной появился кровяной ростбивъ, а Жемчужникову опять преподнесли новую котлету, о которой дворецкій возвѣстилъ: «third cotlett», мною вдругъ обуяло какое-то изступленіе; что есть мочи я ударилъ объ столъ кулакомъ и принялся какъ сумасшедшій кричать: Рѣдька! Тыква! Кобыла! Рѣпа! Баба! Каша! Каша!!

— Иванъ Сергѣевичъ? Что съ вами? Что это вы?!— съ испугомъ воскликнулъ Жемчужниковъ.

Онъ подумалъ, что я лишился разсудка.

— Мочи моей нѣтъ!—отвѣтилъ ему я:—душитъ меня здѣсь, душитъ!.. Я долженъ себя русскими словами успокоить!

Я подумалъ, что меня выгонятъ, но меня не выгнали; только Жемчужникову моя выходка сильно не понравилась, и на оледенѣлыхъ лицахъ слугъ появилось выраженіе какого-то сумрачнаго удивленія. Джентльмены моего пассажа не замѣтили, они уже молча занимались джиномъ.

Кто близко зналъ Тургенева, его неисчерпаемое добродушіе, его терпѣніе, его безукоризненную благовоспитанность, тотъ не можетъ себѣ вообразить его «бившимъ стекла», и мы много всѣ смѣялись его разсказу.

Но я, какъ всегда, отвлекся отъ Кавказа. Итакъ, при Воронцовѣ, кромѣ Ханыкова, находились два ученые инженера, братья Иваницкіе, изъ которыхъ одного называли «серебряный», а другого «золотой». Бартоломей, Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, Апполонъ Скальковскій, князь Голицынъ, князь Гагаринъ и многіе, многіе другіе — всѣ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, поощряемые начальникомъ, понимающимъ дѣло (что, увы, не всегда случается), работали на пользу чуднаго края. Съ своей стороны войско творило чудеса. Мнѣ много разъ случалось уже и говорить, и писать, что если есть въ мірѣ что нибудь выше русскаго солдата, это — солдатъ кавказецъ: какъ онъ весело идетъ на бой, отважно дерется, просто умираетъ! Но при Воронцовѣ, кромѣ этого всегда необычайнаго духа въ русскомъ войскѣ, царила также, если можно такъ выразиться, всеобщая семейственность. Отъ самаго обнищавшаго туземца до горделивой княгини, ведущей свой родъ отъ царя Давида, всѣ невольно покорялись воронцовской обаятельности и умѣнію приласкать и покорить людей. Онъ понималъ руссофикацію не въ грубомъ насиліи, а въ ея настоящей силѣ. Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было, тѣмъ не менѣе, въ Тифлисѣ избранное; общество туземное, какъ я уже сказалъ выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе примыкало къ нему. Въ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, я не узналъ его. Безъ сомнѣнія, страна во многомъ выиграла. Августѣйшій намѣстникъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, стоя такъ близко къ трону, могъ

болѣе чѣмъ кто нибудь другой способствовать развитію благосостоянія ввѣреннаго его управленію края, но той задушевности, того простодушія, того яркаго восточнаго колорита, что̀ было при Воронцовѣ, я уже не нашелъ. Въ краѣ,—я позволю себѣ такъ выразиться,—уже заволяло Петербургомъ. Одна высокопоставленная особа попросила меня написать что нибудь въ ея альбомъ. Съ моей обычной оплошностью и подъ впечатлѣніемъ того, что мнѣ казалось, я настрочилъ слѣдующее четверостишіе:

«Не смѣю выразить я вслухъ,
Но миръ войны не замѣняетъ:
Здѣсь прежде былъ свободы духъ,
Теперь... чиновникомъ воняетъ»...

Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что этотъ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, въ 1871 году, оставилъ во мнѣ воспоминанія неизгладимыя. Въ тотъ годъ государь, въ сопровожденіи своихъ августѣйшихъ сыновей: наслѣдника цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича, посѣтилъ Кавказъ. Разумѣется, по этому случаю во всемъ краѣ устроивались празднества и увеселенія. Когда я пріѣхалъ въ Кутаисъ, жена тамошняго военнаго губернатора, графиня Левашева, рожденная графиня Панина, обратилась ко мнѣ съ просьбою устроить въ Кутаисѣ торжественный праздникъ въ честь царственнаго гостя. У меня тотчасъ же родилась мысль возобновить въ маломъ видѣ то, что я видѣлъ въ Каирѣ въ 1869 году по случаю открытія Суэзскаго канала въ честь императрицы Евгеніи и императора Франца-Іосифа австрійскаго, придавъ празднику мѣстный колоритъ, джигитовку, лезгинку, русскіе хороводы и т. д. Къ назначенному дню все оказалось готовымъ и обѣщало быть интереснымъ, но проливной дождь, увы, помѣшалъ осуществленію этихъ

приготовленій; за то вторая часть праздника, т. е. живыя картины и балъ, вполнѣ удалась. Къ этому случаю я, какъ всегда, долженъ былъ написать стихи; мнѣ не удалось прочесть ихъ, какъ предполагалось, государю, въ присутствіи ликующаго народа; но, узнавъ отъ графа А. В. Адлерберга о томъ, что я написалъ стихотвореніе, государь съ своей обычной благосклонностью позвалъ меня въ одну изъ примыкавшихъ къ танцовальной залѣ гостиныхъ и въ присутствіи двухъ-трехъ приближенныхъ заставилъ меня прочесть стихи. Вотъ они; сколько помнится, они нигдѣ не были напечатаны:

«Съ временъ, давнымъ давно отжитыхъ,
Преданьемъ Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ,
Одно мы слово сберегли;
Въ немъ нашей удали начало,
Преданье счастья и бѣды,
Оно всегда у насъ звучало:
Аллаверды!»...

«Аллаверды — «Господь съ тобою»,
Вотъ слову смыслъ, и съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ;
Ходили всѣ мы къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды.
Хвала умершимъ... а здоровымъ —
Аллаверды!»

Когда, досугъ кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ,
Въ кружкѣ усердномъ азарпеша
Гуляетъ звонко по рукамъ,
Неугомонно ходитъ чаша
И вплоть до утренней звѣзды
Несется голосъ Тулумбаша:
Аллаверды!»

«Одной природой мы богаты,
У насъ подъ тѣнью каждой хаты
Есть уголокъ для кунака,
Намъ каждый гость дарованъ Богомъ,
Какой бы ни былъ онъ среды,
Хотя бы въ рубищѣ убогомъ...
Аллаверды! мой другъ, Аллаверды!»...

«Но если гость — отецъ державный,—
Земному солнцу кто не радъ!—
Подымутся на пиръ заздравный
Эльбрусъ, Казбекъ и Араратъ
И грохнетъ дружно всѣмъ Кавказомъ
На всѣ нарѣчья, всѣ лады
Одной душой, единымъ разомъ —
Аллаверды!»

«Ты осѣнилъ насъ благодатью,
Дѣтей и женъ ты нашихъ спасъ,
Ты помнилъ и меньшую братью,
Ты къ просвѣщенью двинулъ насъ,—
Благословенъ же будь судьбою,
Тобой мы сильны и горды,
Великій царь, Господь съ тобою!
Аллаверды!»

Эти стихи хотя и грѣшили во многомъ по формѣ, но такъ соотвѣтствовали существовавшему восторженному настроенію въ отношеніи государя, что въ Тифлисѣ, послѣ повторенія уже на театрѣ представленныхъ въ первый разъ въ Кутаисѣ живыхъ картинъ и даже уже послѣ отъѣзда государя, прочтенные въ заключеніи представленія въ присутствіи великаго князя Михаила Николаевича, они доставили мнѣ едва ли не величайшую овацію, какой я былъ героемъ. Безъ сердечной благодарности, безъ трогательнаго умиленія не могу вспомнить поздравленій искреннихъ моихъ старыхъ сослуживцевъ, моихъ дорогихъ товарищей. Надо сказать, что если я всегда без-

завѣтно любилъ Кавказъ, мнѣ тамъ отвѣчали такой же дружбой, и я этимъ тѣмъ болѣе дорожилъ, что въ жизни я былъ мало въ этомъ случаѣ избалованъ взаимностью и что часто люди, которыхъ я болѣе всего любилъ, менѣе другихъ отвѣчали мнѣ тѣмъ же. Въ этомъ 1871 году, за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Тифлиса, мои прежніе сослуживцы — Воронцовы — устроили въ мою честь ужинъ. Ужинъ этотъ отпраздновался, какъ водится вездѣ, и въ особенности на Кавказѣ, самымъ радушнымъ образомъ и съ такою задушевностью, точно мои старые друзья чувствовали, что мы всѣ тамъ собрались вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Въ серединѣ ужина старѣйшій изъ нашихъ собесѣдниковъ, заслуженный князь Орбеліяни, поднялъ бокалъ за мое здоровье, прибавивъ по этому поводу нѣсколько очень лестныхъ для меня словъ.

— Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ, дорогіе мои товарищи!— отвѣтилъ я, вставая: — ничего я здѣсь не сдѣлалъ; вы счастливѣе меня, вы работали для края, вы, если я могу такъ выразиться, «везли въ корню, а я скакалъ на пристяжкѣ!» Эта шутка была, тѣмъ не менѣе, горькой истиной всей моей жизни. Я имѣлъ слабость всегда воображать, что въ Россіи можно служить, не переставая писать. На дѣлѣ же оказалось, что я не исполнилъ ни того, ни другого. Собраты мои, литераторы, говорили: «Помилуйте, какой же онъ писатель? Онъ царедворецъ, онъ чиновникъ»... Въ то же время мои начальники и сослуживцы не допускали мысли смотрѣть серьёзно на человѣка, пишущаго комедіи и повѣсти.

Зиму Воронцовы проводили, разумѣется, въ Тифлисѣ, на лѣто переселялись въ Боржомъ, осенью проживали въ воздвигнутой княземъ Михаиломъ Семеновичемъ царственной Алупкѣ. За ними всюду слѣдовалъ ихъ маленькій

дворикъ; но въ Алупкѣ къ обществу кавказскому еще присоединялось нѣсколько одессистовъ: г-жа Полянская, которая, никогда не бывши красивой, исполняла всю свою жизнь роль хорошенькой женщины, ученый южанинъ Мурзакевичъ, сынъ разбогатѣвшаго одесскаго негоціанта, Григорій Григорьевичъ Маразли, одинъ изъ самыхъ любезныхъ и благовоспитанныхъ людей, какихъ я встрѣчалъ, семейство Фонтонъ, Голицыны и другіе.

Съ первымъ выстрѣломъ крымской войны я перевезъ свою семью обратно въ Россію, а самъ опять возвратился на Кавказъ. Но блестящимъ образомъ начавшаяся кампанія тяжело кончилась для Россіи. Сто разъ, я думаю, въ жизни мнѣ приходилось упоминать, писавши о крымской войнѣ, и всякій разъ я не могу себя преодолѣть, чтобы не высказать того восторженнаго впечатлѣнія, какое вселили въ родинѣ неизгладимо на вѣки подвиги кавказской арміи и севастопольскихъ героевъ. Въ 1877 году, я близко видѣлъ войну еще болѣе кровопролитную и еще менѣе нужную. Наши войска, какъ всегда, и тутъ совершали чудеса, мы вышли побѣдителями, но того воспоминанія, отраднаго и гордаго, какое осталось послѣ паденія Севастополя, я не встрѣчалъ ни въ комъ; правда, берлинскій трактатъ этому много содѣйствовалъ, да и «добрый» сосѣдъ нашъ, Германія, тогда нами не помыкалъ, а, напротивъ, въ насъ заискивалъ.

VIII.

Воцареніе императора Александра Николаевича.— Коронація.— Герцогъ де-Морни.— Поѣздка моя за границу для осмотра иностранныхъ театровъ по порученію министра двора.— Знакомство съ Россини.— Завтракъ у него.— Г-жа Ѳедоръ Минвіель.— Необычайный концертъ.— Свиданіе съ Александромъ Дюма-отцомъ.— Его обѣды и собиравшееся на нихъ общество.— Александръ Дюма-сынъ и его отношенія къ отцу.— Вечера русской княгини.— Жоржъ-Зандъ.— Ея связь съ Жюлемъ Сандо.— Фредерикъ Леметръ.— Генрихъ Мюржеръ.— Парижская гризетка того времени — Jardin Bullier.— Эдмондъ Абу.— Принцесса Матильда.— Г-жа Калерджи.— Баденскіе сезоны.— Мейерберъ.— Анекдотъ про Вольтера и Пирона.— Знакомство съ Скрибомъ.— Оберъ.— Анекдоты про него.

Съ воцареніемъ императора Александра II точно чѣмъ-то свѣтлымъ повѣяло на Россію. Въ обществѣ и даже въ народѣ стали громко говорить о великихъ преобразованіяхъ, завѣщанныхъ императоромъ Николаемъ своему преемнику. Молодой императоръ въ воображеніи народномъ представлялся полубогомъ, отъ котораго ожидались милость и свѣтъ. Коронація ихъ величествъ, императора Александра Николаевича и императрицы Маріи Александровны, состоялась въ Москвѣ 26 августа 1856 года съ обычнымъ церемоніаломъ и пышностью. Я долженъ былъ нести на ней двойную службу: придворную, въ качествѣ каммергера, и потомъ на меня была также возложена обязанность описать, какъ исторіографъ, торжество коронаціи. Но семейный трауръ помѣшалъ мнѣ

оффиціально присутствовать на церемоніи: тесть мой, графъ Віельгорскій, скончался наканунѣ дня коронаціи. О празднествахъ придворныхъ, данныхъ въ то время въ Москвѣ, трудно сказать что нибудь новое: они, какъ всегда, своимъ великолѣпіемъ и изяществомъ превосходили все, что можетъ представить себѣ воображеніе. Но и чрезвычайные послы, аккредитованные для этого торжества европейскими дворами, соперничали между собою роскошью баснословной. Особенно между ними отличался чрезвычайный посолъ отъ французскаго двора, побочный братъ императора Наполеона III, герцогъ де-Морни, впрочемъ, кажется, бывшій въ то время еще графомъ. Человѣкъ ума самаго обширнаго и самаго тонкаго, обладавшій самой изящной, безукоризненной свѣтскостью, рѣдкимъ самообладаніемъ и мѣрой во всемъ, де-Морни былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшимъ изъ людей, окружавшихъ императора Наполеона III. Проживая во время изгнанія послѣдняго (извѣстно, что принцъ Людовикъ Наполеонъ, впослѣдствіи императоръ, послѣ двойного неудачнаго возстанія былъ заточенъ въ крѣпость,—изъ которой впрочемъ бѣжалъ,—и изгнанъ изъ Франціи) въ Парижѣ, де-Морни съ другими приверженцами принца, Персиньи, Клёри и т. д., осторожно подготовлялъ новое возвращеніе принца, состоявшееся въ 1848 году и имѣвшее, какъ извѣстно, самыя блестящія для принца и его друзей послѣдствія. Авантюристъ по случаю, государственный человѣкъ по призванію, де-Морни во все время, что находился вліятельнѣйшимъ лицомъ наполеоновскаго правительства, служилъ если не всегда добросовѣстно, то всегда усердно своему государю. Никто лучше его не зналъ людскихъ слабостей, никто ловче его ими не пользовался. Во Франціи уже создалось повѣрье, что съ его смертью, послѣдовавшей въ 1864 году,

звѣзда царствованія Наполеона III стала блекнуть. Его посольство на коронаціи императора Александра Николаевича имѣло также большое вліяніе и на его судьбу; такъ вскорѣ послѣ коронаціи онъ женился на русской княжнѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини Маріи Васильевны Воронцовой.

По окончаніи коронаціи, министръ императорскаго двора графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, желая ввести нѣкоторыя измѣненія и реформы въ управленіе императорскихъ театровъ, возложилъ на меня порученіе осмотрѣть и ознакомиться съ управленіями большихъ иностранныхъ театровъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Я сперва отправился въ Парижъ и, прежде чѣмъ начать изучать театральное управленіе, рѣшилъ, что сперва мнѣ нужно познакомиться съ главными въ нихъ дѣятелями, т. е. драматическими писателями и композиторами. A tout seigneur tout honneur — я началъ съ Россини. Уже того было достаточно, что я — зять графа Віельгорскаго, съ которымъ Россини въ продолженіе всей жизни находился въ особенной дружбѣ, чтобы онъ меня принялъ, что называется, съ распростертыми объятіями. Меня совершенно очаровалъ его блестящій умъ и рѣдкая въ такомъ старикѣ, нѣсколько подтрунивающая надъ всѣми, веселость; память его тогда замѣчательно сохранилась.

— Любезный графъ,—обратился ко мнѣ Россини, когда я, просидѣвъ около часа, всталъ и началъ съ нимъ прощаться:—скажите мнѣ, любите ли вы макароны?

— Да, очень люблю, — отвѣтилъ я, нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ «à brûle pourpoint».

— Ну, такъ пріѣзжайте завтра со мною пообѣдать; я васъ поподчую такими макаронами, какихъ вы отъ роду не ѣдали; я приготовляю ихъ самъ, и потомъ вы послу-

шаете пѣніе такой пѣвицы, какихъ болѣе нѣтъ въ Европѣ...

Я, разумѣется, съ благодарностью принялъ приглашеніе и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться будущаго вечера. Если мысль покушать макаронъ, приправленныхъ знаменитой рукой, начертавшей безсмертныя страницы «Вильгельма Теля» и «Севильскаго цирюльника», льстила моему самолюбію, любопытство мое было сильно затронуто обѣщаніемъ маэстро дать мнѣ возможность послушать пѣніе какой-то невѣдомой мною пѣвицы. За нѣсколько минутъ до назначеннаго мнѣ хозяиномъ часа, я звонилъ уже у его крыльца. Я нашелъ Россини, какъ и наканунѣ, живымъ, любезнымъ, улыбающимся. На немъ былъ надѣтъ просторный черный фракъ, а шею его плотно обхватывалъ старомодный, бѣлый жабо̀ съ огромнымъ бантомъ. Лицомъ, походкой, ростомъ, онъ необыкновенно походилъ на моего тестя — своего друга, графа Віельгорскаго; даже его рыжеватый парикъ казался мнѣ точно снятымъ съ головы Віельгорскаго. Поздоровавшись со мною, Россини подвелъ меня къ дивану, съ котораго навстрѣчу мнѣ привстало самое фантастическое существо. То была старушка лѣтъ за семьдесятъ, въ розовомъ шелковомъ платьѣ и съ букетомъ свѣжихъ розъ, приколотыхъ къ ея полуобнаженной, шафраннаго цвѣта, совершенно высохшей груди. Съ своимъ сильно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, густо наведенными сурьмою бровями и сѣдыми въ крутые завитки причесанными волосами, старушка необычайно походила на старинную саксонскую или севрскую статуетку.

— Madame Fedor Minvièlle! — торжественно провозгласилъ Россини, почтительно наклоняя голову передъ старушкой: — c'est tout dire n'est ce pas?

Я поклонился, согнулся, уничтожился, но, грѣха таить нечего, сильно разочаровался...

Я зналъ, что г-жа Ѳедоръ Минвіель, была знаменитѣйшею европейской пѣвицей, но... въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чуть ли даже не въ концѣ прошлаго? Я съ ужасомъ себя мысленно спросилъ, неужели эта старая развалина станетъ пѣть?.. Сначала мы пообѣдали и пообѣдали прекрасно, макароны оказались дѣйствительно восхитительными, и Россини съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ мои искреннія похвалы; въ эту минуту, я увѣренъ, онъ гораздо болѣе гордился удавшимся имъ самимъ сваренымъ блюдомъ, чѣмъ увертюрой оперы «Семирамиды». Кофе мы пили въ гостиной, но курить г-жа Ѳедоръ мнѣ не разрѣшила; по старой памяти, она терпѣть не могла табачнаго дыма. Но пріятнымъ разговоромъ мы послѣ обѣда занимались недолго; Россини всталъ и, весело подмигнувъ устарѣлой пѣвицѣ, промолвилъ:

— Eh bien, ma petite, au piano!

Надо замѣтить, что, не смотря на то, что г-жа Ѳедоръ Минвіель была чуть ли не старше самого Россини годами, онъ говорилъ ей «ты» и обращался съ нею какъ съ молоденькой дѣвочкой. Розовая развалина жеманно встала и подошла къ роялю.

— Du Cherubini n'est ce pas? — какъ-то сообщнически ей кивая, вопросилъ ее престарѣлый маэстро.

— Mais non, mais non, ваше что нибудь, ваше, — любезно отвѣчала пѣвица, обмахиваясь вѣеромъ.

Но Россини таки-настоялъ на своемъ и проигралъ ритурнель одной изъ извѣстнѣйшихъ Шерюбиніевскихъ арій. Я усѣлся въ кресло противъ рояля и не сводилъ глазъ съ нихъ обоихъ все время, что она пѣла. Пѣніемъ собственно нельзя и назвать тѣ звуки, что̀ она, силясь, из-

давала, а скорѣе дребезжаніемъ разбитой арфы, хотя метода пѣть, не смотря на карикатурность пріемовъ, осталась замѣчательной. Глядя на эти два существа съ такимъ лучезарнымъ прошедшимъ, онъ — воплощеніе геніальнаго творчества, она — покорявшая всѣхъ силой своего громаднаго таланта, мнѣ становилось и страшно, и смѣшно, но въ особенности умилительно. Какая беззавѣтная любовь къ искусству въ этихъ людяхъ! Стоило только затронуть эту струну, дрожавшую въ нихъ такъ звонко всю жизнь, или, скорѣе, бывшую настоящей жизнью ихъ жизни, и они точно перерождались, молодѣли и почтительно, и любовно служили ей.

Я не могъ отвести глазъ отъ одеревенѣлыхъ пальцевъ Россини, который старательно выдѣлывалъ на клавишахъ трудный аккомпанементъ. Съ своей стороны г-жа Fédor прилагала всѣ свои силы, не прощая себѣ ни одной трели, ни одной фіоритуры. И они дѣлали все это вовсе не для меня, совершенно чуждаго имъ человѣка, а потому, что въ плоть и кровь имъ вошла любовь къ искусству, уваженіе и обожаніе къ нему. Изрѣдка Россини прерывалъ устарѣлую пѣвицу восклицаніями: «très bien, ma petite! divinement rendue cette délicieuse phrase! quelle grâce charmante, quelle morbidezza! est-il enlevé ce la bémol?» Я поздно уѣхалъ отъ знаменитаго маэстро и на жизнь вынесъ отъ проведеннаго тамъ вечера неизгладимое впечатлѣніе.

На слѣдующій послѣ того день, я пошелъ къ Александру Дюма (отцу). Впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лютъ Дюма возбуждалъ не только въ своей родинѣ, во Франціи, но и во всей Европѣ всеобщее любопытство и удивленіе, во-первыхъ, своими сочиненіями, бывшими въ необыкновенной модѣ, во-вторыхъ, своимъ блистательнымъ

остроумiемъ, оригинальными выходками, безумными издержками и въ особенности своей неистощимой добротой. Годами онъ жилъ окруженный неслыханной, чисто восточной роскошью и съ этимъ вмѣстѣ часто не имѣлъ двадцати франковъ у себя въ карманѣ.

Въ то время онъ проживалъ въ своемъ домѣ, rue Amsterdam, но чуть ли не наканунѣ кредиторы вынесли изъ него всю мебель. На мой звонокъ у крыльца мнѣ отворила служанка и ввела меня въ совершенно пустую переднюю. Освѣдомившись, дома ли Дюма̀, я себя назвалъ и попросилъ служанку доложить обо мнѣ писателю.

— Взойдите, любезный графъ, — закричалъ съ верху лѣстницы звучный, густой голосъ: — мнѣ такъ много наговорили о васъ дурного, что я уже заранѣе васъ полюбилъ (Entrez, mon cher comte, ou m'a dit tant de mal de vous que je vous aime dèjà!).

Я поднялся по красивой, но довольно дурно выметенной лѣстницѣ на второй этажъ. Вбитые на стѣнѣ и вокругъ оконъ крупные гвозди свидѣтельствовали объ украшавшихъ передъ тѣмъ помѣщеніе картинахъ и занавѣскахъ. Навстрѣчу мнѣ изъ комнаты, служившей ему кабинетомъ, вышелъ Дюма̀. Весь его костюмъ состоялъ изъ длинной ночной бѣлой холстяной рубахи съ широко прорѣзаннымъ воротомъ, носковъ и вышитыхъ гарусомъ туфель. Онъ дружелюбно меня привѣтствовалъ и усадилъ въ одно изъ четырехъ уцѣлѣвшихъ креселъ, украшавшихъ его кабинетъ, а самъ сѣлъ на свое мѣсто у письменнаго стола, заваленнаго кипою исписанныхъ особенно большого формата бѣлыхъ листовъ. Мы разговорились. Дюма̀ замѣчательно говорилъ и въ особенности разсказывалъ. Наружность его совершенно соотвѣтствовала и его таланту, и его нраву. Ростомъ очень высокій, довольно тучный, съ тол-

стой бычачьей шеей, лицо его неправильное и некрасивое, съ крупными и нѣсколько плоскими чертами, было, тѣмъ не менѣе, особенно привлекательно. Небольшіе глаза искрились тонкимъ остроуміемъ, но... глубины въ нихъ искать не слѣдовало. Такъ какъ у насъ было много общихъ интересовъ, множество общихъ знакомыхъ, и даже характерами мы во многомъ сходились съ Дюма̀, то мы скоро подружились и стали видѣться очень часто. Дюма̀ очень любилъ принимать и въ особенности задавать хорошіе обѣды. Иногда эти обѣды давались въ самой роскошной обстановкѣ, иногда случалось и такъ, что одному изъ гостей не доставало стула, но бѣлье столовое, серебро, посуда, стекло отличались безукоризненностью. Дюма̀ очень гордился своимъ умѣніемъ превосходно приготовлять разныя тонкія кушанья и почти за каждымъ изъ такихъ обѣдовъ подавались два-три блюда, изготовленныя самимъ хозяиномъ. Гости къ этимъ кухоннымъ торжествамъ собирались самые разношерстные; добродушіе и гостепріимство Дюма̀ вошли въ пословицу, но надо также признаться, что къ этимъ качествамъ его примѣшивалась такая беззаботность и нравственная неряшливость, что въ домѣ у него въ сообществѣ съ людьми самыми знаменитыми и самыми почтенными случалось почти всегда встрѣтить личностей очень темныхъ и недоброкачественныхъ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ однимъ изъ такихъ талантливыхъ и остроумнѣйшихъ французскихъ писателей того времеми, какъ Генрихомъ Монье (Henri Monnies), создавшимъ безсмертный типъ «Прюдомма», можно было улицезрѣть начинавшаго въ это время свою карьеру весьма гаденькаго жиденка Альберта Вольфа; правда, теперь онъ оперился и даже очень, но прежде выглядывалъ очень мизерно. Часто сидящимъ подлѣ прелестнѣйшаго поэта Генриха

Мюржера, автора извѣстной комедіи «La vie de Bohême», случалось видѣть какого нибудь прогорѣвшаго биржевика съ грязнымъ прошедшимъ и темноватымъ будущимъ; тутъ вертѣлись и разныя искательницы приключеній, и устарѣлыя провинціальныя актрисы, хотя тутъ появлялись также и талантливыя писательницы и даже свѣтскія женщины, интересующіяся на «это все» посмотрѣть. Тѣмъ не менѣе, эти сборища являлись въ высшей степени интересными; точно ракеты вспыхивали остроумныя замѣчанія, колкія словечки, веселыя шутки, но и также тонкія наблюденія, глубокое знаніе жизни и строгая оцѣнка искусства. Сынъ Дюма, Alexandre Dumas-fils, уже съ своей стороны заслужилъ тогда извѣстность своимъ романомъ «La Dame aux camélias», надѣлавшимъ въ свое время много шума. Наружностью онъ много напоминалъ отца, но нравственно ни въ чемъ не походилъ на него. Сдержанный до скрытности, осторожный и серьёзный, онъ рано понялъ, что въ наше время ловко поднесенная публикѣ литература является отличнымъ способомъ наживать большія деньги. Къ отцу своему въ то время, что я его зналъ, онъ относился почти-что враждебно: онъ не могъ ему простить, во-первыхъ, нажитые и прожитые имъ милліоны, во-вторыхъ, незаконность своего рожденія, хотя отецъ усыновилъ его еще съ его дѣтства. Онъ холодно обращался съ лизоблюдами отца, насмѣшливо отзывался обо всемъ его обиходѣ, что̀ не мѣшало ему, однако, просиживая у отца, постоянно имѣть маленькую книжечку въ карманѣ, въ которую онъ тщательно вписывалъ каждое мѣткое слово, каждое удачное замѣчаніе.

Съ своей стороны, напротивъ, Дюма̀ очень любилъ своего сына и только иногда, увлекаясь своей привычкой острить, подшучивалъ и надъ сыномъ. Самъ сынъ его мнѣ раз-

сказывалъ, что, идучи однажды по улицѣ съ отцомъ, онъ напомнилъ ему, что они забыли побывать съ нимъ у нотаріуса по одному очень нужному дѣлу.

— C'est vrai, comme nous sommes bêtes! (Это правда, какъ мы глупы!), — воскликнулъ Дюма̀.

— Parlez en singulier! (Говорите въ единственномъ числѣ!), — замѣтилъ ему сынъ.

— C'est vrai, comme «tu es bête!» (Это правда, какъ ты глупъ!).

Въ то время Дюма̀-сынъ былъ высокій, статный юноша, самоувѣренный и смѣлый. Какъ и отецъ его, онъ пользовался большими успѣхами у женщинъ, съ тою только разницею, что отецъ, съ свойственной ему невоздержностью языка, всѣмъ разсказывалъ о своихъ «побѣдахъ», сынъ довольствовался только компрометировать отличавшихъ его дамъ, но никогда не говорилъ о своихъ успѣхахъ. Наши прелестныя соотечественницы, россійскія дамы, особенно благоволили къ обоимъ Дюма̀. Въ то время, когда я познакомился съ Дюма̀, онъ усердно посѣщалъ салонъ одной русской княгини и, какъ кажется, пользовался ея благорасположеніемъ вполнѣ. Дама эта имѣла слабость, впрочемъ, привычную многимъ русскимъ барынямъ, проживающимъ заграницей, собирать у себя разнаго рода знаменитостей; правда, какъ это часто случается, между этими знаменитостями часто попадались люди, вовсе не заслуживающіе этого величанія, и вообще сборища эти носили какой-то смѣшанный отпечатокъ литературно-художественно-свѣтскій, утомительно отзывавшійся на присутствующихъ. Я, грѣха таить нечего, чрезвычайно тяготился этими вечерами и, хотя съиздавна, еще съ Петербурга, находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ хозяйкой, избѣгалъ посѣщать ихъ; но иногда, все-таки, приходилось

туда появляться на часъ-другой. Однажды, мы условились съ Дюма̀ туда отправиться, но передъ самымъ вечеромъ у меня сильно разболѣлась голова, и я, написавъ княгинѣ записку, наполненную извиненіями и сожалѣніями, улегся въ постель и принялся читать только-что появившійся тогда едва ли не лучшій романъ Edmond'a About «Germaine». Какъ всегда, я увлекся чтеніемъ, и было уже сильно за полночь, какъ въ передней у меня раздался неожиданно звонокъ.

Человѣкъ мой поспѣшилъ отворить, и тотчасъ же, безъ доклада, въ комнату ко мнѣ явился Дюма̀, во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и съ бѣлой гвоздикой въ бутоньеркѣ фрака.

— Eh bien? il parait que vous êtes malade? j'ai vû de la lumière à vos fenêtres et je suis monté. Je viens vous demander un verre de votre divin Kûmmel!

— Mais certainement, mon cher Dumas, — отвѣтилъ я и приказалъ своему человѣку подать рюмку и бутылку Ekau 00.

— Ну, какъ же вы провели вашъ вечеръ? — спросилъ я талантливаго писателя, въ то время, какъ онъ почтительно подносилъ къ своимъ губамъ рюмку остзейскаго напитка.

— Ma foi, mon cher comte, — отвѣтилъ онъ мнѣ со своимъ обычнымъ добродушіемъ: — si je n'y avais pas été, je m'y serai bien ennuyé!

Нѣсколько дней послѣ этого я отправился, утромъ, часовъ въ одиннадцать, къ Дюма̀, съ цѣлью потащить его съ собою позавтракать въ Maison D'or у Вердіе. Поднимаясь на его лѣстницѣ, я повстрѣчалъ уже немолодую женщину, просто и даже небрежно одѣтую въ темное платье и длинный старомодный плащъ. Ея глаза, все лице,

необыкновенно выразительное и странное, поразили меня, точно припомнили что-то видѣнное уже мною, знакомое...

— Кто эта дама, что̀ только-что вышла отъ васъ?— спросилъ я Дюма̀, входя въ его кабинетъ.

— Это Жоржъ Зандъ, да развѣ вы ее не знаете?— отвѣтилъ мнѣ Дюма̀.

— Жоржъ Зандъ!—вскрикнулъ я:—ахъ, пошлите за ней, верните ее, побѣжимте за ней, я хочу ее видѣть, познакомиться съ нею!...

— Полноте, чего вы испугались?—съ спокойной улыбкой прервалъ мои восклицанія Дюма̀:—она такая же баба, какъ и всѣ остальныя.

— Какъ, Дюма̀, вы, такой артистъ, какъ вы, можете такъ небрежно говорить о такой талантливой и замѣчательной женщинѣ?—съ негодованіемъ воскликнулъ я.

— Талантливая женщина, безъ сомнѣнія,—сказалъ Дюма̀:—но по характеру и привычкамъ и воззрѣніямъ, все-таки баба! Да вы еще сто разъ успѣете съ нею познакомиться, она сейчасъ уѣзжаетъ къ себѣ въ замокъ, въ Nohant.

Но это былъ единственный разъ, что мнѣ случилось видѣть геніальную писательницу, и уже никогда болѣе мнѣ не удалось съ нею встрѣтиться. Дюма̀-отецъ, правда недолго, какъ и Флоберъ, пользовался благосклонностью знаменитой писательницы, но эти «вспышки» не оставили въ жизни обоихъ ихъ того глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія, какое имѣла связь съ нею на жизнь Жюля Сандо и въ особенности Шопена и Альфреда Мюссѐ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось отъ людей, близко знавшихъ Мюссѐ, слышать, что онъ никогда не могъ утѣшиться отъ измѣны Жоржъ Зандъ.

Между Мюссѐ и Жоржъ Зандъ въ продолженіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ продолжалась переписка, неоцѣнимое литературное сокровище, еще заживо отданное Жоржъ Зандомъ Александру Дюма̀-сыну, котораго она матерински любила. Сколько мнѣ извѣстно, Дюма̀-сынъ при жизни своей не напечатаетъ этихъ писемъ, отданныхъ ему, однако, Жоржъ Зандомъ въ полную собственность и за которыя, безъ сомнѣнія, парижскіе издатели заплатили бы сумасшедшія деньги.

Я слышалъ также, что много лѣтъ послѣ происшедшаго между ними разрыва Жоржъ Зандъ и Жюль Сандо̀ встрѣтились въ пріемной одного изъ многочисленныхъ министровъ изящныхъ искусствъ, перебывавшихъ за послѣднія 25 лѣтъ во Франціи. Они просидѣли около часа почти бокъ-о-бокъ и... не узнали другъ друга!..

— Кто этотъ старикъ, котораго пропустили прежде меня къ министру? — недовольнымъ голосомъ спросила Жоржъ Зандъ «huissier».

— C'est M-r Jules Sandeau de l'Académie Française, — отвѣтилъ тотъ ей.

— Ah! — равнодушно замѣтила она: — il a bien vieilli.

— Кто эта старуха, что̀ сидѣла подлѣ меня? — въ свою очередь, спросилъ Сандо̀.

— C'est M-me George Sand, — почтительно отвѣтилъ ему «huissier».

Мнѣ говорили также, что они встрѣтились у Camille'я Doucet и что тотъ, позабывъ о ихъ въ свое время надѣлавшей много шума связи или желая подать видъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, представилъ ихъ другъ другу.

— Мы уже знакомы съиздавна, — равнодушно проговорила Жоржъ Зандъ, протягивая руку своему бывшему любовнику.

— Да, — отвѣтилъ также Сандò: — но мы давно не встрѣчались!..

Почти каждую недѣлю я обѣдалъ или у Дюма́, или съ нимъ вдвоемъ въ Maison Dorée у извѣстнаго и всѣми русскими любимаго Вердіе. Тамъ къ намъ присоединялись иногда неособенно талантливый, но очень остроумный и любезный французскій писатель Monseles, Xavier Marmier, теперь, впрочемъ уже давно, членъ французской академіи, составившій себѣ извѣстность переводами «Сѣверныхъ повѣстей», «Contes du Nord», въ томъ числѣ и моихъ «Исторія двухъ калошъ», «Аптекарша» и др. Иногда, но уже на улицѣ, когда мы у Тортони, послѣ плотнаго обѣда, усаживались на такъ называемой «террасѣ» пить кофе, къ намъ присоединялся знаменитый французскій актеръ Фредерикъ Леметръ; тогда, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ еще былъ во всей своей славѣ, хотя уже былъ далеко не молодъ и, кромѣ того, имѣлъ привычку, правда, свойственную многимъ талантливымъ актерамъ, напиваться. Онъ представлялъ собою, не смотря на дѣйствительно громадный талантъ, и ту особенную способность увлекать до восторга, до неистовства, если можно такъ выразиться, что̀ дается немногимъ артистамъ,— воплощеніе типа, что̀ французы называютъ «un labotin». Самонадѣянный, хвастливый, вѣчно говорящій о себѣ самомъ, задорный и капризный, онъ какъ собесѣдникъ былъ невыносимъ, но, разъ на сценѣ, онъ дѣйствительно перерождался. Конечно, теперь метода играть драмы и комедіи во многомъ измѣнилась и упростилась и, конечно, къ лучшему, но я не встрѣчалъ такого благородства пріемовъ, такого драматизма въ выраженіи лица, такой изысканности въ движеніяхъ. Я уже сказалъ, что оба Дюма̀ любили женщинъ, и долженъ прибавить, что, благодаря существующему во всемъ ихъ

обиходѣ «цыганству», случалось часто, что «пассія» отца переходила потомъ во владѣніе сына, что дѣлалось не только завѣдомо для Дюма̀-отца, но даже согласно его совѣтамъ и желаніямъ. Дюма̀ также терпѣть не могъ надѣвать новыхъ сапогъ, и сынъ его обязывался первые два, три раза обувать вновь сшитые сапоги.

— Послушай, однако,— съ неудовольствіемъ замѣтилъ отцу Дюма-сынъ:—мнѣ надоѣло разнашивать твои новые сапоги и ублажать твоихъ старыхъ любовницъ.

— Какой ты дуракъ!—смѣясь, отвѣтилъ ему Дюма̀:—это только доказываетъ, что нога у тебя гораздо меньше моей, а сложеніе крѣпче!..

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ выразился иначе, но «настоящія» слова его неблагоупотребительны для печати. У Дюма̀ я познакомился и позднѣе, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, близко сошелся съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ по характеру и таланту людей, какихъ я встрѣчалъ,—съ Генрихомъ Мюржеромъ, Henri Murger. Сынъ привратника concierge'а одной изъ небольшихъ улицъ стараго Парижа, онъ и по натурѣ своей, чувствованіямъ и инстинктамъ, являлся едва ли не величайшимъ аристократомъ, какого я видѣлъ въ моей уже долгой жизни. Онъ точно носилъ въ себѣ какой-то неземной идеалъ, какое-то непобѣдимое стремленіе ко всему высокому и великому. Всю жизнь свою онъ горько терпѣлъ отъ бѣдности, а между тѣмъ точно рожденъ былъ для самой баснословной роскоши.

Въ продолженіе болѣе полугода я приглашалъ его съ собою ужинать у Вердіе, и, каюсь, вовсе не потому, чтобы оказать ему нѣкотораго рода услугу, а потому, что бесѣда съ нимъ мнѣ всегда являлась особенно привлекательной; я зналъ, что онъ почти ежедневно обѣдаетъ у одного молочника въ Латинскомъ кварталѣ и не избалованъ ѣдой,

а между тѣмъ, когда мы усаживались за однимъ изъ столовъ раззолоченныхъ по «всѣмъ швамъ» залъ Maison Dorée, заказывая ужинъ, я всегда стѣснялся, не находя никогда ничего достойнымъ быть поданнымъ Мюржеру... Многіе скептики, конечно, почтутъ это мое чувство глупостью, но люди съ сердцемъ и воображеніемъ, которымъ случалось бывать въ такомъ положеніи, поймутъ меня... Въ женщинахъ этотъ врожденный аристократизмъ гораздо чаще встрѣчается; среди мужчинъ онъ очень рѣдокъ, и мнѣ много разъ, въ особенности на родинѣ, случалось встрѣчать людей, дослужившихся и стоявшихъ іерархически очень высоко, но которымъ такъ и хотѣлось сказать:

— Эй, братъ, сними съ меня галоши или подай мнѣ шинель!

Мюржеръ первый познакомилъ меня съ Парижемъ оригинальнымъ, «le Paris excentrique», о которомъ до того времени я не имѣлъ понятія. Однажды въ «Closerie de Lilas», впослѣдствіи «Jardin Bullier», Мюржеръ спросилъ меня:

— Хотите познакомиться съ одной изъ гризетокъ, послужившихъ мнѣ для типа моей Мими Пенсонъ, «Mimi Pinson» (героиня извѣстной его комедіи «La vie de Bohême»).

Я съ любопытствомъ согласился.

Типъ Польдекоковскихъ гризетокъ уже тогда начиналъ исчезать, но, всетаки, въ Латинскомъ кварталѣ онѣ еще процвѣтали. Это были, какъ извѣстно, бѣлошвейки, магазинщицы, модистки, цвѣточницы, словомъ дѣвушки, принадлежащія къ рабочему люду, но всѣ имѣли любовниковъ, только у нихъ любовь, или, просто, привязанность, играла первенствующую роль, а вопросъ денежный, къ какому бы классу ни принадлежалъ любимый человѣкъ, или вовсе

не существовалъ, или занималъ совершенно второстепенное мѣсто, въ видѣ обѣдовъ, прогулокъ, мелкихъ подарковъ и т. д. Въ этомъ онѣ совершенно отличались отъ тогдашнихъ лоретокъ, превратившихся потомъ въ кокотокъ, у которыхъ звонкая монета въ наибольшемъ количествѣ является первымъ условіемъ. Дѣвушка, которую Мюржеръ подвелъ къ нашему столу, олицетворяла собою типъ настоящей гризетки, но уже гризетки-щеголихи. Средняго роста, прекрасно сложенная, ловкая и граціозная, ея живое, миловидное лицо поражало своею яркою, молодою свѣжестью. Небольшіе черные глаза блестѣли умомъ и веселостью, довольно большой ротъ почти постоянно улыбался, выказывая неправильные, но бѣлые, здоровые зубы. На ней было надѣто темное шелковое платье и обшитый кружевами передникъ; на головѣ ея, артистически причесанной, на самой маковкѣ чуть держался тюлевый чепчикъ, убранный яркими цвѣтами, а въ ушахъ, — въ тѣ времена роскошь неслыханная, — блестѣли два небольшіе брилліантика. Она, не чинясь, подсѣла къ нашему столу, мы скоро разговорились и близко познакомились. Надо сказать, что въ то время я у Bullier былъ до нѣкоторой степени свой человѣкъ; приходилъ я почти всегда туда съ Мюржеромъ,—его тамъ боготворили,—познакомился со всѣми тамъ бывавшими студентами и пріобрѣлъ себѣ тамъ много пріятелей.

За послѣднія 25 лѣтъ Парижъ, какъ и вся Европа, во многомъ измѣнился, но въ то время, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ немъ еще было много оригинальныхъ уголковъ; однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ являлся, разумѣется, «Jardin Bullier»; большая часть посѣтителей состояла изъ студентовъ; они являлись туда первые и уходили послѣдними. Наряды на нихъ отличались болѣе чѣмъ

оригинальностью; какія-то допотопнаго фасона плисовыя куртки, высокіе сапоги, необычайнаго фасона венгерки; лѣтомъ иные являлись въ пуховыхъ и даже мѣховыхъ шапкахъ, зимой въ соломенныхъ шляпахъ; иные изъ нихъ, хотя далеко уже не молодые, сохранили весь пылъ и всѣ восторги молодости. Стоило только произнести при нихъ слова: свобода, родина, любовь, и точно порохъ вспыхивали ихъ бурныя страстныя рѣчи, не всегда, можетъ быть, вѣрныя сужденія, но искреннія и убѣжденныя. Нѣсколько лѣтъ спустя, я опять вернулся въ Парижъ и въ тотъ же вечеръ отправился въ «Closerie des Lilas». Я нашелъ почти всѣхъ своихъ знакомцевъ за тѣми же столиками и почти въ тѣхъ же нарядахъ.

— А что подѣлываетъ Joséphine?— спросилъ я одного изъ нихъ, который въ тотъ годъ блистательно выдержалъ экзаменъ на медика, имѣлъ уже порядочную практику, но по старой памяти, почти каждый вечеръ, приходилъ провести часъ, другой съ прежними пріятелями. Я говорилъ о гризеткѣ, съ которой меня познакомилъ Мюржеръ.

— Joséphine?—равнодушно отвѣтилъ онъ мнѣ; сколько я припоминалъ, онъ въ то время былъ въ числѣ ея ревностныхъ и счастливыхъ поклонниковъ: — она надняхъ умерла отъ чахотки, и я вчера вскрывалъ ее, очень интересное и богатое тѣло!..

Меня такъ и обдало ужасомъ дѣйствительности жизни, постоянно встрѣчаемой.

— Неужели?! — вскрикнулъ я: — эта молодая, красивая, цвѣтущая Жозефина — она умерла?

— Э, — спокойно возразилъ мнѣ мой собесѣдникъ: — посмотрите, вотъ вокругъ сколько ихъ ходитъ, такихъ же цвѣтущихъ и молодыхъ, и красивыхъ!

Послѣ обоихъ Дюма и Мюржера, я болѣе всѣхъ со-

шелся съ Edmond About; недаромъ его прозвали внукомъ Вольтера, онъ поражалъ всякаго своимъ блестящимъ остроумiемъ, своею находчивостью, своимъ неистощимымъ и всегда интереснымъ разговоромъ. Въ то время, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ находился въ особенной милости у императора Наполеона III, корректировалъ написанную императоромъ исторiю Юлiя Цезаря и вообще въ Тюльерiйскомъ дворцѣ, у вліятельныхъ лицъ бонапартiйской партiи и въ особенности у принцессы Матильды, пользовался необычайнымъ благоволенiемъ. Ей, принцессѣ, обязанъ онъ во многомъ своей литературной извѣстностью и той модой, въ какой стояли его романы въ продолженiе лѣтъ десяти, романы, хорошо написанные, интересные, но не отличающiеся ни глубиной, ни даже особеннымъ талантомъ. У About, не смотря на весь его умъ, былъ недостатокъ, обычный многимъ французамъ, а именно забываться до фамильярности. У принцессы Матильды на него смотрѣли, какъ на баловня, «un enfant gâté», и многое ему сходило съ рукъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ однажды уже слишкомъ заврался и, какъ водится, прогорѣлъ. Принцесса Матильда женщина — замѣчательнаго ума; она своею обаятельною привѣтливостью и самымъ тонкимъ пониманiемъ искусства, живописи, ваянiя, литературы, пріобрѣла себѣ и сохранила даже послѣ паденiя имперiи множество преданнѣйшихъ друзей. Все, что носило извѣстное имя въ послѣднiя тридцать лѣтъ, усердно посѣщало ея салонъ. На сколько императрица Евгенiя отличалась поверхностью своего ума, своимъ легкомысленiемъ, средневѣковымъ ханжествомъ и отсутствiемъ всякаго художническаго чувства, на столько принцесса Матильда привлекала своимъ свѣтлымъ умомъ, яснымъ и современнымъ пониманiемъ вещей и отзывчивостью на все благородное и прекрасное. Но

какъ въ брилліантахъ самой чистой воды есть непремѣнно пятнышко, такъ и у принцессы былъ недостатокъ, ставимый ей въ укоръ, разумѣется, заочно, самыми ея вѣрными друзьями, а именно ея необыкновенное мягкосердечіе въ отношеніи нѣкоторыхъ красивыхъ мужчинъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, графъ Ньюверкерке пользовался ея благосклонностью вполнѣ и имѣлъ на нее большое вліяніе. Всѣ объ этомъ знали, но никто, разумѣется, въ ея присутствіи не дерзалъ даже объ этомъ намекнуть. Однажды, Ньюверкерке, входившій къ принцессѣ безъ доклада, засталъ у нея въ гостиной Эдмонда Абу; онъ стоялъ спиной къ камину, курилъ сигару и очень безцеремонно разсказывалъ принцессѣ какой-то скоромный анекдотъ. Оскорбился ли Ньюверкерке этимъ обхожденіемъ About съ принцессой, или просто находился въ дурномъ расположеніи духа, но на привѣтствіе принцессы онъ отвѣтилъ сухо и немедленно усѣлся въ уголъ.

— Allons, allons, vilain jaloux!—съ ласковымъ укоромъ проговорилъ About, бросая въ каминъ свою сигару.

Принцесса Матильда мгновенно встала, позвонила и приказала вошедшему слугѣ «провести господина Абу въ переднюю»; другими словами, Абу выгнали, и выгнали оскорбительно, какъ нахала.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ во многомъ содѣйствовалъ совершенному измѣненію политическихъ воззрѣній Абу; изъ преданнаго бонапартиста онъ превратился въ яраго республиканца; но остался попрежнему утонченно-свѣтскимъ человѣкомъ, любезнымъ собесѣдникомъ и остроумнѣйшимъ разсказчикомъ.

Одинъ маленькій случай, приключившійся въ Баденѣ, дастъ понятіе и о характерѣ Абу, и о французскомъ характерѣ вообще, въ которомъ, не смотря на легкомысліе,

тщеславность и эгоизмъ, такъ много добродушія. Въ 1861 году, въ сентябрѣ, я былъ въ Баденѣ, Абу также туда пріѣхалъ, мы съ нимъ видѣлись постоянно, чуть ли даже не жили на одной квартирѣ. Такъ какъ въ то время онъ былъ въ большой модѣ, то всѣ мои знакомыя дамы, и въ особенности соотечественницы, наперерывъ просили меня знакомить съ ними Абу. Идя однажды утромъ по Лихтентальской аллеѣ вдвоемъ съ Абу, мы повстрѣчали г-жу Калерджи, прелестную женщину и превосходную музыкантшу (одну изъ тысячи трехъ, на рукахъ которыхъ умеръ Шопенъ); я подумалъ, что доставлю ей удовольствіе, познакомивъ ее съ Абу, и потому подошелъ къ ней и представилъ ей моего пріятеля; къ моему крайнему изумленію, г-жа Калерджи едва отвѣтила на мое привѣтствіе, а Абу даже вовсе не поклонилась и, повернувшись спиною къ намъ, пошла дальше. Меня эта выходка тѣмъ болѣе озадачила, что я зналъ г-жу Калерджи за женщину умную и благовоспитанную и притомъ съиздавна уже находился съ нею въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ; я покинулъ Абу, совершенно озадаченнаго этой грубостью, посреди аллеи и побѣжалъ за madame Калерджи.

— Что это? помилуйте! за что вы такъ обошлись съ Абу? — спросилъ ее я.

— Какъ, да развѣ вы не знаете? — почти закричала она мнѣ въ отвѣтъ: — въ послѣднемъ своемъ романѣ, онъ въ самомъ гнусномъ видѣ вывелъ одну изъ самыхъ близкихъ моихъ родственницъ, и это завѣдомо всѣмъ!

Я извинился незнаніемъ этого обстоятельства и возвратился къ Абу. Въ двухъ словахъ я объяснилъ ему причину гнѣва г-жи Калерджи.

— Comment elle m'en veut encore, — изумленно воскликнулъ About: — mais il y a au moins deux ans que

j'ai ecrit le livre! ah! vous êtes rancuneux vous autres slaves!...

Отъ начала сороковыхъ годовъ до прусско-французской войны 1870 года Баденъ, какъ извѣстно, былъ самымъ моднымъ въ Европѣ лѣтнимъ сборищемъ. Всѣ общеевропейскія знаменитости обоего пола, къ какому бы разряду онѣ не принадлежали, начиная Мейерберомъ и кончая знаменитой французской кокоткой (впрочемъ, чистокровной англичанкой родомъ) Корой Перлъ, стекались туда послушать музыку передъ конверсаціонъ-заломъ, а вечеромъ себя показать и на другихъ посмотрѣть въ игорномъ домѣ, что̀ считалось послѣднимъ словомъ тогдашняго шика.

Наши соотечественники, какъ и всегда, впрочемъ, особенно отличались. Нарышкинскіе выигрыши и проигрыши, Демидовскія попойки, празднества княгини Суворовой оставили въ лѣтописяхъ баденскихъ сезоновъ незабвенныя воспоминанія. Тургеневъ очень зло, но очень вѣрно изобразилъ россійскіе нравы въ Баденѣ, гдѣ злословіе и пустословіе играли первенствующую роль. Странное дѣло, почему заграницей русскіе никакъ не могутъ ужиться между собой; стоитъ женщинѣ быть красивѣе или умнѣе другихъ, стоитъ мужчинѣ чѣмъ нибудь выдѣляться изъ общей массы, чтобы соотчичи всеобщимъ, такъ сказать, кагаломъ накидывались на нихъ и нравственно разбирали ихъ, что называется, на куски. Въ Баденѣ я познакомился съ Мейерберомъ; онъ совершенно очаровалъ меня своимъ остроуміемъ и любезностью. Поощренный его простотой и тою особенностью скораго знакомства, какая обыкновенно является на водахъ и купаньяхъ, я сказалъ ему, что меня всегда удивляло, какъ такіе два необычайные таланта, какъ онъ и Россини, не могутъ между собою

ужиться. Какъ извѣстно, между ними существовала всю жизнь большая вражда. Мейерберъ прищурился, потомъ усмѣхнулся и весело отвѣтилъ мнѣ:

— Любезный графъ, мы съ Россини много поострили насчетъ другъ друга, но я всегда сожалѣлъ, что мнѣ не удалось отпустить такого геніальнаго «bon mot», какое сказалъ Piron насчетъ Вольтера.

— А что онъ сказалъ?— полюбопытствовалъ я.

— Какъ, вы развѣ не слышали?

— Каюсь, теперь ничего не припомню.

— Вамъ извѣстно, что Вольтеръ и одинъ изъ остроумнѣйшихъ стихотворцевъ восемнадцатаго вѣка, Пиронъ, безконечно ненавидѣли другъ друга. Одна ихъ общая пріятельница, чуть ли не маркиза Дюдеванъ, убѣдила, послѣ многихъ усилій, Вольтера пообѣдать у нея вмѣстѣ съ Пирономъ. «Хорошо,—согласился, наконецъ, Вольтеръ:—но съ тѣмъ только, чтобы этотъ шалопай (le polisson de Piron) обязался, что въ теченіе всего обѣда онъ произнесетъ всего четыре слова». Пиронъ согласился, и обѣдъ состоялся. Недруги усѣлись одинъ по правую руку хозяйки, другой по лѣвую. Вольтеръ торжествовалъ и говорилъ безъ умолку; Пиронъ упорно молчалъ. Въ концѣ обѣда подали блюдо, наполненное великолѣпными раками; Вольтеръ съ жадностью принялся ихъ ѣсть.

— Я истребилъ столько же раковъ, сколько Давидъ убилъ филистимлянъ,—проговорилъ, обращаясь къ хозяйкѣ, Вольтеръ.

— Такою же челюстью (avec la même mâchoire),— не поднимая глазъ съ своей тарелки, произнесъ Пиронъ

(Извѣстно, что по библейскому сказанію Давидъ сражался съ филистимлянами, имѣя орудіемъ «ослиную челюсть»).

Пиронъ, какъ видите, сдержалъ слово; но этими четырьмя словами зарѣзалъ, что называется, Вольтера.

Мы оба разсмѣялись, но я уже болѣе, разумѣется, не заговаривалъ съ Мейербероmъ о Россини. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ писалъ «Африканку», это послѣднее свое сочиненіе, это излюбленное свое дитя, которое ему не суждено было видѣть представленнымъ на сценѣ.

Онъ сильно озабочивался затрудненіемъ найдти хорошаго тенора.

— Les bons chanteurs s'en vont, mon cher comte,— часто говорилъ онъ мнѣ, прогуливаясь по очаровательнымъ окрестностямъ Бадена: — le grand Cherubini n'est plus; правда, есть Нимань и Тамберликъ, но Нимань нѣмецъ, а вы иностранцы, не можете себѣ даже представить, до чего строптива парижская публика; она скорѣе проститъ фальшивую ноту, неправильно понятую роль, чѣмъ плохо выговоренное б или к. Тамберликъ, правда, хорошо выговариваетъ французскій языкъ, но онъ не по моей роли (il n'a pas le tempérament de mon role), и потомъ согласится ли онъ?.. Нѣтъ, я хочу что нибудь новое найдти, молодой голосъ, молодыя силы, все это по-своему отдѣлать и передѣлать... Une voix inédite, chaude, jeune, vibrante et passionnée!..

Два или три раза въ тотъ сезонъ онъ приглашалъ меня въ Баденѣ и однажды въ Висбаденѣ послушать какой нибудь новый голосъ и всякій разъ онъ задумчиво покачивалъ головой, поглядывая на меня, не то дескать, совсѣмъ не то...

Еще въ первую мою поѣздку въ Парижъ, т. е. въ первую послѣ коронаціи, такъ какъ я уже до того нѣсколько разъ бывалъ въ Парижѣ, я познакомился съ из-

вѣстнымъ французскимъ драматическимъ писателемъ Скрибомъ. Это чуть ли не первый писатель, нажившій себѣ литературнымъ трудомъ громадное состояніе. Его современника, геніальнаго Бальзака, всю жизнь одолѣвали кредиторы. Скрибъ жилъ въ роскошной квартирѣ, держался полубогомъ и въ то время занималъ во французской литературѣ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Его пьесы (онъ, кажется, въ теченіе своей жизни написалъ ихъ болѣе тысячи,—разумѣется, иныя въ сотрудничествѣ), большею частью, лишенныя всякаго таланта, имѣли, однако же, успѣхъ, приносили директорамъ театровъ доходъ и нравились публикѣ, а бо̀льшаго, какъ извѣстно, ничего не требуется. Меня, однако же, онъ принялъ любезно и скоро со мною разговорился.

— Мы сегодня увидимся въ театрѣ, вѣроятно, еще,— сказалъ я, прощаясь съ нимъ; давали именно, кажется, въ Théatre du Gymnase одну изъ его послѣднихъ пьесъ. Скрибъ усмѣхнулся.

— Я никогда не бываю въ театрѣ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, провожая меня.

— Какъ?! — вскрикнулъ я: — вы monsieur Scribe, вы никогда не бываете въ театрѣ? но это невѣроятно?!

— Это совершенно вѣрно,—возразилъ мнѣ Скрибъ:— т. е. никогда — относительно; я почти всегда присутствую на первыхъ представленіяхъ піесъ моихъ собратовъ и иногда на первыхъ представленіяхъ моихъ собственныхъ піесъ, но это случается рѣже; для собственнаго же моего удовольствія я въ театръ не хожу, «cela serait enfantin».

Мнѣ нечего прибавлять, какъ меня удивило подобное «profession de foi» въ устахъ человѣка, нажившаго себѣ театромъ милліоны.

Въ то же время я имѣлъ случай познакомиться съ Оберомъ. Дюма̀-отецъ называлъ его «le Scribe de la musique». Дѣйствительно, онъ произвелъ на свѣтъ большое количество оперъ, между которыми многія не отличаются музыкальными достоинствами, но, тѣмъ не менѣе, Оберъ занималъ видное мѣсто во французской консерваторіи, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ и былъ очень популяренъ въ Парижѣ и во Франціи. Много этому способствовалъ, разумѣется, его живой характеръ и замѣчательно мѣткій и острый умъ. Одинъ изъ пріятелей, не видавшій его чуть ли не болѣе сорока лѣтъ, пріѣхавъ въ Парижъ изъ провинціи, отправился навѣстить Обера.

— Oui, certainement,—началъ послѣ первыхъ привѣтствій, пріятель, который, какъ это часто, впрочемъ, случается въ жизни, не «переваривалъ», что онъ остался никому неизвѣстнымъ провинціаломъ, тогда какъ Оберъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность: — Certainement vous voilà un homme célèbre, cela n'empêche pas que vous êtes vieux.

— Ma foi, mon cher ami, — отвѣтилъ ему Оберъ: — c'est la seule manière de vivre longtemps!..

Оберъ, какъ почти всѣ люди, одаренные воображеніемъ, былъ яростнымъ поклонникомъ прелестнаго пола; объ этой его слабости въ оное время въ Парижѣ ходило множество анекдотовъ; одинъ изъ нихъ, хотя и очень скромный, но изъ наиболѣе смѣшныхъ, я позволю себѣ разсказать читателямъ.

Въ числѣ начинающихъ оперныхъ танцовщицъ изъ тѣхъ, что̀ называютъ въ Парижѣ «des marcheuses», Оберъ отличилъ одну прелестную блондинку, молоденькую дѣвушку, лѣтъ семнадцати. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ узналъ, что, по остроумному выраженію Дюма̀-сына,

«капиталъ ея еще не былъ тронутъ». Тѣмъ не менѣе, хотя уже будучи зрѣлыхъ лѣтъ, и именно потому, что будучи зрѣлыхъ лѣтъ, Оберъ захотѣлъ во что бы то ни стало достигнуть своихъ цѣлей—обладать молодой дѣвушкой. Прелестная блондинка находилась подъ нѣжной опекой своей маменьки, женщины лѣтъ подъ сорокъ, но еще красивой, стройной и привлекательной. Оберъ, не теряя времени, съ нею познакомился и безцеремонно завелъ рѣчь объ интересующемъ его предметѣ. Сначала, какъ и слѣдовало ожидать, любящая мать съ негодованіемъ отвергла предложенія Обера, потомъ мало-по-малу она стала сговорчивѣе и, наконецъ, съ нервными рыданіями объявила Оберу, что она уговорила-таки свою дочь, что, увы! бѣдность, забота о будущности своей дочери заставили ее согласиться съ этой ужасной крайностью, но что она надѣется на великодушіе и скромность г. Обера и на то, что въ будущемъ, когда «капризъ» къ ея дочери пройдетъ, онъ навсегда останется ея покровителемъ. Влюбленный старикъ на все соглашался и только спрашивалъ объ одномъ, когда же, наконецъ, ему удастся «увѣнчать свое пламя». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшили, что Оберъ придетъ на слѣдующій день, но не ранѣе восьми часовъ вечера. Сказано — сдѣлано. На слѣдующій вечеръ около восьми часовъ Оберъ дрожащей рукой звонилъ у дверей своего предмета. Ему отворила сама маменька и таинственно ввела его въ гостиную.

— Вы понимаете, что я отпустила бонну на цѣлый вечеръ: «il faut toujours se défier des domestiques». Подождите меня здѣсь, или нѣтъ, впрочемъ... я не въ силахъ буду... а просто, когда вы услышите за сосѣдней дверью звонъ колокольчика, вы толкните вотъ эту дверь, «vous pousserez cette porte» и войдите...

И растроганная маменька пошла къ двери, ведущей въ глубь квартиры.

— Ахъ, да! еще одно условіе,— останавливаясь у дверей, проговорила заботливая мать: — въ комнатѣ, тамъ... вы понимаете?.. будетъ совершенно темно, но вы должны сами разсудить, какъ тяжело... «il faut ménager la pudeur de cette pauvre enfant!..»

Оберъ на всѣ эти рѣчи кивалъ нетерпѣливо головой. Вслѣдъ за уходомъ матери, въ полуосвѣщенной гостиной мелькнулъ изъ двери въ дверь соблазнительно стройный образъ молодой обреченной на жертву дѣвственницы. Наконецъ, послѣ довольно долгаго ожиданія, раздался желанный звонокъ... Оберъ бросился къ дверямъ...

Надо сказать, что утромъ того дня онъ отсчиталъ довѣренному отъ матери лицу крупный условленный между ними кушъ. Въ комнатѣ, куда вошелъ Оберъ, было дѣйствительно такъ темно, что онъ ощупью едва могъ подвигаться. Но страсть пылала въ немъ такъ сильно, что онъ не обращалъ на это вниманія; часа два спустя, онъ такъ же ощупью сталъ собираться выйдти изъ святилища; молодая дѣвица сдержала все то, что обѣщало ея плѣнительное тѣло, но внутренно Оберъ удивлялся только одному, что ему такъ легко досталась побѣда... Но случайность, это зло, разрушающее самыя хитростно придуманныя продѣлки, и тутъ сослужила свою службу; Оберъ уже подходилъ осторожно къ дверямъ, какъ темно-синій изъ густой шелковой матеріи чехолъ, затягивавшій плотно висѣвшій посединѣ потолка ночникъ, свалился; яркій свѣтъ разомъ освѣтилъ до того погруженную въ мракъ комнату; Оберъ невольно обернулся назадъ, и его удивленнымъ, непріятно удивленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ бѣлоснѣжныхъ простыняхъ только-что поки-

нутой имъ кровати, граціозно раскинувъ руки, лежала не дочка, а маменька своей собственной особой... Послѣ рѣзкаго объясненія, въ которомъ Оберъ какъ умный человѣкъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія, онъ удалился, полагая, что всего лучше не разглашать такихъ плачевныхъ авантюръ, но, тѣмъ не менѣе, въ скоромъ времени многіе узнали объ этой одной изъ его многочисленныхъ любовныхъ неудачъ.

IX.

Мое переселеніе въ Дерптъ. — Дерптское общество. — Моя вторичная поѣздка на Кавказъ. — Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. — Его предложеніе мнѣ. — Наше путешествіе. — Мое разочарованіе. — Разладъ съ Барятинскимъ и мой отъѣздъ изъ Тифлиса. — Анекдотъ о канцлерѣ князѣ А. М. Горчаковѣ. — Баронесса Ю. П. Вревская. — Ея кончина. — Пророчество о болгарахъ. — Моя поѣздка въ Парижъ. — Русскій посолъ во Франціи графъ Киселевъ. — Балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. — Представленіе императору Наполеону и императрицѣ Евгеніи. — Грубость камеръ-лакеевъ. — Приключеніе съ Лазаревымъ. — Знакомство съ Галеви. — Изобрѣтатель метода хоральнаго пѣнія Шеве. — Его неудачная поѣздка въ Петербургъ. — Моя брошюра „Les musiciens contre la musique“. — Мое возвращеніе въ Россію.

Еще послѣ моей первой поѣздки въ Парижъ, послѣ коронаціи, я рѣшилъ поселиться съ женою и дѣтьми въ Дерптѣ. Мои родители и родители жены моей въ то время уже умерли; многіе друзья или добрые знакомые или умерли, или разъѣхались, и ничто особенно не удерживало насъ въ Петербургѣ. Для воспитанія дѣтей и жизни семейной, Дерптъ представлялся мнѣ удобнѣйшимъ мѣстомъ, такъ какъ его сравнительная близость отъ Петербурга давала мнѣ возможность по дѣламъ или по службѣ часто бывать въ столицѣ.

Первые годы нашего пребыванія въ Дерптѣ были едва ли не самые счастливые годы моего перваго брака. Пока жена моя гостила съ дѣтьми въ окрестностяхъ, я въ Дерптѣ

купилъ и совершенно заново перестроилъ и отдѣлалъ довольно обширный домъ, съ большимъ примыкавшимъ къ нему мѣстомъ, гдѣ потомъ, по моему плану, мы развели хорошенькій садъ. Домъ этотъ, въ которомъ моя первая жена жила много лѣтъ и гдѣ она скончалась, принадлежитъ теперь моей дочери Сабуровой. Общество дерптское въ то время мало измѣнилось съ тридцатыхъ годовъ, какъ я покинулъ Дерптъ, и сохранило свою патріархальную семейственность; но за то университетъ, или, скорѣе, направленіе въ университетѣ совершенно измѣнилось. Довольно значительный кружокъ русскихъ студентовъ внесъ въ него зачинающееся зерно нигилизма,—нигилизма, еще не имѣющаго, впрочемъ, этого названія, такъ какъ знаменитый романъ Тургенева «Отцы и дѣти» появился только года три послѣ нашего переселенія въ Дерптъ. Надо сказать, что нѣмецкія головы, болѣе тугія къ понятливости, но за то часто также и болѣе разсудительныя, холодно отнеслись къ новому ученію, за то русская молодежь, и въ особенности русскія барыни, съ свойственной имъ впечатлительностью, яростно примкнули къ новому ученію. Я въ Дерптѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, имѣлъ глупость широко раскрыть двери своего дома для всѣхъ; но тутъ это не повлекло за собой столько непріятностей, какъ въ Петербургѣ и на Кавказѣ.

Но, говоря о моемъ основаніи въ Дерптѣ, я забылъ сказать, что въ промежутокъ этого времени я вторично побывалъ на Кавказѣ. Вотъ какъ это случилось.

По заключеніи Парижскаго мира и по смерти фельдмаршала князя Воронцова, государь ввѣрилъ командованіе кавказской арміею князю Александру Ивановичу Барятинскому. Я уже имѣлъ случай, описывая петербургскіе салоны сороковыхъ годовъ, сказать, что Барятинскіе,

по знатности своего рода и своему богатству, занимали одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. Я долженъ прибавить, что князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, старшій въ родѣ и наслѣдникъ богатаго маіората (который онъ, впрочемъ, передалъ своему второму брату Владиміру), былъ однимъ изъ выдающихся и способнѣйшихъ любимцевъ молодого императора. Всѣ четыре брата Барятинскіе были красивы, но, разумѣется, красивѣе и виднѣе всѣхъ, всетаки, былъ князь Александръ. Кромѣ того, онъ имѣлъ очень тонкій и все разумѣющій умъ, большое изящество въ пріемахъ и мягкость (когда хотѣлъ, впрочемъ) въ обращеніи, рѣдкую способность угадывать или скорѣе взвѣшивать людей, и нѣсколько поверхностную, но, тѣмъ не менѣе, довольно обширную начитанность. Храбрость его не имѣла границъ; спокойная, самоувѣренная и смиренная вмѣстѣ—это была чисто русская беззавѣтная храбрость,—храбрость русскаго солдата. Но съ этими замѣчательными способностями у Барятинскаго были также недостатки. Какъ всѣ Барятинскіе, онъ почиталъ себя испеченнымъ изъ какого-то особеннаго, высокопробнаго, никому недоступнаго тѣста. Его высокомѣріе, доходившее до наивности, не имѣло границъ. Еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, Барятинскій былъ избалованъ свѣтскими успѣхами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ щедро награждаетъ расходившаяся природа своихъ любимцевъ. Но все это Барятинскій считалъ еще для себя недостаточнымъ; онъ мечталъ не только о фельдмаршальствѣ, котораго достигъ, по покоренiи Кавказа, — онъ хотѣлъ быть генералиссимусомъ всероссійскихъ войскъ, какъ достославный Суворовъ. Этого высочайшаго отличія ему не удалось получить и вообще по покоренiи Кавказа, звѣзда его, до того сіявшая солнцемъ, нѣсколько поблекла,

хотя лично государь сохранилъ къ нему свое благоволеніе и даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ посѣтилъ его въ пожалованномъ ему для жительства казенномъ мѣстечкѣ Скерневицахъ. При такомъ нравѣ и при такихъ стремленіяхъ, понятно, что, вступивъ въ командованіе Кавказскимъ краемъ и кавказской арміей, Барятинскій пожелалъ придать своему путешествію и вступленію въ ввѣренный его управленію край всевозможную торжественность.

Свидѣвшись какъ-то со мною передъ своимъ отбытіемъ въ Тифлисъ, Барятинскій спросилъ меня: не пожелаю ли я снова вернуться въ край, оставившій во мнѣ неизгладимыя впечатлѣнія и воспоминанія; съ обычнымъ ему умѣніемъ, онъ начерталъ мнѣ очень заманчивую картину дѣятельности, совершенно соотвѣтствующей и моимъ вкусамъ, и моему умѣнію: поощреніе мѣстной литературы, распространеніе русской словесности, устройство театровъ въ значительныхъ городахъ, учрежденіе школъ музыки, пѣнія, рисованія въ Тифлисѣ, словомъ, нѣчто въ родѣ маленькаго министерства изящныхъ искусствъ, въ которомъ я долженствовалъ исполнять лестную роль хозяина и господина. Не имѣя въ то время опредѣленнаго занятія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я состоялъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе князя Барятинскаго, имѣя, во-первыхъ, въ виду то, что я могу быть полезенъ, во-вторыхъ, радуясь снова увидѣть край, особенно мною любимый. Кромѣ блестящей и многочисленной свиты военной, наше путешествіе, или, скорѣе, шествіе по водѣ и сушѣ украшали двѣ очаровательныя молоденькія женщины: княгиня Анастасія Гагарина, рожденная графиня Штейнбокъ, сохранившая, впрочемъ, и по сію пору свою замѣчательную красоту, и княгиня Зейнъ-Витгенштейнъ, жена моего пріятеля князя Эмиля,

скоро, впрочемъ, увы! скошенная смертью въ раннемъ разцвѣтѣ своей обворожительной красоты.

При такихъ условіяхъ и прекрасной, вмѣстѣ съ тѣмъ, погодѣ, всѣ находились въ отличномъ расположеніи духа и широко пользовались всѣми, окружавшими насъ, прихотливыми удобствами. Не сатрапомъ, а маленькимъ царькомъ плылъ Барятинскій по Волгѣ. Въ каждомъ прибрежномъ городѣ ему устроивались торжественныя встрѣчи, онъ произносилъ спичи, немножко ломался, немножко дурачился, но все это выходило кстати и привлекало къ нему людей. Въѣздъ въ Тифлисъ тоже состоялся съ особенною торжественностью, хотя и имѣлъ свою нѣсколько смѣшную сторону. Первое время моего пріѣзда въ Тифлисъ, обрадованный встрѣчей съ дорогими друзьями, еще весь подъ впечатлѣніемъ только-что совершеннаго путешествія, я не обезпокоивался о моей настоящей задачѣ, т. е. службѣ, но, мало-по-малу, мое положеніе выяснялось для меня очень непріятно. Тутъ случилось то, что случалось часто со мною въ жизни; по остроумному выраженію Едмонда Абу: «Мнѣ все обѣщали, я все принялъ, мнѣ ничего не дали!...» *). Вмѣсто дѣятельнаго труда, условленнаго между мной и Барятинскимъ, оказывалось, что мои занятія состояли въ устройствѣ праздниковъ въ честь главнокоман-

---

*) Когда, еще передъ началомъ франко-прусской войны, Абу открыто перешелъ въ лагерь республиканцевъ, его новые собраты сулили ему всякаго рода успѣхи и блестящую политическую карьеру, въ которой постъ министра или посла занималъ первое мѣсто; но время шло, республика укоренилась во Франціи, а между тѣмъ, хотя Абу пользовался, будучи редакторомъ-издателемъ газеты «XIX-ème Siècle», большимъ вліяніемъ, обѣщанія друзей оставались обѣщаніями, и онъ не получалъ никакого назначенія. Раздосадованный этимъ, въ одной передовой статьѣ своей газеты онъ напечаталъ слѣдующее: «On m'a tout promis, j'ai tout accepté, on ne m'a rien donné!...»

дующаго, импровизаціи стиховъ и водевилей. Съ этимъ, разумѣется, я согласиться не могъ. Съ Барятинскимъ, неизмѣримо, конечно, опередившимъ меня по службѣ, по свѣтскимъ условіямъ, дѣтскимъ воспоминаніямъ и товарищескимъ отношеніямъ, мы было равны, и разыгрывать роль оберъ-гофмаршала его дворика вовсе не входило въ мои планы. По этому поводу между нами произошло довольно рѣзкое объясненіе; Барятинскій съ сердцемъ сказалъ мнѣ, что я вѣчно «тороплюсь» и что у меня прескверный характеръ, и что я никогда ни съ кѣмъ не уживаюсь! Затѣмъ мы холодно распростились, и я уѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Я долженъ сказать, что эта черная кошка, пробѣжавшая между мной и Барятинскимъ, не оставила никакихъ слѣдовъ, и съ первой же нашей встрѣчи, послѣ этого, наши дружескія отношенія возобновились попрежнему. Я уже сказалъ, что высокомѣріе Барятинскаго, — болѣе чѣмъ высокомѣріе, чванливость, — не имѣло границъ; въ другомъ человѣкѣ, имѣвшемъ болѣе обширное вліяніе не только на дѣла русскія, но и на политику всего міра, и занимавшемъ еще бо̀льшее положеніе въ свѣтѣ, чѣмъ Барятинскій, въ канцлерѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Горчаковѣ это чувство было развито до мелочности, до послѣднихъ предѣловъ. Однажды, во время послѣдней турецкой войны, въ Бухарестѣ, я зашелъ къ нему вечеромъ; разговоръ коснулся бывшей въ теченіе дня духовной процессіи, причемъ канцлеръ замѣтилъ, что митрополитъ приказалъ шествію пройдти мимо дома, занимаемаго княземъ, и остановить на время передъ нимъ раку, вмѣщавшую въ себѣ мощи блаженнаго Дмитрія.

— Ваша свѣтлость! — невольно вскрикнулъ я: — такъ ужъ не вы къ мощамъ, а мощи къ вамъ прикладываются!...

Еще въ первые годы моего пребыванія на Кавказѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ женщиной, которой остался почитателемъ и другомъ въ теченіе всей ея, увы! короткой жизни. Баронесса Юлія Петровна Вревская, дочь храбраго генерала Варпаховскаго и жена, а потомъ вдова, еще болѣе извѣстнаго на Кавказѣ генерала барона Вревскаго, считалась почти въ продолженіе двадцати лѣтъ одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ; я не могу сказать, чтобы Юлія Петровна, хотя и была очень хороша, вполнѣ удовлетворяла своею наружностью эту лестную репутацію; сестра ея, Наталья Петровна, античною правильностью своего красиваго лица, гораздо болѣе заслуживала это названіе, но я во всю свою жизнь не встрѣчалъ такой плѣнительной женщины. Плѣнительной не только своею наружностью, но своею женственностью, граціей, безконечной привѣтливостью и безконечной добротой. Многимъ она напоминала мнѣ женщинъ александровскихъ временъ, этой высшей школы вкуса, утонченной вѣжливости и привѣтливости, и, бывало, слушая ея часто незатѣйливыя, но всегда милыя рѣчи, я думалъ, какъ бы желательно было въ нашемъ свѣтѣ побольше «такихъ» женщинъ и поменьше другихъ... Никогда эта женщина не сказала ни о комъ ничего дурного и у себя не позволяла никому злословить, а, напротивъ, всегда и въ каждомъ старалась выдвинуть его хорошія стороны. Многіе мужчины за ней ухаживали. Много женщинъ ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее въ чемъ нибудь, и самые злонамѣренные люди склоняли передъ нею голову. Всю жизнь свою она жертвовава собою для родныхъ, для чужихъ, для всѣхъ, и умерла мученическою смертью тамъ, далеко, въ Болгаріи, гдѣ погибло столько молодыхъ силъ, гдѣ пролито столько русской крови и рус-

скихъ слезъ безполезно. Народы, какъ люди, не прощаютъ оказанныхъ имъ благодѣяній, и, рано или поздно, мы встрѣтимъ въ болгарахъ, спасенныхъ нами, черную неблагодарность. Миръ твоему праху, милое, чистое созданіе, оставившее во всѣхъ, знавшихъ тебя, самое свѣтлое воспоминаніе!

По возвращеніи моемъ съ Кавказа, я изъ Петербурга опять отправился за границу и началъ съ Парижа. На другой же день послѣ моего пріѣзда я былъ приглашенъ обѣдать въ русское посольство. Высокій и, послѣ крымской войны, щекотливый постъ русскаго посла при Французской имперіи занималъ въ то время графъ Киселевъ. Онъ не только слылъ тонкимъ дипломатомъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей широкаго русскаго барства. Какъ всѣ проходимцы, Наполеонъ III любилъ унижать побѣжденныхъ, но Киселевъ умѣлъ себя такъ поставить, что занялъ при его дворѣ первенствующее положеніе. Императрица Евгенія особенно отличала его, и на оффиціальныхъ обѣдахъ онъ почти всегда пользовался высокой, въ то время, честью сидѣть по правую руку императрицы.

— Вы на балахъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ бывали, графъ? — спросилъ меня Киселевъ, когда рѣчь у него за обѣдомъ зашла о придворномъ балѣ, назначенномъ на слѣдующій день.

— При этой династіи еще не бывалъ; я, помнится, въ сороковыхъ годахъ былъ на одномъ «смѣшанномъ», какъ ихъ тогда называли, балѣ у короля Людовика-Филиппа.

— Я не обѣщаю вамъ, что завтрашній балъ будетъ менѣе смѣшаннымъ,— съ своей тонкой улыбкой замѣтилъ мнѣ нашъ посолъ: — но, все-таки, интересно посмотрѣть,

и, притомъ, вы увидите вблизи императрицу Евгенію, она еще очень хороша.

На другой день я получилъ приглашеніе, и вечеромъ, облекшись въ мундиръ, отправился во дворецъ. На главной лѣстницѣ и у входовъ стояли, вытянувшись въ струнку, знаменитые «les cent gardes»; они имѣли, правда, видъ таинственный и эффектный, но на всемъ остальномъ лежалъ отпечатокъ, отчасти напоминающій толкучій рынокъ. Въ отдѣльной залѣ насъ собрали человѣкъ пятнадцать мужчинъ и нѣсколько дамъ съ цѣлью представить насъ императорской четѣ. Мы ждали недолго, широкія двери раскрылись, два cent garde'a стали по обѣимъ сторонамъ ихъ, и, предшествуемый нѣсколькими придворными чинами, вошелъ въ залу императоръ, ведя подъ руку свою супругу. Дежурный камергеръ, идя нѣсколько впереди, называлъ императорской четѣ каждаго изъ насъ; мы низко кланялись, императоръ чуть склонялъ свою утомленную голову, императрица Евгенія слегка «присѣдала». Они обошли весь нашъ полукругъ и прослѣдовали въ другія залы, биткомъ наполненныя приглашенными, не сказавъ ни одному изъ насъ ни «единаго слова». Я невольно переглянулся съ нѣсколькими находящимися тутъ русскими; для насъ, привыкшихъ къ царственной представительности русскихъ государей и знавшихъ, что всѣ тѣ, кто имѣютъ счастье имъ представляться, всегда слышатъ отъ нихъ благосклонно привѣтливое слово, это безмолвное шествіе показалось очень удивительнымъ. Но въ тотъ вечеръ мнѣ пришлось еще удивляться. Наскучившись снованіемъ изъ залы въ залу незнакомой мнѣ толпы, я захотѣлъ уѣхать, но какъ всегда сбился, запутался въ нескончаемыхъ залахъ и очутился у запертыхъ дверей, ведущихъ, мнѣ по-

чему-то казалось, къ выходу; я взялся за замокъ, намѣреваясь открыть дверь.

— On ne passe pas! — грубо закричалъ на меня подбѣжавшій камеръ-лакей.

— Что это — внутренніе аппартаменты? — спросилъ я.

— Нѣтъ, это столовая, — былъ мнѣ отвѣтъ.

— Столовая ихъ величествъ?

— Столовая для гостей, только васъ еще туда не велѣно пускать; vous avez le temps d'attendre vous autres!

Взорванный этой грубостью, этимъ лакейскимъ нахальствомъ, я невольно сказалъ, что нельзя поздравить императора ни за его гостей, ни въ особенности за его прислугу.

— «Comment? Vous vous permettez d'insulter l'Empereur?! Attendez, je m'en vais vous faire arrêter!»

Къ счастью, одинъ изъ секретарей нашего посольства, какъ-то нечаянно проходившій по залѣ, вывелъ меня изъ этого глупаго положенія, и я удалился изъ Тюльерійскаго дворца съ обѣщаніемъ внутренно себѣ никогда тутъ болѣе не появляться. Эта стычка съ лакеемъ напоминаетъ мнѣ одинъ очень забавный случай, приключившійся съ однимъ изъ моихъ родственниковъ по первой женѣ, Лазаревымъ. Армянинъ родомъ, человѣкъ очень богатый и чванный, онъ женился на племянницѣ моей тещи, графини Віельгорской, принцессѣ Бирон. Когда онъ находился въ Парижѣ, съ нимъ тоже приключилась какая-то, уже теперь въ точности не припомню, комическая исторія, по случаю которой его потащили въ часть, къ «commissaire de police». Когда онъ себя назвалъ и объявилъ свой чинъ и фамилію, съ нимъ тотчасъ всѣ стали почтительнѣе.

— Вотъ, видите, monsieur, — мягко сказалъ ему частный приставъ: — вы такъ близко стоите къ русскому им-

ператору (?!), что мы не посмѣемъ болѣе васъ безпокоить, такъ какъ нашъ государь, Наполеонъ III-й, находится въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ вашимъ царемъ.

— Какъ! — неистово крикнулъ на него Лазаревъ. — Вы смѣете сравнивать вашего шалопая, вашего проходимца, авантюриста, карбонарія съ русскимъ императоромъ, съ моимъ царемъ, съ Божіимъ помазанникомъ?! Да какъ вы смѣете! Да я не позволю!...

Дѣло начинало принимать для Лазарева прескверный оборотъ; ему уже угрожала не полиція, а тюрьма, куда его немедленно и посадили по обвиненію въ оскорбленіи величества. Оффиціальныя особы и служащіе, хотя, можетъ быть, въ глубинѣ души своей и неособенно чтили имперію Наполеона III-го, но обязывались это показывать всячески. Мнѣ нечего прибавлять, что дѣло это очень скоро выяснилось, что Лазарева освободили и даже, кажется, благодаря вмѣшательству нашего посольства, чуть ли не извинились передъ нимъ.

Желая ближе ознакомиться съ устройствомъ Большой Оперы въ Парижѣ, въ виду нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи нашей большой и итальянской оперы, я познакомился съ Halevy (Галеви), извѣстнымъ композиторомъ оперы «Жидовка» («La Juive»). Не имѣя ни ума, ни таланта Мейербера, Галеви, тѣмъ не менѣе, пользовался въ средѣ композиторовъ и артистовъ большимъ вліяніемъ. Жидъ чистокровный, жидъ фанатикъ, покровительствуемый Ротшильдами, Галеви всѣми силами выталкивалъ на свѣтъ Божій всякое жидовское произведеніе и душилъ немилосердно все, что носило отпечатокъ нововведенія и оригинальности. Однажды за обѣдомъ у княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой (она жила тогда въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, и въ ея гостиной собирались

почти всѣ извѣстные и талантливые люди въ Парижѣ) разговоръ зашелъ о нѣкоемъ г-нѣ Шёве, усовершенствовавшемъ цифирную методу для хоральнаго пѣнія; меня заинтересовала не только художественная сторона этого дѣла, во мнѣ вызвала и любопытство и уваженіе самая личность Шёве; человѣкъ уже лѣтъ очень пожилыхъ и до крайности бѣдный, онъ, окончивъ свою службу (онъ занималъ какую-то маленькую казенную должность), ежедневно проходилъ пѣшкомъ почти отъ конца въ конецъ Парижъ и, прійдя въ Латинскій кварталъ въ скромную залу, арендованную для этого, безплатно обучалъ по изобрѣтенной имъ методѣ пѣнію нѣсколько сотъ молодыхъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества. Популярностью онъ пользовался огромной, но полубоги музыкальнаго міра всячески ему противодѣйствовали. Я съ нимъ познакомился и, списавшись предварительно съ вліятельными по этому отдѣлу лицами, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ. Онъ меня послушался, но я вскорѣ сильно раскаялся въ томъ, что совершенно напрасно побезпокоилъ бѣднаго старика. Въ Петербургѣ рутинерство по этой части еще превосходитъ французское, и раздосадованный неудачей, послѣ отъѣзда Шёве изъ Петербурга, я уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и написалъ, въ свое время надѣлавшую много шума въ Парижѣ, брошюру «Les musiciens contre la musique». Брошюра эта навлекла на меня, какъ и слѣдовало ожидать, громы французскаго музыкальнаго міра и нѣкоторыхъ критиковъ; одинъ изъ нихъ до того разошелся, что по смерти Галеви, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, написалъ, что «содержаніе гнуснаго памфлета одного иностраннаго писателя много повліяло на его шаткое здоровье!»

Собравъ много свѣдѣній по театральному дѣлу, я по-

ѣхалъ въ Петербургъ, но, убѣдившись, что пока изъ этого ничего не выйдетъ, снова вернулся въ Дерптъ и занялся изученіемъ всегда интересовавшаго меня тюремнаго вопроса, тоже впослѣдствіи влившаго немало горечи въ мою жизнь.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ „ВОСПОМИНАНІЯХЪ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА".

А.

Абрамовичъ, варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, 136.

Абу, Эдмондъ, французскій писатель, 264—266, 279.

Адлербергъ, графы:

— Александръ Владиміровичъ, генералъ-адъютантъ, министръ императорскаго двора, членъ государств. совѣта, 66.

— Владиміръ Ѳедоров., генералъ-адъютантъ, министръ императорскаго двора, 248.

Александра Іосифовна (Фредерика-Генріэтта-Паулина-Маріанна-Елисавета, принцесса саксенъ-альтенбургская), великая княгиня, 222.

Александра Ѳеодоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса прусская), русская императрица, 103—105, 131, 134, 135, 206.

Александръ I Павловичъ, императоръ, 22—26, 28, 39, 43, 90, 91, 148.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, 66, 205, 214, 241—243, 246.

Амвросій (Зертисъ-Каменскій), московскій архіепископъ, 61, 62.

Андреевскій, докторъ кавказскаго намѣстника, кн. М. С. Воронцова, 229—231.

Анна Павловна, великая княгиня, королева нидерландская, 222, 225.

Апраксина, графиня, пріятельница Е. А. Архаровой, 93, 94.

Архаровы:

— Александра Ивановна. См. Васильчикова.

— Варвара Ивановна. См. Кокошкина.

— Екатерина Александр., рожден. Римская-Корсакова, 6—8, 12, 18, 21, 22, 47—56, 61—65, 92—94, 112.

— Иванъ Петр., московскій военный губернаторъ, шефъ полка его имени, 2, 6—8, 12, 18, 62.

— Марья Иван. См. Посникова.

— Николай Петр., оберъ-полиціймейстеръ московскій, а потомъ петербургскій, впослѣдствіи намѣстникъ въ Твери, 63.

— Рожденная Щепотьева, 2.

— Софья Ив. См. гр. Сологубъ.

д'Аршіакъ, виконтъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, 180—185.

Б.

Бакунинъ, Михаилъ Александров., русскій агитаторъ и соціалистъ, 156.

Барятинскіе, князья:

— Александръ Иванов., генералъ-фельдмаршалъ, 18, 19, 276—280.

— Марья Ив. См. Кочубей.

Башуцкій, Александръ Павловичъ, петербургскій комендантъ, 23.

Бенкендорфъ, графъ, Александръ Христофоровичъ, генералъ-адъютантъ., шефъ корпуса жандармовъ, 42.

Берри, Шарль-Фердинандъ, французскій герцогъ, наслѣдникъ престола, 16.

Бестужева, Александра Дмитріевна, рожд. Кроткова, 87.

Биронъ, герцогиня Луиза Карлов. См. графиня Віельгорская.

Блудовы, графы:

— Андрей Дмитр., посланникъ при бельгійскомъ дворѣ, 215.

— Антуанета Дмитріевна, камеръ-фрейлина, 215.

— Вадимъ Дмитріевичъ, 215.

— Дмитрій Николаевичъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, предсѣдатель государственнаго совѣта, 215.

Борисовъ, художникъ, 67, 88, 89.

Браницкая, графиня Елисавета Ксаверьевна. См. кн. Воронцова.

Брессанъ, француженка, супруга кн. М. Кочубея, 210.

Бутурлины:

— Анна Дмитріевна. См. граф. Строганова.

— Дмитрій Петровичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, 118.

— Петръ Дмитріевичъ, 118, 119.

Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, русскій княжескій домъ, 79.

В.

Варпаховскія:

— Наталія Петровна, 281, 282.

— Юлія Петровна. См. баронесса Вревская.

Васильчиковы:

— Александра Иванов., рожден. Архарова, 6, 18, 24, 91, 178.

— Алексѣй Васильевичъ, 18.

— Кн. Илларіонъ Васильев., предсѣдатель государственнаго совѣта, 24—26.

— Марья Васильевна. См. кн. Кочубей.

Веневитинова, Апполина Михайлов., рожд. графиня Віельгорская, 129.

Віельгорскіе, графы:

— Анна Михайловна. См. кн. Шаховская.

— Апполина Михайловна. См. Веневитинова.

— Іосифъ Михайловичъ, товарищъ дѣтства Александра II, 66, 129.

— Луиза Карловна, рожд. герцогиня Биронъ, 128—131, 138—141, 210, 211.

— Матвѣй Юрьевичъ, шталмейстеръ, 132.

— Михаилъ Юрьев., оберъ-шенкъ, 27, 128, 131, 204, 210, 211, 247.

— Софья Михайловна. См. граф. Сологубъ.

Воронцовы, князья:

— Елисавета Ксаверьевна, рожд. графиня Браницкая, 233.

— Марья Васильевна, по первому браку Столыпина, рожд. княжна Трубецкая, 233, 234.

— Михаилъ Семеновичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, фельдмаршалъ, намѣстникъ кавказскій, 226—235, 240, 244, 245.

— Семенъ Михайловичъ, генералъ-адъютантъ, 233.

Воронцовы-Дашковы, графы:

— Александръ Кирилловичъ, 126, 127, 219.

— Иванъ Илларіоновичъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-церемоній-мейстеръ, 126, 127, 207, 208.

Вревская, баронесса Юлія Петр., рожд. Варпаховская, 281.

Вяземскій, кн. Петръ Андреевичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель, 135, 136, 216.

Г.

Гагарина, княгиня, Анастасія, рожд. графиня Штейнбокъ, 278.

Галеви, Жакъ-Фромонталь, французскій композиторъ, 285.

Гекернъ, баронъ, голландскій посланникъ въ Петербургѣ, 179, 186—188.

Герценъ, Александръ Ивановичъ, эмигрантъ, 135.

Глинка, Михаилъ Ивановичъ, композиторъ, 59, 60.

Гнѣдичъ, Н. И., поэтъ, 6.

Гоголь, Николай Васильевичъ, писатель, 6, 113, 129, 138—141, 189—191, 213.

Голенищевы - Кутузовы - Смоленскіе, князья:

— Елисавета Михайловна, по первому браку графиня Тизенгаузенъ. См. Хитрово.

— Михаилъ Илларіоновичъ, генералъ-фельдмаршалъ, 132.

— Прасковья Михайл. См. Толстая.

Голицынъ-Прозоровскій, кн. Александръ Ѳедоровичъ, генералъ-лейтенантъ, 38, 57.

Голицыны, князья:

— Александра Ѳедоровна, 58.

— Александръ Николаев., статсъ-секретарь, оберъ-прокуроръ св. синода, главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣд. и министръ народнаго просвѣщенія, впослѣд. канцлеръ россійскихъ орденовъ, 28, 32, 33.

— Борисъ Ѳедоровичъ, 58.

— Варвара Григорьевна. См. де-Шуазёль-Гуфье.

— Григорій Сергѣевичъ, сенаторъ, 2, 96.

— Давидъ Ѳедоровичъ, 58.

— Дмитрій Владиміровичъ, московскій генералъ-губернаторъ, 25, 100.

— Екатерина Ивановна, рожден. графиня Сологубъ, 96.

— Елисавета Михайловна, 33, 34.

— Константинъ Ѳедоровичъ, 58.

— Наталья Александровна, рожд. графиня Строганова, 192.

— Наталья Ивановна, рожд. графиня Сологубъ, 2.

— Сергѣй Сергѣевичъ, егермейстеръ, 99—101.

— Сергѣй Ѳедоровичъ, 58.

— Юлія Ѳедоровна. См. Куракина.

— Ѳедоръ Сергѣевичъ, егермейстеръ, 29, 38.

Головкины, графы:

— Екатерина Львовна, рожд. Нарышкина, 197.

— Юрій Александровичъ, оберъ-камергеръ, членъ государственнаго совѣта, послѣдній въ родѣ, 197, 198, 201.

Гончаровы:

— Екатерина Никол., 181, 182—185.

— Наталья Николаевна. См. Пушкина.

Горчаковы, князья:

— Анна Михайловна. См. граф. Сологубъ.

— Александръ Михайловичъ, свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, 95, 96, 280.

Григорій, священникъ домовой церкви кн. А. Н. Голицына, снисходительный духовникъ Е. А. Архаровой, 49.

Григоровичи:

— Василій Ильичъ, полковникъ, управляющій имѣніями графа Сологуба, 77, 80—82.

— Дмитрій Васильевичъ, писатель, 80.

— Сидонія Петровна, рожд. Ледантю, 81.

Д.

Дантесъ-Геккернъ, кавалергардскій офицеръ, убившій Пушкина на дуэли, 176, 178, 179, 181—187.

Дельвигъ, баронъ, Антонъ Антонов., поэтъ, 96.

Демидовы:

— Аврора Карловна, по второму браку Карамзина, 141—145, 219, 220.

— Анат. Николаевичъ, князь Санъ-Донато, 141.

— Павелъ Николаевичъ, 141.

— Павелъ Павловичъ, 144.

Долгорукая, кн. Екатерина Ѳедоровна, 198—201.

Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ писатель, 217, 218.

Дурасовы:

— Русская дворянская фамилія, 79.

— Николай Алексѣевичъ, 80.

Дюдефанъ, Аврора, баронесса, рожд. Дюпель, французская писательница. См. Зандъ, Жоржъ.

Дюма:

— Александръ - отецъ, писатель, 251—260.

— Александръ-сынъ, писатель, 254 255, 258—260.

Е.

Евгенія-Марія де-Гусманъ (донна де-Монтихо), императрица французская, 282, 283.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, 201.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса виртембергская), супруга великаго князя Михаила Павловича, 145.

Елисавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса баденская), русская императрица, 39, 44.

Ераковъ, піита, 34.

Еропкина, Софья Алексѣев., 92, 93.

Ж.

Жемчужниковъ, знакомый И. С. Тургенева, 237—239.

Живокини, В. И., артистъ московскаго театра, 5.

Жуковскій, Василій Андреев., поэтъ, 20, 21, 186.

З.

Зандъ, Жоржъ, псевдонимъ французской писательницы Авроры Дюдефанъ, рожд. Дюпель, 257—259.

Зейнъ-Витгенштейнъ, княгиня, 278, 279.

Золотаревъ, Иванъ Ѳедоровичъ, товарищъ и другъ графа В. А. Сологуба, 109—112.

Зуровъ, мастеровой московскаго театра, исполнявшій обязанности декоратора, машиниста и режиссера, 3.

И.

Иванъ Яковлевичъ, нѣмецъ, дядька графа В. А. Сологуба, 67.

Ивашевы:

— Василій Петровичъ, ротмистръ кавалергардскаго полка, декабристъ, 81.

— Камилла Петровна, рожд. Ледантю, 81.

Иноземцевъ, Ѳедоръ Иванов., профессоръ московскаго университета, 109.

К.

Казицкіе, русскій дворянскій домъ, 79.

Калерджи, музыкантша, 266.

Карамзины:

— Аврора Карловна, по первому браку Демидова, 141—145.

— Андрей Николаевичъ, 109, 145.

— Владиміръ Николаевичъ, 109.

— Екатерина Андреевна, 135.

— Николай Михайловичъ, исторіографъ, 7.

— Софья Николаевна, 209.

Кельцъ, докторъ графа А. И. Сологуба, 67, 82, 83.

Киселевъ, графъ, Павелъ Дмитріевичъ, русскій посолъ въ Парижѣ, 282.

Козлова, Марья Ѳедоровна, рожд. Кокошкина, 5.

Кокошкины:

— Варвара Ивановна, рожд. Архарова, 2, 5.

— Марья Ѳедоров. См. Козлова.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, директоръ московскаго театра, 2, 5, 6.

Кологривовы:

— Дмитрій Михайловичъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 28—33.

— Елисавета Михайловна, рожд. Голицына, 52.

— Наталья Дмитріевна, 124—126.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, 205, 206, 222.

Кочетовъ, протоіерей Смоленскаго кладбища, законоучитель графа Владим. Александр. Сологуба. 20.

Кочубей, князья:

— Марья Васильевна, рожд. Васильчикова, 195—197.

— Марья Ивановна, рожд. княжна Барятинская, 210.

— Михаилъ, 210.

— Наталья Викт. См. граф. Строганова.

Краевскій, Андрей Александровичъ, редакторъ газеты „Голосъ“, 3, 4.

Кротковы:

— Александра Дмитріевна. См. Бестужева.

— Дмитрій Степановичъ, владѣлецъ имѣній Городище и Шигоны, Симбирской губерніи, 83—88.

— Елисавета Дмитріев. См. Мельгунова.

— Михаилъ Дмитріевичъ, 85, 86, 88.

— N. Дмитріев., сожженный своими крестьянами, 86, 87.
— Николай Дмитріевичъ, 88.
— Софья Дмитріевна. См. Татищева.
Крыловъ, Иванъ Андреев., баснописецъ, 46.
Кудашева, княгиня, N. Ѳедоровна, рожд. графиня Тизенгаузенъ, 132.
Куракина, княгиня, Юлія Ѳедоров., рожд. княжна Голицына, 58.

Л.

Лаваль, графиня, 79.
Лазаревъ, армянинъ, родственникъ графа В. А. Сологуба, 284.
де-Ланжеронъ, графъ, Андре, новороссійскій генералъ-губернаторъ, чл. государственнаго совѣта, 146—151, 154.
Левашева, графиня, рожд. графиня Панина, 241.
Лѐви, пьянистъ, 220, 221.
Ледантю:
— Воспитательница дѣтей генерала Ивашева, 81.
— Камилла Петровна. См. Ивашева.
— Сидонія Петровна. См. Григоровичъ.
Леметръ, Фредерикъ, французскій актеръ, 259.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, поэтъ, 43, 135, 141, 142, 188, 207—210.
Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, воспитательница великихъ княженъ, дочерей Павла I, 46.
Лобанова-Ростовская, княг. Марья Яковлев. См. Нарышкина.
Лукинъ, легендарный силачъ, 31.
Людовикъ XVIII, французскій король, 17.

М.

Максимиліанъ, герцогъ Лейхтенбергскій, 202, 203.
Марія Николаевна, великая княжна, герцогиня Лейхтенбергская, 202, 203, 205, 225.
Марія Павловна, великая княгиня, герцогиня саксенъ-веймарская, 37.
Марія Ѳеодоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла I, 44—46, 65.
Маркизъ (le Marquis), уличный парижскій пѣвецъ, 14, 15.
Маркова, Анна Ивановна, 93.
Мермiе, Ксаверій, французскій писатель, 259.
Массонъ, воспитатель графа В. А. Сологуба, 107.
Матильда, принцесса, 264, 265.
Мейерберъ, Джіакомо, композиторъ, 267—269.
Мельгунова, Елисавета Дмитріевна, рожд. Кроткова, 87, 88.
Меновская, жена харьковскаго губернскаго архитектора, 197, 198.
Мердеръ, товарищъ дѣтства Александра II, 66.
Минвіель, Ѳедòръ, пѣвица, 249—251.
Михаилъ Николаевичъ, велик. князь, 240.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 145, 146.
де-Морни, графы:
— Шарль - Огюстъ - Луи - Жозефъ, французскій сенаторъ, посланникъ въ Петербургѣ, предсѣдатель законодательнаго собранія, 247, 248.
— Супруга предыдущаго, рожден. княжна Трубецкая, 248.
Мочаловъ, артистъ московск. театра, 5.
Мусина-Пушкина, графиня, Эмилія Карловна, 141, 142, 143, 145, 219.
Мюржеръ, Генрихъ, французскій писатель, 260—262.
де-Мюссѐ, Альфредъ, французскій писатель, 257.

Н.

Наполеонъ III, императоръ французовъ, 247, 248, 264, 282, 283, 285.
Нарышкины:
— Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ, 90, 91.
— Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, 35, 36.
— Екатерина Львовна. См. графиня Головкина.
— Кириллъ Александров., оберъ-гофмаршалъ, 34, 91.

— Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, 8, 91.
— Марья Антоновна, 35, 36.
— Марья Яковлевна, рожд. княж. Лобанова-Ростовская, 34.
— Наталья Львовна. См. граф. Сологубъ.
— Софья Дмитріевна, 36.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, писатель, 134.
Нелидова, Екатерина Ивановна, камеръ-фрейлина, 46.
Николай I Павловичъ, императоръ, 102—106, 130, 135, 203—206, 214.
Николя, аббатъ, содержатель пансіона въ Петербургѣ, 8.
Ньюверкерке, французскій графъ, 265.

О.

Оберъ, Даніель-Франсуа, французскій композиторъ, 271—274.
Обрѣзковы:
— Наталья Львовна, рожд. графиня Сологубъ, 95.
— Посолъ при королѣ Обѣихъ Сицилій, 95.
Одоевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, сенаторъ, писатель, 137, 138.
Ольга Николаевна, великая княжна, королева виртембергская, 129, 130, 203, 205.
Опочинина, N. Ѳедоровна, рожден. графиня Тизенгаузенъ, 132.
Орловъ, графъ, Алексѣй Ѳедоров., впослѣдствіи князь, генералъ-адъютантъ, шефъ-жандармовъ, предсѣдатель государ. совѣта, 136, 137.

П.

Павелъ I Петровичъ, императоръ, 32.
Панаевъ, Н. И., писатель, 134.
Паншина, N. Львовна, рожд. графиня Сологубъ, 96.
Паткуль, товарищъ дѣтства Александра II, 66.
Пашковы, русская дворянская фамилія, 79.
Перекусихина, Марья Савишна, камеръ-юнгфера Екатерины II, 46.
Пироговъ, Николай Ивановичъ, тайный совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, впослѣдствіи попечитель кіевскаго учебн. округа, 109.
Писаревъ, артистъ московскаго театра, 5.
Плетневъ, Петръ Александровичъ, ректоръ петербургскаго университета, издатель „Современника“, 20, 21.
Плещеева, Наталья Ѳедот., статсъ-дама, 46.
Посниковы:
— Захаръ Николаевичъ, сенаторъ, 2, 4.
— Иванъ Захаровичъ, 2—5, 8.
— Марья Ивановна, рожд. Архарова, 2—4.
Потемкина, Татьяна Борисов., благотворительница, 29.
Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь, Григорій Александров., фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, 93, 198—201.
Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ лже-Петръ III, 76.
Пушкины:
— Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 6, 115—117, 133, 175—188, 191.
— Наталья Николаевна, рожден. Гончарова, супруга поэта, 117—119, 177, 179, 182, 187.

Р.

Римская-Корсакова, Екатер. Александровна. См. Архарова.
Розновано, супруга графа Л. Л. Сологубъ. См. Сологубъ.
Россини, Джіакомо-Антоніо, композиторъ, 248—251, 267—269.
Ростопчина, графиня, Евдокія Петровна, рожд. Сушкова, поэтесса, 219.

С.

Сабурова, Елисавета Владиміров., рожд. графиня Сологубъ, 232.
Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ (Щедринъ), писатель, 121.
Самойловъ, графъ, 4.
Сандо, Жюль, французскій писатель, 257—259.
Сандунова, актриса московск. театра, 5.
Самойлова, Вѣра Васильев., артистка императорскихъ театр., 222—224.

Сахаровъ, посѣтитель „звѣринца“ графа В. А. Сологуба, 215.

Свистунова, Надежда Львов., рожд. графиня Сологубъ, 95.

Скрибъ, Евгеній, французскій писатель, 270.

Скуратова, М. Н. См. граф. Сологубъ.

Сологубы, графы:

— Александръ Ивановичъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 1, 2, 8—16, 30, 34, 42, 43, 82, 89, 91, 105, 107—109, 115.

— Анна Михайлов., рожд. княжна Горчакова, 2, 95—96.

— Варвара Ивановна, вторая супруга графа Влад. Ал. Сологуба, 122, 147.

— Екатерина Ивановна. См. княгиня Голицына.

— Елисавета Владиміровна. См. Сабурова.

— Иванъ Антоновичъ, польскій магнатъ, 2, 9.

— Левъ Александров., 12, 107, 108.

— Левъ Ивановичъ, полковникъ, 2, 91, 95.

— Левъ Львовичъ, 95.

— М. Н., рожд. Скуратова, 96.

— Нат. Иван. См. княгиня Голицына.

— Надежда Львовна. См. Свистунова.

— Наталья Львовна, рожд. Нарышкина, 2, 13.

— Наталья Львовна. См. Обрѣзкова.

— Николай Львовичъ, 95.

— N. Львовна. См. Паншина.

— N. Львовна. См. Энгельгардтъ.

— Просперъ, 56, 57.

— Софья Ивановна, рожд. Архарова, супруга графа Александра Ивановича Сологуба, 2, 6, 8, 10—14, 22, 23, 43, 95, 101, 108, 109.

— Софья Михайлов., рожд. Віельгорская, супруга Владиміра Алекс. Сологуба, 129, 210, 212.

— Супруга Л. Л., рожд. Розновано, 96.

— Юстинъ, 56.

Столыпина, Марья Васильев., рожд. княжна Трубецкая. См. княгиня Воронцова.

Строгановы, графы:

— Александръ Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ, харьковскій генералъ-губернаторъ, впослѣдст. членъ государств. совѣта, 192, 194, 196.

— Анна Дмитріевна, рожд. Бутурлина, 118.

— Григорій Александров., оберъ-шталмейстеръ, 192—194.

— Маріанна Александровна, 192.

— Наталья Викторовна, рожден. княжна Кочубей, 192.

— Наталья Александров. См. кн. Голицына.

— Сергѣй Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, сенаторъ, 194.

Суворовъ, князь, Аркадій Ал., 120.

Т.

Татищева, Софья Дмитріев., рожд. Кроткова, 87, 88.

Твердышевъ, горнозаводчикъ-милліонеръ, 79, 80.

Тизенгаузенъ, графы:

— Екатерина Ѳедоровна. См. Хитрово.

— Елисавета Михайловна, рожд. княгиня Голенищева-Кутузова-Смоленская, по второму браку Хитрово, 132.

— N. Ѳедоровна. См. кн. Кудашева.

— N. Ѳедоровна. См. Опочинина.

— N. Ѳедоровна. См. Фикельмонтъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ, флигель-адъютантъ, 32.

Толстые:

— Графъ, Иванъ Матвѣевичъ, министръ почтъ и телеграфовъ, 205.

— Графъ, Михаилъ Владиміров., тверской губернаторъ, другъ Гоголя, 155, 156.

— Матвѣй Ѳедор., сенаторъ, 132.

— Прасковья Михайловна, рожд. княжна Голенищева-Кутузова-Смоленская, 132.

Трубецкія:

— Княгиня Елисавета Эсперовна, 285.

— Княжна Марья Васильевна, по первому браку Столыпина. См. княг. Воронцова.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, писатель, 236—240.

Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, писатель, 215, 216.

Ф.

Фикельмонтъ, N. Ѳедоровна, рожд. графиня Тизенгаузенъ, 132.

Фредерици, сынъ павловскаго коменданта, товарищъ дѣтства Александра II, 66.

Фредро, графъ, Александръ, польскій писатель, 137, 220.

Х.

Ханыковъ, Николай Андреев., оріенталистъ, 235—237.

Хитрово:

— Екатерина Ѳедоровна, рожд. графиня Тизенгаузенъ, 132, 133, 135.

— Елисавета Михайловна, рожд. княжна Голенищева-Кутузова-Смоленская, по первому браку графиня Тизенгаузенъ, 132, 133, 135, 179.

— N. Ѳедоровна, рожд. графиня Тизенгаузенъ, 132.

Ч.

Чернышевъ, графъ Александръ Ивановичъ, впослѣд. свѣтлѣйшій князь, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, военный министръ, предсѣдатель государств. совѣта, 125, 126.

Ш.

Шарьеръ, гувернеръ графа В. А. Сологуба, 67, 88.

Шаховскіе, князья:

— Александръ Александров., писатель, 34.

— Анна Михайловна, рожд. графиня Віельгорская, 129.

Шёве, усовершенствовавшій циферную методу хоральнаго пѣнія, 286.

де-Шево, графиня Зинаида Ивановна, рожд. Нарышкина, по первому браку княгиня Юсупова, 128.

Шлейнъ, Александра Николаевна, полковница, 12.

Штеричъ:

— Евгеній, піанистъ, пріятель М. И. Глинки, 58—60.

— Серафима Ивановна, 58.

де-Шуазёль-Гуфье, графы:

— Варвара Григорьевна, рожден. княжна Голицына, начальница сестеръ милосердія въ Одессѣ, 96—99.

— Эдуардъ Октавіев., адъютантъ фельдмаршала гр. Воронцова, 97, 98.

Шуваловъ, графъ, Андрей Петровичъ, оберъ-гофмаршалъ, впослѣдств. католическій монахъ, 36.

Щ.

Щепкинъ, М. С., артистъ московскаго театра, 5.

Щепотьевы:

— Николай Алексѣевичъ, 70.

— Первая супруга И. П. Архарова. См. Архарова.

Э.

Энгельгардтъ, N. Львовна, рожд. графиня Сологубъ, 96.

Эристовъ, князь, Ел. Евс., генералъ-отъ-инфантеріи, 231.

Ю.

Юсуповы, князья:

— Борисъ Николаевичъ, гофмейстеръ, 128.

— Зинаида Ивановна, рожд. Нарышкина. См. граф. де-Шево.

Я.

Языковъ, поэтъ, 109.

Яковлевъ, Платонъ Степановичъ, пріятель Е. А. Архаровой, 94, 95.

Staatsbibliothek
München

(15)

ТО—
7-52

МК-473103

[illegible]

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Sollogub, Vladimir A.,

Vospominanija Grafa Vladimira Aleksandroviča Sologuba s portr

S.-Peterburg 1887

Biogr. 3291 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11574091-0